

ЛЕВ ШИХМАН

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Воспоминания и размышления

**ИЗРАИЛЬ
2011**

Редактор Семён Габай

Обложка Алены Ягудаевой

На 1-й стр. – Лев Шихман. 1954 г.

Лев Шихман. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ.
Воспоминания и размышления. Издательство «Звёздный
ковчег». Стр. 336

© Лев Шихман.
Возвращение к истокам.

©Все права
принадлежат автору

ИЗРАИЛЬ
2011

*Брониславе,
моей жене и преданному другу
с глубокой любовью и нежностью
за помощь, понимание и поддержку
посвящаю эту книгу*

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Я ем повидло с хлебом. Тётя София. Я и мои две сестры одни без родителей. Смерть сестры Сони. Мы бездомные. Приезд родителей. Мы переезжаем в Крыжополь. Крысы.

Воспоминания детства... Так давно это было, что иногда кажется - все события происходили в другом мире и не с тобой, а ты – посторонний наблюдатель. Память выхватывает отдельные эпизоды с такой яркостью, как будто они произошли вчера, и только одному Богу известно, почему в памяти сохранились именно те события, которые с твоей точки зрения не являются главными или судьбоносными.

...Вот один из эпизодов, который сохранился в памяти. Жаркий, знойный полдень. Лето в разгаре. Мне всего 4 года. Я стою в маленькой комнате и с жадностью ем хлеб с повидлом, намазанным на ломоть почему-то с обеих сторон. Напротив меня сидит женщина и с бесконечной грустью, со слезами на глазах смотрит на меня. Это тётя София, очень хорошая тетя, она часто угощает меня чем-то вкусным.

Тётя София – наша квартирная хозяйка и наш ангел-хранитель, которую мы много лет спустя вспоминали с теплотой и с чувством глубокой благодарности. Мы живём в городе Бирзула (ныне Котовск), и у нас нет своего жилища, так как наш дом, большой, каменный, был экспроприрован, мы были вышвырнуты на улицу и волею судьбы оказались в крошечной комнате, которую нам предоставила совершенно чужая одинокая женщина.

Нас – трое: старшая сестра Хона (Аня) 12 лет, сестра Зина 8 лет и я - самый младший. Мы - одни, наших родителей нет с нами. Мама находится в больнице по поводу

тяжёлого нервного потрясения и после операции опухоли в брюшной полости (к счастью, доброкачественной), папа постоянно находится около больной мамы. А мы предоставлены сами себе, и если бы не тётя София, трудно сказать, как бы мы смогли выжить.

Но сейчас мне хорошо - тепло, ярко светит солнце, и повидло очень вкусное. Я уже весь измазан повидлом. Хона моет меня и делает замечание, что надо быть аккуратнее. Но она не кричит на меня, она плачет, и сестра Зина плачет.

У нас большое горе. Умерла наша старшая сестра Соня. Я её совершенно не помню, но о ней так много рассказывали, что у меня сложилось полное представление о ней. Со слов очевидцев Соня была настоящей красавицей, с копной рыжих волос на голове (наследственность нашего рыжебородого дедушки) и большими голубыми глазами, которые Соня наследовала от отца.

Наш папа был красивый голубоглазый мужчина. У Сони было редкое сочетание красоты и ума. Несмотря на юный возраст, она активно участвовала в сионистском движении («сионистка», как говорили старики). И вот нашей Сони не стало. Смерть Сони вызвала тяжёлое нервное потрясение у моих родителей. Поистине беда не приходит одна - к этому времени в Советской стране происходила «коллективизация», которая сопровождалась ликвидацией кулачества как класса.

Мы в это лихое время жили в городе Раздельная. Там же я родился 24 августа 1929 г. Наше материальное состояние в тот период было очень хорошее, отец работал бондарем, имел много заказов (главным образом на винные бочки). Родители купили большой каменный дом с усадьбой. Этого было достаточно, чтобы нас объявили кулаками, и вот мы в одночасье лишились дома и всего имущества. Мама в тяжёлом стрессовом состоянии ока-

залась в больницу, папа ухаживал за ней, а мы, трое детей, оказались одни.

Много воды утекло с тех пор, тайное становится явным, и в голову закрадывается крамольная мысль: а какова была бы судьба нашей сестры Сони, если бы она не умерла. Может, Бог призвал её к себе, чтобы её не постигла печальная судьба - стать жертвой кровавого сталинского режима и испытать муки и унижения узницы ГУЛАГА? Судя по роду её деятельности и её характеру, она была явным кандидатом на роль «врага народа».

А сейчас мы трое беззащитных детей, нам тоскливо и страшно без родителей, мы голодаем. Может, поэтому мне так ярко врезалась в память эта жалкая трапеза-хлеб с повидлом. Много ли ребёнку надо?

Затем из тьмы памяти выступает новая картина. Я обнимаю мать и при этом испытываю невыразимое блаженство. Мать, молодая, красивая, гладит меня по голове и целует. Я очень любил мою маму и часто по ночам, когда мне становилось страшно, перебирался к ней в постель, прижимался к ней, рукой гладил её грудь и только после этого засыпал спокойным безмятежным сном. Может, поэтому у меня выработался мягкий характер и особо трепетное отношение к женщинам. Много позже, когда в институте я изучал теорию психоанализа Зигмунда Фрейда, меня поразило, насколько точно он описал это состояние, при котором мальчик неосознанно испытывает влечение к матери. Это универсальное явление в раннем детстве (Эдипов комплекс).

Память высвечивает следующий эпизод. Мы - в Крыжопле, маленьком городке Винницкой области с населением около 5000 человек. Папа выбрал этот городок, очевидно, исходя из того, что там жили его братья – Меир, Янкл и Берл. Он надеялся на их помощь, всё-таки родные люди – не дадут пропасть. Однако выбор места прожи-

вания в Крыжополе вряд ли можно считать удачным, и только отчаянное положение нашей семьи могло подвигнуть отца на этот шаг.

Дело в том, что все братья работали бондарями, были кустари, и их благополучие зависело от количества заказов. Естественно, что конкуренция была очень жёсткой, ибо на столь малое количество населения не требовалось большого количества бочкотары. Выручало сельское население, но всё равно заказов было мало, и материальное положение братьев вряд ли можно было назвать благополучным. Пребывание в Крыжополе ещё одного бондаря, даже если он был родным братом, разумеется, не могло приветствоваться, так как ещё более ужесточало конкуренцию и ухудшало их материальное положение.

Мне неизвестно как, чем и в каком объёме братья оказывали помощь моему отцу, но, судя по нашему материальному положению, она не была особенно щедрой.

Мы снимали квартиру в старом ветхом домике, настоящей трущобе, на улице Пролетарской (её тогда называли Будгос, так как на этой улице находилась баня). Мне было очень страшно, так как улица буквально кишела крысами. Крысы вели себя очень агрессивно и почти не боялись людей, тем более кошек. Помню, с каким страхом и отвращением я смотрел на останки кошки, которую загрызла крыса.

Отец с трудом устроился на работу в какой-то артели инвалидов и получал жалкие гроши. Бедность, граничащая с нищетой, прочно нашла приют в нашей семье. Это был один из самых тяжёлых периодов в нашей семье, который переносился очень тяжело после смерти Сони, потери дома, всего имущества, болезни мамы...

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Мои бабушки и дедушки. Бабушка Эстер. Папа. Отказ от офицерской должности. Отказ от вступления в большевистскую партию. Любовь к Торе. Любовь к Израилю. Ремесло бондаря. Смертельная опасность. Моя мама.

Мои родители часто рассказывали о своих предках с большим уважением и любовью. Я слушал невнимательно, мне это было неинтересно. Запомнились лишь отдельные отрывки их бесед на эту тему. Конечно, будь я больше заинтересован, я мог бы получить более подробные сведения о своих праотцах. Очень хотелось обогатить свою память знанием о том, какими заботами и думами жили наши деды.

Знаю, что меня назвали двойным именем Тойве-Лейб в честь дедушки мамы и её дяди.

Отец матери (Меир) был столяр и работал, не покладая рук, в своей мастерской. В семье было 4 детей - 3 девочки: самая старшая – моя мама, средняя - Брана и младшая Шейндл, и мальчик Мойше. Они жили в Чечельнике, Винницкой области. Мойше каким-то образом удалось эмигрировать во Францию, он жил в Париже, сменил имя на Морис. Первое время мы переписывались с ним, получали письма с цветными фотографиями его семьи (у него были 2 прелестные дочки). Вскоре переписка прекратилась, так как иметь связь с заграницей было небезопасно. После войны все попытки возобновить связь с Морисом закончились неудачно, и мама высказывала мысль вполне обоснованную, что он и его семья, скорее всего, погибли от рук нацистов.

Дедушку со стороны матери я помню смутно, он изредка приезжал к нам в Крыжополь. Это был крупный мужчина с большой рыжей бородой. Бабушку я не помню совер-

шенно.

Дедушку со стороны отца звали Нисим, он работал бондарем и жил со своей семьёй в местечке Княжево Винницкой области. Он был обременён большой семьёй - 9 детей (4 девочки: Сура, Рося, Чарна и самая младшая – Рахель, и 5 мальчиков: Пинхас - мой отец, Меир, Янкл, Берл и Колман). Один из сыновей - Колман эмигрировал в Америку ещё до революции. Он был большевик и поехал в Америку (со слов родственников, произносимых с изрядной долей иронии) устроить там революцию и создать Советскую власть. Судя по всему, эта затея ему не удалась. Вероятнее всего, будучи партийным функционером в большевистской партии, он понял, в какую «компанию» попал, и ничего хорошего не ждёт его в будущем. Поэтому он вовремя с этой партией распрощался.

Со слов братьев, Колман обладал острым умом и умением прогнозировать будущее.

Я очень хорошо помню мою бабушку со стороны отца - Эстер. Это была маленькая сухонькая старушка, умная и добрая. Я её очень любил и с нетерпением ждал встречи с ней. Бабушка всегда давала мне мелкие деньги на ириски и газированную воду, но я их складывал и покупал на них книги. Среди них моя самая любимая книга была «Али-баба и сорок разбойников». Бабушка приходила в восторг, когда я читал ей отдельные отрывки из этой книги. Ей очень нравилось, что я предпочитаю книги лакомствам. При этом она обращалась к моей маме и говорила: «Я ещё не видела ребёнка, который покупал бы книги вместо сладостей. Честь и слава моему внуку!». Я, конечно, бывал очень польщён её похвалой.

Отношения бабушки с моей мамой были очень хорошие. Они часами вели душевные беседы, в которых чувствовались взаимное уважение и благожелательность (такие отношения между свекровью и невесткой - не час-

тое явление). Умерла бабушка Эстер во время Отечественной войны в 1942 году во время эвакуации в Узбекистане, где она находилась с дочерьми Росей, Сурой и Чарной, и мне неизвестно, где её могила.

Со слов родителей, мои дедушки и бабушки происходили из бедных семей, они много трудились, проявляли отчаянные усилия для обеспечения своих семей минимальными средствами к существованию. Они передали в наследство своим детям трудолюбие, житейскую мудрость и порядочность.

Мой отец Пинхас родился в 1888 году. До революции (переворота 1917 года) отец служил в царской армии в артиллерийских войсках. Помню как сейчас фотографию, на которой изображён стройный, красивый солдат в фуражке с кокардой и с саблей. К сожалению, эта фотография не сохранилась. Папа много рассказывал мне о службе в армии, и я слушал с огромным интересом. Он проявлял на службе большие способности, и ему предложили офицерскую должность. Однако отцу было поставлено условие, что он должен принять христианство, то есть стать выкрестом. На это отец ответил категорическим отказом.

В то время таких евреев-«выкрестов» считали не просто отщепенцами, а... умершими. При этом соблюдался такой же обряд, как по мёртвым: их оплакивали, соблюдали обряд «шива».

У меня лично отношение к выкрестам резко отрицательное. Я считаю, что нет поступка более омерзительного, чем оставить свой гонимый народ и перейти к его гонителям. Зачастую эти новоявленные «христиане», чтобы доказать свою приверженность новой вере, становятся «святое папы Римского», то есть завзятыми антисемитами.

Кстати, моего отца пытались приобщить к другой «вере», это случилось уже после революции. Ему было

предложено вступить в партию большевиков. Обратили внимание на то, что он грамотен, рассудителен, хорошо ориентируется в окружающей обстановке.

Но здесь вмешалась моя мама. Она самым категорическим образом высказала своё отрицательное отношение к этому шагу, который, как показала жизнь, мог стать роковым для отца. Моя мама ешиву не кончала, но она была практична и прозорлива, прекрасно знала характер моего отца.

Папа был невероятно наивным и добрым человеком и совершенно не умел приспособливаться к окружающей обстановке. При любых обстоятельствах он отстаивал справедливость. Когда осуждали кого-либо, он всегда находил ему оправдание, справедливо считая, что без учёта всех обстоятельств нельзя осуждать человека. Эти свойства характера далеко не всегда соответствовали идеологии Коммунистической партии. Жизнь показала, насколько мама была права, когда начался сталинский кровавый террор, при котором погибли миллионы достойных и честных людей.

Характер моего отца в значительной мере формировался под влиянием Торы, которую он любил и знал досконально. Папа был отличным рассказчиком, и я отчётливо помню как, усадив меня на колени, он рассказывал мне занимательные истории из Торы (история об Иосифе и его братьях, о царях Давиде, Соломоне и другие). Я слушал эти рассказы с большим интересом, затаив дыхание. Однако попытки отца научить меня чтению Священного Писания, увы, не увенчались успехом. Книги, издающие особый аромат древности, с пожелтевшими от старости страницами, с буквами, которые читаются справа налево, не вызывали у меня положительных эмоций. С моей точки зрения, содержание этих книг не было актуальным для современной молодёжи.

Несомненно, на восприятие этих книг большое влияние оказывала советская пропаганда. Все средства массовой пропаганды, школа внушали нам, что религия – это «опиум для народа» и направлена на одурманивание людей. И всё же я с интересом наблюдал, как отец по утрам, облачившись в талит, в субботу читал нараспев недельную главу Торы. Слов я, конечно, не понимал, но сама мелодия завораживала. Много лет спустя, когда я изучал так называемые «таамей-га-микра», то есть знаки огласовки, обозначающие определённые музыкальные фразы, я вспоминал этот напев и поражался, насколько точно отец воспроизводил мелодию.

Родители скрупулёзно соблюдали еврейские традиции - в субботу папа не работал, мясные и молочные блюда и посуда хранились отдельно, в Песах применялась специальная пасхальная посуда. Все еврейские праздники проводились в полном соответствии с их традицией (маца на Песах, ументашн в Пурим, молочные блюда в Шавуот и т.д.).

Я хорошо помню, как в праздничный день с утра родители надевали нарядные одежды и отправлялись на молитву. Синагоги в местечке не было (старую синагогу превратили в овощехранилище, все свитки Торы были уничтожены). Молились в квартире у одного из прихожан, что было небезопасно, так как власти запрещали такие сборища, вплоть до судебного преследования. Священное Писание (сидур) родители прятали под пальто, так, чтобы не было заметно - в общем, соблюдались все методы конспирации, как будто речь шла не об обычных законопослушных гражданах, а об опасных для государства преступниках. С молитвы родители возвращались с просветлёнными лицами, излучающими какой-то дивный мягкий свет. В этот день, несмотря на материальные трудности, мама готовила очень вкусные блюда, и отноше-

ние к детям было особенно ласковым.

У папы было особенное, трепетное отношение к Израилю (Эрец Исраэль). Он много мне рассказывал об этой стране, «текущей молоком и мёдом». Информацию о ней он черпал главным образом из Торы. Для него государство Израиль было не столько географическим понятием, сколько духовным миром, который составлял суть его надежд и чаяний. Помню, с каким вниманием и интересом он слушал «Коль Исраэль» - «Голос Израиля».

По указанию Советских властей эта радиопередача заглушалась, слышались только отдельные слова, и далеко не всегда можно было понять смысл. Однако сам факт, что передача идёт из Земли Обетованной, вызывал у отца особое чувство радости. Во время слушания радиопередачи у отца появлялось на лице одухотворённое, мечтательное выражение. К сожалению, ему не было дано осуществить свою мечту – увидеть своими глазами Израиль.

В Израиле я с грустью вспоминаю о его несбывшейся мечте, когда нахожусь в синагоге или в исторических местах, описанных в Торе, о которых папа с упоением рассказывал мне. Я мысленно обращаюсь к нему, и мне кажется, что он стоит рядом и радуется, что сын его, завернувшись в талит, читает отрывки из столь любимой им Торы. Ежегодно в синагоге в годовщину смерти папы я читаю Кадиш и посвящаю ему недельную главу Торы, которую я читаю с той же мелодией, с которой много лет назад читал мой папа.

Мне вспоминается событие, поразившее меня до глубины души. Когда папа умер, на следующий день после похорон ко мне пришли несколько пожилых евреев и сказали, что я должен обязательно в течение месяца в присутствии 10 евреев говорить Кадиш.

В то время я не владел ивритом совершенно, о чём

сообщил моим гостям. Они предложили мне решение проблемы: мне продиктуют слова на иврите, а я запишу их русскими буквами.

В течение месяца я по этой записи читал слова, совершенно не понимая их смысла, затем спрятал эту бумагу в одну из книг. Спустя много лет, уже находясь в Израиле, я случайно наткнулся на эту страницу с записью Кадиш русскими буквами. К этому времени я уже свободно читал Тору на иврите и решил сопоставить русский текст с оригиналом. Каково же было моё изумление, когда я убедился, что тексты по звучанию абсолютно идентичны. Я совершенно не мог себе представить, что эти полуграмотные старики, находясь в Советском Союзе, где религия преследуется, запомнили настолько точно эту молитву. Поистине наш народ и его религия – иудаизм – бессмертны.

Я уже говорил, что мой папа был бондарём. Это ремесло папе передал его отец (мой дедушка). Отец, в свою очередь, обучил меня этой профессии. Это очень пригодилось мне, когда нужно было заработать деньги на учёбу.

Труд бондаря очень тяжёлый физически, но вместе с тем требует большого искусства. Надо выстрогать боковые поверхности клёпки под таким углом, чтобы они плотно прилегали друг к другу по окружности. Затем необходимо придать бочке полуовальную форму. Для этого специальным металлическим тросом обвивают по окружности бочку внизу и стягивают с помощью рычага, придавая таким образом бочке форму овала. Чтобы клёпки не ломались, внутри бочки разводят огонь, и клёпки поливают водой, придавая им гибкость. Затем необходимо выковать обручи, сделать днище и вставить в бочку. И это при полном соответствии всех элементов и герметичности. В противном случае бочка будет протекать, и все труды уйдут насмарку. Герметичность бочки является главным

показателем профессионализма бондаря.

Любопытно, что главный компонент бочки - клёпка - на иврите называется «лимуд», то есть учение или обучение. Конечно, это просто совпадение, но если учесть, сколько усилий нужно затратить, чтобы научиться этому ремеслу, мне это совпадение не кажется случайным. Протечка бочки нередко являлась предметом беззлобных шуток. Злополучному мастеру говорили: "Мастер, видимо, решил, что бочка предназначена не для жидкости, а... для хранения фасоли, которая точно не выпадет".

Как я говорил, труд бондаря требует большого физического усилия. Во время оккупации мне было всего 13-14 лет, но я обладал отменным здоровьем, был сильным, физически развитым и работал, почти не отставая от взрослых. Бочки у меня получались неплохого качества. Вместе с тем, я помню, что во время работы я доходил до полного изнеможения, и тогда я выбегал из мастерской, ложился навзничь на землю со словами: «Я не могу больше!».

Папа подходил ко мне, с грустью смотрел на меня и говорил: «Терпи, сынок, привыкай к трудностям, в жизни тебе это пригодится».

В бондарной мастерской работали также братья отца – мой дядя Янкл с сыном Фимой (моим ровесником и близким другом), Берл с племянником Икой и Меир с дочерью Любой. Несмотря на то, что ремесло бондаря - сугубо мужская профессия, так как требует больших физических усилий, Люба прекрасно справлялась с работой и делала бочки высокого качества. Таков был наш коллектив, который трудился в течение всего периода оккупации. Мы делали бочки для немцев и румын за мизерную плату. Бондарная мастерская была вне пределов гетто, поэтому мы шли на работу в сопровождении полиции.

В 1943 году в нашем местечке была раскрыта подпольная организация, которая была связана с партизанским отрядом. Румынским сыщикам удалось обнаружить тайник с оружием, который находился в бочках во дворе нашей мастерской. Эти бочки были изготовлены нами. На нас пало подозрение, что мы причастны к партизанскому движению. В то страшное время этих улик было более чем достаточно, чтобы нас расстреляли без всякого суда и следствия. К нам в мастерскую явился румынский сыщик (домнуле сэк), который учинил нам допрос. Но нас не арестовали. Оккупационные власти остро нуждались в бочкотаре, а мы были единственные специалисты во всём районе. Тем не менее, румынский сыщик пригрозил нам: «Мы ещё встретимся с вами в другом месте и в своё время, и вы получите наказание по заслугам». Но произошло чудо.

В селе Соколовка партизаны совершили нападение на сахарный завод, завязался бой с румынским отрядом. В бою участвовала жандармерия и следователь, который раскрыл и расследовал дело подпольной организации и, следовательно, наше дело. В этом бою этот сыщик (домнуле сэк) погиб. Был конец 1943 года, немецкие и румынские войска терпели поражение за поражением на восточном фронте, и настроение оккупантов было уже совсем не таким, как в начале войны. Призрак расплаты за злодеяния витал над ними. Так или иначе, нас больше не трогали. Кстати, некоторые из подпольщиков тоже остались живы (Липовецкий Давид, Грубер Кива, Любинецкий и другие).

Моя мама, в девичестве Лойферман, родилась в 1890 году (впрочем, за точность не ручаюсь) в Чечельнике, небольшом местечке Винницкой области. Она с трудом читала и писала, не было у неё специальности. Но она была типичная "идише мамэ", обладала острым умом и

жизненным опытом. По своему развитию и знанию жизни можно сказать, что мама закончила некий «виртуальный университет». Мне вспоминается её речь, пересыпанная пословицами и поговорками, её оценка тех или иных событий, точная и безапелляционная. Она была очень наблюдательна и в какой-то мере ясновидящая. В 1940 году, когда был заключен позорный «мирный договор» между СССР и фашистской Германией, в газете был опубликован снимок, на котором изображён министр иностранных дел Германии Риббентроп, пожимающий руку Молотову. Мама долго и внимательно рассматривала эту фотографию, затем тяжело вздохнула и сказала:

«Сынок, нас ждёт тяжёлая и кровопролитная война с Германией. Я это вижу по выражению лица немецкого министра. Он не друг, он страшный враг, и сердце подсказывает мне, что немцы принесут нам много горя».

Моя мама обладала феноменальной памятью. Без календаря, без каких-либо записей она точно помнила даты – день недели, число, месяц, год – в еврейском исчислении, все еврейские праздники. Нередко к ней обращались соседи, друзья с просьбой сообщить, когда будет тот или иной еврейский праздник, когда зажигать субботние свечи, и всегда получали точный ответ.

Мама постоянно зажигала свечи накануне субботы и страстно молилась. Даже в страшные дни оккупации, когда о свечах нельзя было и мечтать, мама делала импровизированный светильник (картофель с выемкой для масла, фитиль из кусочка ваты). Обряд зажигания субботних свечей соблюдался неукоснительно, и я не помню, чтобы он нарушался. В отличие от отца, мама была практичной, несмотря на бедность, достойно вела домашнее хозяйство, мы всегда были вовремя накормлены, чисто одеты, и в доме было уютно. Ночами мама шила на старенькой швейной машинке, перелицовывала изношенную одежду,

ставила заплаты на порванные места.

Мама очень вкусно готовила и нередко угощала моих друзей. Большим праздником для нас был день, когда мама пекла хлеб. Выпечка хлеба производилась раз в неделю. В этот день наш дом наполнялся ароматом свежееиспечённого хлеба. Я настолько люблю этот аромат, что до сих пор, проходя мимо пекарни или хлебного магазина, я останавливаюсь, с жадностью обоняю этот запах и вспоминаю детство и наш дом.

К нам постоянно приходили нищие, и мама всегда их кормила, а затем давала им с собой хлеб и немного денег на дорогу. При этом следует отметить, что мы отнюдь не были богаты, и каждая копейка была на счету.

Мать звали Доба, я думаю, что это имя - сокращённое от имени Дебора, которая была одной из еврейских пророчиц в период ТАНАХа. Маму очень любили и уважали друзья, соседи часто просили у неё совет в решении различных жизненных ситуаций.

Мама умерла 31 января 1976 года на 86 году жизни, пережив моего папу на 16 лет. Я очень тяжело переживал смерть моей дорогой мамы.

Должен признаться к моему величайшему стыду, что я стеснялся моих родителей. Мне было стыдно, что они плохо знают русский язык и общаются между собой только на идиш. Я стеснялся, что они одеты скромно, и они не в состоянии купить мне красивую одежду, игрушки, лакомства и так далее. Родители вне сомнения чувствовали это, и я думаю, что моё поведение при общении с друзьями причиняло им боль, но они никогда не делали мне замечаний. Позже (увы, слишком поздно) я понял, насколько я не был прав. Внешние эффекты я считал важными в жизни. Главные свойства моих родителей – трудолюбие, честность, душевная щедрость, мудрость - всё это должно было составлять предмет моей гордости.

Минуло много лет. Я часто вспоминаю моих дорогих родителей, их образ возникает в туманной дали, они смотрят на меня с бесконечной любовью и нежностью. Так хочется обнять их, прижаться к ним и сказать простые слова: «Мама и папа, я вас люблю, я горжусь вами, вы самые лучшие, самые красивые на свете, и я вам бесконечно благодарен за всё. Вы передали мне в наследство самые большие сокровища в мире - духовные ценности, составляющие непреходящее богатство в жизни человека. Эти сокровища приумножаются из поколения в поколение. Ваши внуки, правнуки, праправнуки достойны вас. То, что посеяно вами - разумное, доброе, вечное – даёт хорошие всходы».

Но тают в дымке образы моих дорогих людей, и остаётся в душе светлая грусть и неугасимая память. Жизнь продолжается...

Мой отец Пинхас,
сын Нусима и Эстер.
Крыжополь, 1957 г.

1955 г. Сидят: Лиля (дочь Ани), Аня, папа Пинхас с Ромой на руках, мама Доба с Лилей (дочерью Зины) на руках. Стоят: мама Гися, Броня, Зина и её муж Яков.

1957 г. Сидят: папа Пинхас, мама Доба с Ромой на руках, мама Гися, папа Элык. Стоят: мы с Броней, моя тётя Сура, Света – сестра Брони.

1976 г. моя сестра Аня (Хана), её муж Борис Грач, посредине внук Саша. Стоят: дочь Лиля со своим мужем Гришей Баткис.

Моя сестра Зина с дочерью Лилей, сыном Петей (Пинхас) и детьми Пети – Перале и Йохананом. Отсутствуют сын Пети – Даник и дочь Вика. У Пети и его жены Веры большая и дружная семья.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ. ИХ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Бракосочетание родителей. Жизненные испытания. Пожар. Погромы. Светлый период. Снова полоса неудач. Сёстры: Хона (Аня), Зина.

*...И ввёл её Ицхак в шатёр Сары,
матери своей; и взял Ривку, и она
стала ему женою, и он возлюбил её.
Берешит, 25:67*

Вопреки законам соблюдения хронологии, я снова возвращаюсь к событиям далёкого прошлого. Что поделаешь? У памяти свои законы, и воспоминания вырывают их из временных рамок.

Мне мало известны события, когда мои родители сочетались законным браком. Сведения об этом эпизоде весьма скудные и не совсем точные. Я нередко спрашивал родителей, как они встретились, как познакомились, как папа сделал предложение руки и сердца.

Родители сочетались браком в 1911 году. Это было суровое время. Обстановка в царской России была очень напряжённая, чувствовалась предреволюционная гроза. Царское правительство, как обычно, направляло гнев народа на евреев, делая их козлами отпущения. Еврейская община была охвачена тревогой - как показали грядущие события, вполне обоснованной.

В те времена браки среди евреев устраивались весьма прозаичным образом, с помощью брачного посредника – шадхана. Свидания, «вздохи на скамейке», признания в любви и прочие романтические атрибуты среди евреев того социального уровня, к которому принадлежали мои родители, не имели места. Вопрос в том, как пресловутый

шадхан подбирал пары. Очевидно, он пользовался характеристикой моральных качеств, материальным уровнем, происхождением потенциальных жениха и невесты. В отношении союза моих родителей, постфактум, можно смело утверждать, что их шадхан обладал незаурядным опытом и профессионализмом в своём деле. Какими критериями он пользовался, сводя дочь столяра, проживающую в Чечельнике, с сыном бондаря, проживающим в Княжево, нам неизвестно. Но зато известно, что брак был счастливым, мать и отец удивительно подходили друг другу. Они жили в любви и согласии до глубокой старости и очень любили друг друга. Они стали по-настоящему родными. У них были общие мысли, привычки, вкусы. Я не помню, чтобы они когда-либо ссорились. В трудное время мама всегда была рядом с папой, была ему верной помощницей. Материальное положение родителей зачастую бывало тяжёлым, но мать никогда не упрекала отца, вела рачительно и экономно домашнее хозяйство. У меня создалось впечатление, что родители ставили во главу угла не богатство, а мир и благополучие в семье.

К сожалению, жизненный путь моих родителей часто подвергался тяжёлым испытаниям. Несчастья сыпались на них, как из рога изобилия. Впрочем, такова судьба была у всех евреев, живших в России в то лихое время.

Спустя короткое время после бракосочетания у них случился пожар. Сгорел их дом и всё имущество. Затем началась революция 1917 года и сопутствующие ей анархия, разброд и насилие. Свирепствовали банды Петлюры, Махно и других бандитов. Родители много рассказывали о страшных погромах, учиняемых петлюровцами, как они убивали, грабили, насиловали мирное население. При этом главными жертвами погромов являлись евреи. В один из погромов ворвались в дом бабушки со стороны матери. Женщинам и детям удалось спрятаться

в погреб, а дедушка остался в своей столярной мастерской. Погромщики его жестоко избили, и вскоре он умер от этих побоев.

Многие евреи искали спасение в эмиграции. Им удавалось каким-то чудом выбраться из этого ада и эмигрировать в Америку, Канаду, Аргентину и другие страны. Я нередко спрашивал отца, почему он не уехал из России в поисках лучшей доли. Отец отвечал невнятно, чувствовалось, что ему неприятна эта тема. Мне представляется, что причин было несколько. Это и страх перед неизвестностью, и нежелание оставить своих престарелых родителей. Но главная причина нежелания отца эмигрировать из России, мне кажется, заключалась в том, что он поверил обещаниям советских властей, что они принесут свободу, равенство и братство всем угнетённым народам, в том числе евреям. Папа по натуре был очень доверчив. Он не терпел лжи и не мог представить себе, что декларации, лозунги, обещания большевиков - лживы. Следует признать, что в Советской России пропаганда и агитация были поставлены на высокий уровень. Процесс оболванивания народа был весьма успешным, и население, в том числе еврейское, безоговорочно верило большевикам. Позже наступило горькое разочарование, но время было упущено и ничего нельзя было сделать.

Правда, в конце 20-х годов в жизни родителей наступил светлый период. Он, очевидно, совпал с периодом политики НЭПа (Новая экономическая политика). В этот период была разрешена частная, предпринимательская деятельность, оживилась торговля, появились продукты, товары широкого потребления.

Папа открыл бондарный цех в г. Раздельная (недалеко от Одессы). Спрос на бочки, особенно винные, был большой, заказов было много, и папа хорошо зарабатывал. Родители купили большой каменный дом с усадьбой,

появился материальный достаток, и казалось, что все беды и неудачи позади. Работы было много, и папа, вероятно, нанял помощника. А это с точки зрения большевиков была эксплуатация человека человеком, то есть реставрация проклятого капитализма. К этому времени НЭП закончился, и власти обрушили жестокие репрессии на частных предпринимателей. Естественно, что папа попал в эту мясорубку, так как по всем параметрам он соответствовал представлениям властей об «эксплуататорах».

Для родителей наступил мрачный период тяжелейших испытаний. Они лишились всего, что накопили за это время, у них отняли дом и всё имущество. На лексиконе советских властей этот разбойничий акт назывался «ликвидацией кулачества как класса».

Но самое страшное было то, что это несчастье совпало с большим горем – смертью первого ребёнка, дочери Сонечки. Она прожила очень короткую жизнь, всего 17 лет, и была светлым лучом в жизни моих родителей. Мать не выдержала этих жестоких ударов и с тяжёлым нервным потрясением была госпитализирована в одну из неврологических клиник. Одессы, где находилась длительное время. После всех этих ударов судьбы родители не смогли воспрянуть очень долгое время, они перебрались в Крыжополь, где купили скромный домик. При этом они влезли в долги, которые много лет висели на них тяжёлым грузом.

Дом был весьма старый, на земляном фундаменте, стены тонкие, окна и двери покосились. Зимой мы очень мёрзли и прижимались к печке (грубке), чтобы согреться. Мама прилагала отчаянные усилия, чтобы создать хотя бы минимальный уют в квартире и сделать жизнь в доме более или менее сносной. При доме был небольшой земельный участок, и я посадил 2 черешневых дерева, которые дали плоды через несколько лет. Черешни были крупные, розовые и очень вкусные. Во время оккупации

наш дом уцелел, но нас изгнали из него, когда в Крыжополе было создано гетто. После освобождения мы снова вернулись в наш дом и жили в нём до смерти родителей.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на весьма стеснённые материальные условия, родители делали всё, что в их силах, чтобы дать своим детям достойное воспитание и образование, и в этом весьма преуспели. Помню, к нам приезжала родная сестра мамы и высказывала своё удивление: «Как вы можете при вашей бедности взять на себя столь тяжёлое бремя - отправить сына учиться в медицинский институт? Он может закончить какой-нибудь техникум или училище и вам помогать материально, чтобы вы не мучались так!»

«Нет, Шейнделе, мой сын будет врачом, и мы готовы ради этого терпеть голод и нужду», - отвечала мама.

К этому времени у Хоны (Ани) было высшее, а у Зины среднее образование. Родители воспитывали также нас в духе трудолюбия, справедливости, добра, учили не быть алчными и скупыми.

С грустью я наблюдаю, как нередко после смерти родителей среди их детей разгорается ссора за владение наследством, и после этого они становятся врагами. У нас после смерти родителей даже не возникала мысль о дележе наследства; правда, оно не было особенно богатым. Само собой разумелось, что дом и всё имущество должно принадлежать сестре Зине, которая к этому времени была вдовой с 2 маленькими детьми на руках.

Рассказ о моих родителях, возможно, субъективен, и иначе быть не может. Очевидно, я в определённой степени преувеличил их достоинства и не осветил их недостатки, которые наверняка были у них, как у каждого человека. Однако, вспоминая их жизнь, их дела, их поступки, я могу сказать, не погрешив ни на йоту против истины, что мои

родители, да будет благословенна их память, были настоящими праведниками и служат нам образцом для подражания. А то, что были у них в жизни суровые испытания, и судьба была к ним не очень милосердна и далеко не всегда воздавала им по заслугам, то: "Не дано нам объяснить ни благоденствие нечестивых, ни страдания праведных". Поучения отцов, 4:19

А сейчас рассказ пойдёт о моих сёстрах. Я уже писал о некоторых событиях в жизни моих сестёр Хоны (Ани) и Зины. Аня была мне не только сестрой, но и моей второй матерью. Она была старше меня на 7 лет, и в тяжёлые времена нашей жизни нас опекала и была настоящей маленькой хозяйкой. Трудности жизни закалили её, приучили умению самостоятельно решать все сложные проблемы, инициативности. Как жегодились ей эти качества в годы военного лихолетья, когда она осталась в эвакуации во время Второй Мировой войны совершенно одна!

До войны Аня успешно закончила 10 классов Крыжопольской средней школы и поступила на 1 курс Одесского Фармацевтического института. Война застала её в Одессе, и она вместе с тётёй Чашей и бабушкой Эстер эвакуировалась в глубь страны, подальше от фронта, и это спасло её жизнь. Они добрались до Сталинградской области, и там тётя Чаша с бабушкой поехали дальше, так как фронт неумолимо приближался, а Аня осталась одна. Причина этого не совсем ясна. Тётя объясняет, что в то время, когда прибыла машина для дальнейшей эвакуации, Ани не было дома, и они не могли ждать. Истинной причины мы не знаем, но известно, что отношения между Аней и тётёй Чашей после этого события заметно охладелись.

Тем не менее, Аня не пала духом, трудилась на различных работах и, так как она была очень способной и

грамотной, её взяли на работу в редакцию районной газеты в качестве ответственного секретаря редакции. Она успешно справлялась с работой, но однажды произошло событие, которое могло иметь самые печальные последствия.

В одну из ночей, когда Аня проверяла гранки газеты перед сдачей в печать, ею была пропущена досадная опечатка. В одной из статей должна была быть подпись «Директор СШ», то есть «Директор средней школы». Но вместо этого была подпись «Директор США». Конечно, сейчас это можно трактовать как забавный, почти анекдотичный случай. Но в то лихое время, когда в сталинских лагерях томились миллионы невинных людей, большинство из которых было осуждено по статье 58 (антисоветская агитация и пропаганда), этот инцидент мог стать для неё роковым и сломать её судьбу. Но, к счастью, Ане удалось доказать, что здесь не было злого умысла, и она была оправдана и даже не была уволена с работы. Это наглядно свидетельствует, насколько она была востребована, как грамотный и ответственный работник. В то время найти таких людей было непросто.

О нас Ане ничего не было известно, но, будучи в курсе всех событий, которые публиковались в средствах массовой информации, она не сомневалась, что все мы погибли.

Спустя примерно месяц после нашего освобождения от фашистской оккупации в Крыжополь приехала близкая подруга Ани, с которой она переписывалась все военные годы. И, к счастью, все письма она сохранила, даже привезла с собой и передала их нам.

Собрались у нас родные, близкие, соседи, и я стал читать вслух эти письма. В них Аня очень эмоционально и прекрасным литературным языком писала о своём одиночестве, о том, как она скорбит по своим дорогим и близким. Она оплакивала своих родителей, сестру и,

особенно, своего брата. «Ты не можешь себе представить, дорогая подруга, - писала она в письме, - какой у меня был способный братик и какое блестящее будущее ему предсказывали!»

И вот я прерывающимся от волнения и слёз голосом читаю эти строки, многие не могут сдержать слёз, а некоторые плачут навзрыд.

Мы немедленно начали поиски Ани. Это было совсем несложно, так как на конвертах был обратный адрес. К этому времени Аня уже не работала в Сталинградской области, а была переведена на работу ответственным секретарём редакции в Полтавскую область (возможно, она хотела быть ближе к дому). Нам из предыдущего места работы сообщили точный адрес, мы немедленно послали туда телеграмму, и вскоре получили ответную телеграмму: «Выезжаю. Целую. Аня».

Нашу встречу невозможно описать никакими словами. Объятия, поцелуи, слёзы. Всю ночь до утра мы рассказывали друг другу о том, что пришлось нам пережить. Аня с любовью смотрела на нас, она обрела своих самых дорогих людей, которые буквально вернулись с того света.

Вскоре Аня восстановилась в Одесском Фармацевтическом институте, в 1950 успешно закончила его и получила направление в Станиславскую (позже переименованную в Ивано-Франковскую) область. В то время в Западной Украине свирепствовали бандеровцы, националистические банды, которые безжалостно вырезали всех, кто прибывал из восточных областей страны. С большим трудом удалось заменить направление на Винницкую область. Аня устроилась провизором на работу в Винницкой центральной аптеке. Там она познакомилась со своим будущим мужем, который также работал фармацевтом, и вскоре они поженились. Её муж – Борис Грач тоже хлебнул много горя. Во время войны он попал в плен. Ему повезло, он

находился в плену в Финляндии. Финны к евреям относились терпимо, и он находился там до конца войны. После освобождения его ждало страшное известие - вся его семья погибла во время оккупации в Межибоже-Проскуровской (ныне Хмельницкой) области. Мои родители приняли его в семью, и он стал для них вторым сыном. Между нами и Борисом установились удивительно доверительные и сердечные отношения, которые продолжались вплоть до смерти родителей, которых он оплакивал как своих родных и дорогих людей.

Материальное положение молодожёнов было тяжёлым, и они перебрались на постоянное место жительства в городок Михамполь Хмельницкой области, где они получили квартиру и работу в районной аптеке. Там у них родилась дочь - Лиля, а затем сын - Юра. Лиля - врач, живёт в Казани, замужем, имеет 2 сыновей, из которых один живёт в Израиле. Юра - инженер, живёт в Израиле, женат, 2 детей. Юра уже дедушка.

2 ноября 1988 года нас постигло большое горе. После продолжительной и тяжёлой болезни умерла наша дорогая Аня. У нас есть подозрение, что в её заболевании - рак толстой кишки - роковую роль сыграло радиоактивное облучение вследствие аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Спустя короткий промежуток времени от такого же заболевания умерла сватья Ани. В тот период был отмечен резкий подъём заболеваемости злокачественными болезнями в зоне активности Чернобыльской АЭС. Ведь власти на первых порах после аварии скрыли истинный масштаб облучения, и поэтому никаких мер по защите не было предпринято.

Я очень тяжело пережил эту трагедию и до сих пор оплакиваю мою дорогую сестру, моего истинного ангела-хранителя.

Вторая моя сестра - Зина старше меня на четыре года. В

детстве она много болела, что отразилось на её учёбе. До войны она закончила 9 классов средней школы. Зина была вместе с нами в оккупации. Ей в то время исполнилось 17 лет, она была очень красива, и в этот период расцвела особой красотой. Девушки её возраста подвергались особой опасности. За ними оккупанты буквально охотились. Чтобы как-то обезопасить себя, Зина одевалась в рубище, пачкала лицо грязью.

Однажды она подверглась смертельной опасности. Мы пошли с ней к колодцу набрать воды, и её заметили 2 румынских солдата. Зина пустилась наутёк, они начали преследовать её. Солдаты стали настигать её, путь к бегству преграждал забор двухметровой высоты. И здесь произошло чудо. Моя сестра буквально перелетела птицей через забор. При экстремальной ситуации организм мобилизует все жизненные резервы, и происходит то, что в обычном состоянии кажется невероятным. Так Зина спаслась от насилия и гибели.

А я стоял у колодца с ведром в руке ни живой, ни мёртвый. Солдаты подошли ко мне, один из них направил на меня винтовку и стал орать на меня. Из его криков я понял лишь два слова - «жидан» и «комсомол». Я стоял, оцепенев от страха, и смотрел на отверстие дула ружья, направленного на мой лоб. С ужасом я увидел, что он нажимает на курок. В этот момент второй солдат слегка приподнял винтовку, грянул выстрел, и пуля пролетела над моей головой. После этого солдаты ушли, и я в каком-то трансе поплёлся с пустым ведром домой, где меня ждали в большой тревоге родители и сестра.

В общем, можно сказать, что это страшное событие закончилось вполне благополучно. Зина избегла насилия и позора, и я остался жив и даже не ранен. Но так ли это на самом деле? Кто измерит степень и глубину перенесенного психо-эмоционального шока, который длится нередко всю

жизнь? Он проявляется бессонницей, головными болями, ночными кошмарами, состоянием страха и беспокойства - всё то, что до настоящего времени мучает переживших Холокост.

После нашего освобождения Зина окончила бухгалтерские курсы, работала в райпотребсоюзе. Вышла замуж за Спектора Якова, который работал токарем по металлу. Яша много болел и умер совсем молодым, оставив Зину с двумя маленькими детьми - Лилю 9 лет и Петю 1,5 года. Много тяжёлых испытаний в жизни выпало на долю моей сестры, но она смогла преодолеть все трудности и воспитать своих детей достойными людьми.

В настоящее время Зина живёт в Израиле вместе с семьёй Лили - её мужем Эммануилом и внуком Ярославом. Сын Петя (Пинхас - в память дедушки) также живёт в Израиле, страстный поборник иудаизма, скрупулёзно соблюдает вместе со своей женой Верой еврейские традиции. У них четверо детей - Вика, Даник, Йоханан и Перале (Пнина). Недавно Петя стал дедушкой. Внуком одарила его старшая дочь Вика.

Мой папа, несомненно, любил своих дочерей - моих сестёр. Но была у него страстная мечта - он очень хотел сына. И вот судьба улыбнулась ему, его желание осуществилось.

Но об этом в следующей главе.

ДОШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Моё рождение. Я научился читать. Записываюсь в библиотеку. «Скелет в шкафу». Первый класс.

«А Бог вспомнил о Саре, как сказал, и сделал Бог Саре, как говорил. Сара зачала и родила Аврааму сына в старости его...И обрезал Авраам Ицхака, сына своего...

Берешит,21:1-2-4

Моё рождение (1929) совпало с периодом, когда материальное положение нашей семьи было очень хорошим. Мы жили тогда в городе Раздельное, Одесской области. Для папы рождение столь желанного сына явилось настоящим праздником, и он был безмерно счастлив. Со слов мамы, в честь моего рождения родители устроили грандиозный пир во время брит-милы (обрезания). Было много гостей, все хотели взглянуть на новорожденного, но папа никому не разрешал заходить в комнату, где находился ребёнок - он боялся сглаза. Но младенец был здоров, жизнерадостен, явных признаков каких-либо наследственных заболеваний, упаси Боже, также не определялось. Они и не могли быть, так как родители мои отличались отменным здоровьем, и в роду нашем отродясь не наблюдалось каких либо отклонений от физического развития. Наши праотцы были долгожители, и, если и не доживали до глубокой старости, то только в результате насильственной смерти.

В еврейских семьях самый младший ребёнок («мызыныкл») всегда пользовался особым отношением к нему и любовью. Всё лучшее давалось ему. И я, естественно, не был обделён лаской и вниманием (моя старшая сестра в

шутку говорила, что с моим рождением в семье появился культ личности).

Вскоре светлая полоса в жизни нашей семьи закончилась. На нашу семью обрушились беды одна за другой - смерть дочери, потеря дома и другие, о которых я уже говорил. Наступила чёрная полоса.

Вообще, если представить нашу жизнь в виде чёрных и белых полос, то вырисуется удручающее преимущество тёмных цветов. Мне кажется, что моё рождение совпало с пиком материального благополучия нашей семьи, который больше никогда не повторился.

Когда мне исполнилось четыре года, мы жили в Крыжополе. Этот период нашей жизни мне запомнился хорошо. У меня было много друзей, и мы целыми днями гоняли на улице и играли в различные игры. Самой любимой игрой был футбол, в который мы играли с помощью тряпичного мяча. Кроме футбола мы часто играли в войну. При этом мы делились на «белых» и «красных». Разумеется, каждый хотел попасть в команду «красных». Вопрос решался с помощью жребия – свёрнутых в трубочки бумажек, на которых были соответствующие надписи. Играли мы деревянными саблями и пистолетами, которые стреляли с помощью пистонов.

Кроме того, излюбленным местом нашим был питомник, где жители местечка гуляли по вечерам. Там находились очень живописные места, много зелени. Молодые часто назначали там свидания. Но главное, чем манил нас питомник, - летний кинотеатр. Мы не покупали билеты, а устраивались на ветвях высокого дерева, и оттуда был отлично виден киноэкран. Помню, таким образом я смотрел фильм «Искатели счастья», который мне страшно понравился. Я часто напевал песенку про Пиню Копмана: «Ветер веет тут и там, Пиня едет в Биробиджан».

Вскоре произошло событие, которое сыграло важную

роль в моей жизни – я научился читать и писать. В то время мне было менее пяти лет. А дело обстояло следующим образом. Для того, чтобы пополнить свой скудный бюджет, родители брали на постой (ночлег) приезжих из других городов – командированных, артистов и других. Однажды у нас находился несколько недель учитель – он, вероятно, был командирован органами просвещения для проверки школ. Я очень хорошо помню его – высокий, худой мужчина в больших роговых очках. Это был человек необыкновенный, очень добрый и умный. По вечерам он общался со мной и рассказывал очень интересные истории.

Я был от него в восторге. Очень нравились мне фокусы, которые он не только показывал, но и раскрывал их секрет. Кроме того, он умел создавать с помощью пальцев тени в виде различных зверюшек – уточек, собачек и других. Для этого он ставил керосиновую лампу – главный и единственный источник освещения – напротив стены и искусно манипулировал кистью и пальцами, которые отбрасывали тени на белую стенку.

В один из вечеров он обратился ко мне с предложением: «Мальш, хочешь, я научу тебя читать и писать?». Я утвердительно кивнул головой. Он достал большую таблицу с изображением всех букв алфавита с рисунками, объяснил звучание и написание каждой буквы. Я схватывал довольно быстро, а затем стал самостоятельно изучать эту таблицу. Буквы срисовывал (я неплохо рисовал). Делалось это с большим рвением и прилежанием, без всякого принуждения, мне очень нравился сам процесс познания нового. В течение короткого периода времени я уже свободно читал. Крыжополь – город небольшой, и вскоре распространился слух, что появился маленький мальчик, который свободно читает книги. Помню, как меня часто зазывали в разные дома и в присутствии гостей предлагали читать газету. Эффект

усиливался тем, что в тот период жизни я выглядел значительно моложе своего возраста, так как был мал ростом и очень худой.

Позже я пристрастился к чтению книг. У меня было несколько книжек, которые я покупал на сэкономленные от подарков деньги. Книг было мало, и я перечитывал их по несколько раз. Поэтому я однажды пришёл в библиотеку с просьбой записать меня. Как сейчас помню заведующую библиотекой – милостивую полную женщину, которая приняла меня очень дружелюбно.

Она предложила мне прочитать книжку «Колобок». Я ей сказал, что уже читал эту сказку (кстати, она мне совсем не понравилась). «Какую книгу ты хочешь читать?» - спросила меня библиотекарь. Я ответил, что хотел бы прочитать роман Дюма «Королева Марго», причём вторую часть. Она посмотрела с недоверием на меня и спросила: «А первую часть книги ты читал?» Я ответил утвердительно. Она усадила меня на стул и предложила рассказать содержание романа. Я рассказал ей обо всех событиях, описанных в романе. Особое впечатление на меня оказало описание «Варфоломеевской ночи», когда происходило массовое убийство гугенотов.

После того, как я закончил излагать содержание романа, заведующая библиотекой решительно сказала: «Вот что, малыш, такие книги тебе читать рано. Возьми вот эту книгу. Я уверена – она тебе понравится». С этими словами она дала книгу «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. Книга мне безумно понравилась, и я прочитал её несколько раз. Затем мне были предложены приключенческие произведения, фантастика. После этого я настолько пристрастился к книгам, что читал во всякое свободное время и даже за столом за едой, чем вызывал иногда недовольство мамы. А описание «Варфоломеевской ночи» я вспомнил в страшные дни оккупации, когда видел, как

жители Крыжополя – христиане тщательно рисуют на дверях домов кресты, чтобы все знали, что в данном доме не проживают евреи. Об одном из эпизодов, который связан с этим событием, я расскажу дальше.

Несмотря на то, что я любил чтение, мне также нравились игры, но набор игрушек у меня был более чем скудный, и я часто с вожделением смотрел на витрину магазина, где продавались игрушки. Страстное желание владеть ими привело меня к весьма неприятным последствиям.

Говорят, у каждого человека есть свой «скелет в шкафу», то есть некий постыдный эпизод в жизни, который хотелось бы скрыть от окружающих. Был и у меня свой «скелет в шкафу», о котором я даже сейчас вспоминаю с чувством стыда и раскаяния. Однажды в детском магазине появились игрушки «военного содержания» - каски, пистолеты, пугачи, винтовки и другие. Эти игрушки, особенно каска, произвели на меня столь сильное впечатление, что я буквально потерял покой.

Мысль об этих игрушках приняла характер навязчивой идеи. Уговорить родителей купить мне хотя бы некоторые из них было делом совершенно безнадежным. Игрушки были невероятно дорогие, бюджет родителей не позволял делать такие дорогие покупки. И вот однажды я стал свидетелем, когда папа положил в карман пальто, которое находилось в шкафу, крупную купюру. Эти деньги он получил от продажи бочонка заказчику.

Я тайком вынул из кармана пальто эту купюру, то есть, попросту говоря, украл её. После этого помчался в магазин и сделал все вожделенные покупки. Интересно, что продавец магазина даже не спросил меня, где я взял так много денег. Я этого очень опасался. Все приобретенные сокровища я надёжно спрятал во дворе дома.

Спустя несколько дней, придя домой, я застал роди-

телей в состоянии сильной тревоги, а сестёр заплаканными. Конечно, мне сразу стала понятной причина этого события. Мама сразу обратилась ко мне: "Скажи, сын мой, ты взял деньги из шкафа?" Я отрицательно кивнул головой. «Вот видишь, - сказал папа, обращаясь к маме, - я говорил тебе, что наш сын не мог совершить такую подлость!».

Меня как будто током ударило, но я сдержался и молча сел за стол. Поиски денег, естественно, бесплодные, ещё продолжались долго. Ведь каждая копейка в нашей семье была на счету, и эти деньги предназначались для определённой цели. Я же ходил подавленный, терзаемый муками нечистой совести. Затем папа сел напротив меня (я думаю, он был уверен, что кража – дело моих рук) и твёрдо сказал: «Сынок, сознайся, это ты взял деньги?» Я прекрасно знал, что папа меня не будет строго наказывать. Он никогда не поднимал руки на своих детей. Помню, он однажды застучал меня во время курения – мы с друзьями собирались за домом и курили самокрутки. Он сказал: «Скажи мне, пожалуйста, ты получаешь удовольствие от курения? Если да, то я разрешу тебе курить в комнате, не таясь. Я ведь не хочу лишать тебя удовольствия!» Я вспомнил о том отвратительном состоянии, которое испытывал во время курения – слюнотечение, тошноту, доходящую до рвоты, головокружение и другие неприятные симптомы, и мне расхотелось вообще курить. Мне кажется, что папа был бы неплохим педагогом. Мама тоже никогда не наказывала нас строго. Когда она очень злилась на меня, её обычным «проклятием» было: «Дай Бог, чтобы у моих врагов был полон дом, таких как ты!» И после небольшой паузы добавляла: «Только без рук и ног». На идиш это звучало очень оригинально.

Но вернёмся к описываемому событию. Мне очень хотелось признаться и покаяться и тем облегчить свою

душу. Но какой-то бес сидел внутри меня и удерживал от этого шага. Папа смотрел на меня грустным взглядом. Он очень любил меня и гордился мною. Мысль, что его любимый сын оказался вором, была для него невыносимой. После того, как я повторно стал отрицать свою причастность к краже, отец разочарованно посмотрел на меня и сухо сказал: «Можешь идти». Я поплёлся к выходу, понурив голову. Как же я ненавидел и презирал себя за то, что причинил страдания моим самым дорогим людям, и за то, что не нашёл в себе достаточно мужества признаться в содеянном и покаяться!

Спустя некоторое время я подошёл к месту, где были спрятаны мои «сокровища». Они потеряли для меня свою привлекательность и желание воспользоваться ими. Кроме того, я корил себя ещё за одну большую глупость – ведь я не мог открыто играть этими игрушками. Моя причастность к краже денег стала бы несомненной, ибо других источников получения денег не было у меня.

Когда мне исполнилось 7 лет, меня стали готовить в школу. Я с нетерпением ждал этого часа, но меня постигла неудача. Я заболел кожным заболеванием. Для его лечения применялись мази с неприятным запахом. Мама возила меня несколько раз в Одессу на консультацию к врачу-дерматологу. Не могло быть и речи об учёбе при таких обстоятельствах. Я был очень огорчён, так как страстно желал учиться. И вот этот желанный час настал. Родители договорились с директором школы, что меня примут в первый класс, начиная с третьей четверти. Это разрешение было дано после того, как директор убедился, что я свободно читаю и пишу.

Ранним утром меня папа отвёл в школу. Я помню этот день настолько ярко, как будто это произошло вчера. Мне до этого приготовили заранее букварь, тетрадь, ручку и чернильницу-невывайку (были в те годы чернильницы с

таким названием, определяющим их свойства). Папа взял меня за руку, и мы вышли из дому.

Было раннее морозное утро, ещё темно. Под ногами хрустел свежавыпавший снег. Я шёл, проваливаясь в снежные сугробы, закутанный в мамин шерстяной платок, держа в свободной руке портфель.

В школе меня приняли ученики вначале насторожённо, но затем, убедившись, что я свободно читаю и пишу, стали искать дружбы со мной, и многие изъявляли желание сидеть со мной за одной партой.

Учительницу звали Роза Абрамовна. Это была хрупкая миловидная женщина с типичной семитской внешностью. Сейчас, вспоминая её, мне кажется, что она была похожа на библейскую Рахель, любимую жену Якова. Она ко мне относилась исключительно дружелюбно, и я вспоминаю её, мою первую учительницу, с чувством любви и благодарности. Вскоре я полностью адаптировался в классе, заниматься мне было легко и, по правде говоря, не очень интересно, так как всё, что мы проходили, было мне известно. Спустя короткий промежуток времени моя фотография была вывешена на доске почёта в связи с отличными успехами в учёбе.

Однажды меня пригласил к себе завуч школы и предложил написать в районную газету «Шляхом Ленина» заметку с благодарностью Сталину за «счастливое детство». Вскоре такая статья появилась в газете, она была в основном написана редактором. В ней я писал, что в условиях царской России я, сын ремесленника, не мог и мечтать об учёбе в школе. И за это я благодарен Советской власти и лично товарищу Сталину, любимому вождю всех народов. Это было лицемерием и ложью. Дома мои родители отзывались резко отрицательно о Советской власти, но об этом нельзя было говорить открыто. Шёл 1937 год, год кровавых репрессий. Организатором этих репрессий был «любимый вождь товарищ Сталин».

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ (до войны)

Занятия в школе. Мои учителя. Клавдия Викторовна. Мои друзья. Я заканчиваю 5 класс. Мой социальный статус. Точка зрения моих родителей. Каникулы. Война.

Рабби Элазар Бен Шамуа говорил: «Пусть честь ученика твоего будет дорога тебе, как твоя собственная, и уважение к товарищу твоему пусть будет подобно благоговению перед учителем твоим, и благоговение перед учителем твоим пусть будет подобно благоговению перед Богом».

Пиркей авот, 4:15

Третья и четвёртая четверть миновали. Я закончил 1-й класс с «Похвальной грамотой» и перешёл во второй класс. Моя любимая учительница Роза Абрамовна оставила нас по состоянию здоровья. Нашим новым классным руководителем стала Клавдия Викторовна. Это была крупная, полная женщина, очень властная – полная противоположность хрупкой и деликатной Розе Абрамовне. Новая классная руководительница ввела жёсткие порядки, строгую дисциплину. Ученики её побаивались, но у меня были с ней дружеские отношения.

Я был старостой класса и редактором стенной газеты. Перед выпуском газеты мы совместно обсуждали тематику. Клавдия Викторовна советовалась со мной на равных, что очень льстило мне. Часто я бывал у неё дома, где оформлял стенную газету, рисовал заголовки. Она угощала меня чаем и печеньем.

На уроках наша классная руководительница много говорила о нашей Родине, о Сталине. Однажды она стала про-

верить, знаем ли мы гимн Советского Союза. В то время гимном был «Интернационал». Выяснилось, что большинство учеников не знают слов, что вызвало страшный гнев у Клавдии Викторовны. «Как можно жить в Советской стране и не знать её гимна?» - кричала она.

Несмотря ни на что, я её очень уважал и считал, что она настоящий Человек с большой буквы. Возникает вопрос, почему я так подробно описываю её. Ведь было немало учителей талантливых, с которыми мне пришлось встречаться во время моей учёбы. Это связано с тем, что в ходе повествования имя её будет фигурировать в другой ситуации, где её взгляды и поведение находились в вопиющем противоречии с теми установками, которые она давала нам. Таких людей справедливо называют оборотнями.

В школе у меня было много друзей, из них особенно близким был Сюля (Сеня) Фаншель, который жил по соседству от нас, Вася Заяц - он, как и я, был отличником в нашем классе.

Однажды я подружился с мальчиком по имени Толя Казмазовский. Это был высокий, худой, бледный парнишка из очень бедной семьи. Мать его, вдова, работала санитаркой в районной больнице, там же они жили в небольшой каморке. Они буквально голодали. Моя мама часто подкармливала его. Иногда Толя оставался у нас ночевать. Мы были с ним очень дружны, и он был предан мне всей душой (по крайней мере, так мне казалось).

Летом во время каникул мы с ребятами ходили купаться в село Голубече, где был чистый пруд (ставок). Из него качали воду для Крыжополя. Часто ходили в Крикливецкий лес. Там росли дикие черешневые деревья. Черешня у них была горьковатая, но вполне съедобная. Там же я пополнял свою коллекцию птичьих яиц, которая насчитывала несколько сот экспонатов.

Летом к моему другу Сюле Фаншелю приезжала из Одессы его тётя Гитя (родная сестра его отца) и с ней её дети - Гриша и Светочка. Гриша был мой ровесник, и мы с ним подружились. Об их трагической судьбе будет рассказано ниже.

В пятом классе у нас шло дифференцированное преподавание предметов, то есть преподаватели по отдельным дисциплинам. Классным руководителем в нашем классе по-прежнему оставалась Клавдия Викторовна.

Русский язык и литературу у нас преподавала Евфросинья Фёдоровна. Это была немолодая женщина, с седой скромной причёской, стройная, всегда одетая в чёрное платье с белоснежным кружевным воротничком. Евфросинья Фёдоровна знала и любила свой предмет, и эту любовь к русской литературе передавала нам. Её уроки проходили очень интересно. Ученики буквально обожали её. Она была учительница старого закала, подлинный Учитель с большой буквы.

Математику нам преподавала Тамара Титовна, смуглая, красивая, несколько полноватая женщина. Она была очень требовательна и давала нам основательные знания по математике.

Я описываю главным образом лиц, с которыми нам придется встретиться в дальнейшем при весьма необычных обстоятельствах.

В этот период я стал задумываться над своим положением в обществе, о своём социальном статусе. В этом вопросе у меня был полный сумбур в голове. Я знал, что по происхождению я - еврей. Мои родители - провинциальные евреи, которые, несмотря на гонения и преследования, сохранили своё еврейство и даже гордились им, хотя мама нередко говорила: «Сыз швер цу зан а ид» - «Трудно быть евреем». Меня сбивали с толку несоответствия и даже противоречия между тем, чему меня учили в

школе, и тем, что я видел в реальной жизни.

Из разговоров моих родителей я также понял, что они далеко не всегда поддерживают политику государства. Я часто задумывался над поступком Павлика Морозова, который был кумиром пионерской организации и образцом для нас всех. Мне была отвратительна мысль, что я могу донести на своих родителей.

Меня потрясло известие об аресте Дюрича, нашего директора школы, которого мы все очень уважали. Это был высокий седой благообразный человек с внешностью настоящего аристократа (не здесь ли таится секрет его ареста?). Наличие в роду дворянина, священнослужителя, купца решительно исключало человека из числа добропорядочных и законопослушных. Такие личности иногда автоматически относились к «врагам народа». Нас учили, что чекисты – люди с «горячим сердцем, трезвым умом и чистыми руками». В то же время дома, когда мама хотела охарактеризовать человека, как законченного негодяя, она говорила: «Что вы хотите, ведь этот тип – мерзавец, подлец и чекист!».

В школе нам твердили, что религия – мракобесие, позорный пережиток прошлого, удел тёмных и невежественных людей. Между тем дома папа ежедневно молился, закутавшись в талит и повернувшись лицом к востоку, к Иерусалиму. Он рассказывал мне интереснейшие истории из Священного Писания – ТАНАХа, которые пленяли меня своим стремлением к справедливости и добру.

Я слушал эти истории, затаив дыхание, и мне казалось, что нет более интересных рассказов, чем те, которые изложены в ТАНАХе. Исход евреев из Египта, ман, который падал с неба и обладал вкусом по желанию человека, похождения богатыря Самсона, мудрость царя Соломона, чудесное спасение Моше дочерью фараона, празднование Песах, Шавуот, Суккот и многое другое - всё это ничего

общего не имело с невежеством, о котором трубила советская пропаганда.

Ещё один вопрос смущал меня чрезвычайно. Нас учили, что мы живём в государстве рабочих и крестьян. Я по наивности своей считал, что мой папа рабочий, поскольку бондарь занимается тяжёлым физическим трудом. Оказывается, - я жестоко ошибался. Рабочий добывает в шахте уголь и руду, варит сталь, обрабатывает металл. А мой папа кустарь, частный предприниматель, и он в известной мере является капиталистом. Всё это в условиях развивающегося социализма – совершенно неприемлемо и должно быть решительно осуждено. Мне капиталист всегда представлялся в виде тучного человека с цилиндром на голове и большой сигарой во рту. Этот отрицательный тип жестоко эксплуатирует бедных рабочих, и в Советской стране нет ему места. Мой папа не соответствовал ни одному из этих критериев, но, тем не менее, я по своему социальному статусу не мог считаться добропорядочным гражданином, которому открыты все пути в его карьере.

Мне не было понятно, почему я должен везде отмечать, есть ли у меня родственники за границей. Мой дядя со стороны мамы и другой дядя со стороны папы находились за границей. У нас с ними не было никаких связей, но сам этот факт являлся компрометирующим меня событием.

Что касается моего еврейского происхождения, то до войны не было какой-либо дискриминации в этом вопросе. Но все же я каким-то «шестым» чувством ощущал, что антисемитизм не исчез, он находится в состоянии анабиоза (спячки) и его очень легко разбудить.

5 класс я закончил в июне 1941 года. Мы впервые сдавали экзамены по отдельным предметам. Все экзамены я сдал успешно, получил «Похвальную грамоту» и перешёл в 6 класс. Впереди меня ждала самая прекрасная пора, о которой мечтает каждый ученик - летние каникулы.

Пора походов в лес, купания в пруду, встреч с друзьями и особенно с соседской девочкой, свидание с которой вызывало непонятное волнение и приятно будоражило кровь. Можно было читать любимые книги без того, чтобы мама делала замечание, что пора спать - завтра рано вставать. Утром можно было поспать вволю. В общем, жизнь казалась мне прекрасной, настроение отличное, и будущее рисовалось мне в розовых тонах.

И невдомёк было мне, что в столице далёкой Германии человек со скошенным лбом, косою чёлкой на лбу и маленькими усиками вместе со своими поделщиками вершили суд надо мной. Их вердикт был краток и безапелляционен – виновен! И вина моя в том, что я - еврей. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Для исполнения приговора был задействован против меня весь могучий промышленный, технический и военный комплекс Германии. Это в прошлом евреев убивали толпы пьяных мужиков, вооруженных топорами и кольями. Здесь этот примитивный метод не годился – масштаб не тот.

И вот прославленные во всём мире немецкие химики страны создают газ «Циклон» - чтобы удушить меня. Лучшие инженеры склоняются над чертёжным пультом, чтобы создать самую эффективную печь, чтобы сжечь меня. Между отдельными концернами разгорелась ожесточённая конкуренция за получение тендера для построения печи с самой большой пропускной способностью. И такая печь – чудо современной техники - была создана.

Создаются специальные зондеркоманды, чтобы расстрелять меня. Дрессируются немецкие овчарки, чтоб они рвали в клочья моё тело. Составляются планы приведения в жизнь приговора, ведь любое живое существо отчаянно сопротивляется в борьбе за свою жизнь. Значит, нужно составить легенду, которой поверят, например, что евреев

хотят отправить в Палестину. Германские психологи отлично знают, что голый человек не может сопротивляться, значит, нужно имитировать санитарную обработку в душе. Филологи придумывают новые термины – «акция», «селекция» и другие. В общем, всё продумано до мелочей. Немцы любят порядок (орднунг).

Но они ещё рачительны и рациональны. Можно использовать, например, мои шелковистые мягкие волосы для набивки матрацев, сгодится азот, фосфор и кальций моего организма для удобрения. Даже мои стоптанные сандалики и потрёпанные штанишки должны быть упакованы, отсортированы и с соответствующим инвентарным номером отправлены по назначению. А я должен быть не только уничтожен, нет у меня даже права на то, что имеет даже каждый преступник – право на собственную могилу. Я должен исчезнуть, как будто меня не было на свете.

А немецкий народ с величайшим энтузиазмом выполняет все предписания своего «фюрера». Этот народ служит ему и обожает его. Да и как же не верить ему, если лишь вчера в стране царили голод, безработица, разруха. А сегодня на столе у каждого законопослушного бюргера – изобилие: голландский сыр, датское масло, бельгийский шоколад, норвежская сельдь, греческие апельсины и оливки... И не хочется думать – откуда взялось это изобилие, и, может быть, в своё время придётся давать ответ за все преступления! А сейчас немцы в патриотическом угаре салютуют этому человеку со скошенным лбом, косой прядью на лбу и маленькими усиками и верят каждому его слову. И если этот человек заявляет, что главными виновниками всех бед на земле являются евреи, и их уничтожение принесёт мир и благоденствие народу – значит, так оно и есть, и нужно делать всё для достижения этой цели. Я - решительный противник концепции о коллективной ответственности народа, но здесь с горечью

должен отметить, что против меня выступил (за малым исключением) весь немецкий народ.

А пока что я далёк от политики, она меньше всего меня интересует. Я наслаждаюсь жизнью, я радуюсь солнцу, я люблю своих друзей, своих родителей, своих сестёр. И нет мне никакого дела до человека со скошенным лбом, косою прядью и маленькими усиками.

Так птичка беззаботно и весело щебечет, прыгает с ветки на ветку, наслаждаясь небом, солнцем и свободой. И невдомёк ей, глупенькой, что уже расставлены над ней сети силка, и вскоре она забьётся, затрепещет в бессильной попытке вырваться из западни и обрести утраченную и столь желанную волю.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз.

22 июля 1941 года немецкие войска захватили моё родное местечко Крыжополь.

Начался самый страшный и трагический период в моей жизни и в жизни еврейского народа. Начался Холокост.

ХОЛОКОСТ

Начало войны. Мы - в Жабокриче. Первая встреча с немцами. Возвращение в Крыжополь. Кровавая резня в Жабокриче. Отношение к нам местного населения. Сыпной тиф. Доктор Брандес. Арест и зверское избиение. Я работаю бондарем. Конец оккупации.

*Тихо шепчутся там голоса, голоса,
Мы мертвы, мы в обнимку друг с другом лежим,
Мы прижались к любимым своим...
Сосчитайте по выбоинам на земле,
По осколкам стекла, по игрушкам в золе,
Сколько было тут светлых надежд,
Сколько света и хлеба украли у нас,
Сколько детских засыпанных глаз...
Павел Антокольский, «Теряются следы».*

Утром 22 июня 1941 года я крепко спал, так как накануне допоздна засиделся за книгой «Таинственный остров» Жюль Верна. Внезапно сквозь сон я услышал по радио музыку, которая буквально зачаровала меня. Это была Вторая рапсодия Листа. Вскоре музыка оборвалась, и министр иностранных дел Молотов выступил с заявлением, что в 4 часа утра фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Выступление закончилось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

После этого никакая информация не поступала, постоянно транслировалась музыка. Я вскочил как ошпаренный, быстро оделся, плеснул немного воды на лицо и выбежал на улицу. Город напоминал потревоженный муравейник. В магазинах были огромные очереди. Раскупали главным образом соль, спички, консервы, мыло, то есть всё, что могло храниться длительное время. Я

не очень был встревожен, так как не сомневался, что наша Красная Армия (которая, как пели в песне, «всех сильнее») разгромит наголову фашистов. Я побежал к моему другу Сюле Фаншелю, чтобы поделиться своими соображениями. Его мама, сестра и тётя громко рыдали и на мои слова, что никаких оснований для тревоги нет, всё закончится разгромом фашистов в течение нескольких недель, не обращали внимания и относились ко мне, как к несмышлёному мальчишке. Впрочем, так же, как я, рассуждали многие жители, которые верили официальной пропаганде о несокрушимости Красной Армии.

Первые дни Крыжополь не бомбили, лишь проносились над нами самолёты с воем, вызывающим страх у людей. Позже начались бомбёжки, главной целью которых была железная дорога и нефтебаза. Город был охвачен паникой, тяжёлый запах гари висел над городом – жгли документы, и на улицах валялись обгоревшие клочья бумаги, которые перекатывались и поднимались ввысь от ветра. Из города стали уезжать партийные и советские работники. Также перед нами встала проблема эвакуации. Мы и наши родственники собрались решать этот непростой вопрос.

Очень трудно было решиться оставить дом, нажитое тяжёлым трудом имущество и пуститься в путь, в неизвестность. У многих на руках были престарелые родители или инвалиды, нетранспортабельные, нуждающиеся в уходе. Непросто было найти транспорт. О машине нечего было даже мечтать, на железнодорожный транспорт необходим был специальный пропуск, а вагоны, нередко товарные, приходилось брать штурмом. Правительство совершенно не занималось организацией эвакуации гражданского населения. Был ещё один «аргумент». Помню, мой дядя Янкл доказывал, что немцы – культурный народ и с ними можно мирно сосуществовать. В качестве

доказательства приводился пример, что в 1918 году немцы относились лояльно к евреям. И совсем абсурдный «аргумент» - идиш и немецкий язык очень похожи, следовательно, есть у нас некое родство. В общем, много было аргументов против эвакуации.

К сожалению, у нас полностью отсутствовала информация об отношении нацистов к евреям. До войны «мир и дружба» с фашистской Германией не давала возможности советской пропаганде публиковать материалы о зверствах фашистов по отношению к евреям. Мы ничего не знали об «окончательном решении еврейского вопроса», о лагерях уничтожения и о других планах нацистских людоедов в отношении еврейского народа. Впрочем, в странах Европы и в Соединённых Штатах Америки народы также не были информированы об отношении нацистов к евреям. Правительства этих стран делали вид, что им ничего не известно, не выражали свой протест, и по сути дела своим молчанием поощряли эти гнусные преступления фашистской Германии. Агрессору дана была зелёная улица.

К сожалению, эта подлая политика «демократических стран», которые так пекутся о правах человека, но проявили полное равнодушие к судьбе еврейского народа, осталась безнаказанной и даже не была осуждена судом истории.

Всё же мы решили эвакуироваться, но время было упущено, дороги были забиты войсками. Мы добрались до Жабокрича, который находился всего в 10 километрах от Крыжополя. Жабокрич – большое село, утопающее в зелени и с большим чистым прудом. Там проживало много евреев, в том числе папин близкий друг Меир Ойрих. Меир также был бондарем. Он предоставил нам комнату в своём доме. В Жабокриче скопилось очень много евреев, которые бежали из восточных районов страны. Мы были в полном неведении о ходе военных действий. Ходили

слухи, что немцы высадили десант и через день-два будут в Жабокриче. Население было охвачено паникой. Не внесло ясности и выступление по радио Сталина, где он обращался к населению со словами «Братья и сёстры», чего раньше никогда не было. Я же был совершенно спокоен и уверен, что тревожные слухи ничего общего не имеют с действительностью. Они создаются специально, чтобы посеять панику. Меня до конца не покидала уверенность, что наша доблестная Красная Армия разобьёт наголову фашистов.

Между тем линия фронта неумолимо приближалась. Под Жабокричем завязались ожесточённые бои с участием тяжёлой артиллерии. Снаряды пролетали над нами с оглушительным свистом. Мы спрятались в бурьяне за домом. К вечеру канонада стихла, в небе были видны следы трассирующих пуль. Наступила тишина. Мы вернулись в дом и сидели безмолвно, в тревожном ожидании дальнейшего развития событий. Вскоре тишина взорвалась звуками моторов машин и мотоциклов. А еще через какое-то время мы услышали громкий, гортанный говор солдат, приближающихся к нашему дому. Старики засуетились, взяли буханку хлеба и соль и вышли из дому навстречу немцам. Один из стариков сказал: «Хаверим, мир зайнен идн, мир обн аф айх гевартн фир ун цванциг юр» («товарищи, мы евреи, мы ждали вас 24 года»).

Возникла пауза, после чего раздался оглушительный хохот. Один из немцев сквозь смех сказал другому: “Du Horst Hans? Die Yuden warteten auf uns zwanzig vier Yare.” («Слышишь, Ганс, евреи ждали нас 24 года».) Почти одинаковое звучание этой фразы на идиш и на немецком языке не оставляли никаких сомнений в её содержании. Я свободно владел идиш - это ведь был родной язык моих родителей. В школе я изучал немецкий язык. В общем, мне стало понятно, что сказал немец. В их поистине

гомерическом хохоте чувствовалось что-то сатанинское, страшное и зловещее. Всё это и то невероятное унижение, которое я испытал от злополучной «хлеб - соли», вызвали у меня тяжёлую истерическую реакцию. Я громко зарыдал, и моё тело буквально забило в страшных судорогах. Вокруг все в испуге, шепотом потребовали у родителей утихомирить меня. Ведь мой громкий истерический плач мог быть истолкован самым неблагоприятным для нас образом и повлечь трагические последствия. Моя мама прижимала меня к себе, закрывала рот, целовала, говорила ласковые слова, пока я, наконец, немного успокоился и забылся тревожным сном.

Утром я проснулся и осторожно выглянул на улицу. У колодца несколько немцев развлекались тем, что обливали друг друга водой и визжали от удовольствия. Обычные парни, несколько не похожие на тот образ фашистов, который мы привыкли видеть в советских газетах и журналах. Я нигде не видел свастики - немцы были раздеты до пояса и их мундиры были сложены невдалеке. Постепенно я, осмелев, приблизился к ним. Солдаты продолжали развлекаться, им не было никакого дела до меня.

Хотя мне не угрожала непосредственная опасность, я был охвачен каким-то странным чувством. Такое впечатление, что всё вокруг стало другим – и небо, и солнце, и деревья. В воздухе витало необъяснимое чувство тревоги. Я понял - отныне для меня произошёл водораздел между прошлым и настоящим. То состояние безмятежности и покоя, которое испытывал я до сих пор, никогда уже ко мне не вернётся. Я в смятении прибежал домой. Мама обратила внимание, что я чем-то взволнован. «Кындыню майн, вус ыз мыт дир?» - спросила она меня. («Дитя моё, что с тобой?»). Я прижался к матери и сказал: «Мама, давай вернёмся домой в Крыжополь!»

Мама ответила, что мы обязательно вернёмся, но

немного позже. Нужно освоиться с новой обстановкой, подождать, когда положение стабилизируется. Я упорно настаивал на немедленном возвращении и упрямо повторял как мантру: «Домой, домой, домой».

Не знаю, что подействовало на решение моих родителей вернуться без промедления в Крыжополь – мои ли требования или решение группы евреев не задерживаться в Жабокриче, но мы собрали свои пожитки и пустились в путь. Спустя короткое время после нашего ухода Жабокрич был заблокирован, все, кто пытался выбраться из местечка, были перехвачены оккупантами и после избиений и издевательств возвращены назад. Некоторых расстреливали на месте. Так, моего родственника, Мильтера Янкале, милейшего и скромного человека, которого мы все очень уважали, заставили выкопать яму и расстреляли. Он должен был уйти вместе с нами, но на свою беду замешкался и не успел выбраться вовремя.

А между тем, в Жабокриче началась кровавая вакханалия. Всех евреев загнали в четыре винных подвала и там расстреляли. Некоторым чудом удалось спастись. От них мы узнали леденящие подробности. Привожу в качестве примера письмо нашей доброй знакомой Танечки Дралюк (в девичестве Стратиевская) - человеку, находящемуся вместе с ней в тот страшный час в одном из подвалов.

«Дорогой Гриша! Мы с вами, будучи детьми (вам было 10, а мне 4), оказались рядом в погребе, куда загнали евреев фашисты. Я сидела в бочке, в которую мама меня посадила, а вы пытались в ней спрятаться... Несмотря на то, что из-за меня вам пришлось искать другой выход из невыносимого положения, нас обоих Всевышний помиловал и подарил жизнь. Так как вышедших из того кровопролития были единицы, то все мы бережно храним и ценим то, что нам досталось в наследство: святую память обо всех, кто ушли, будучи Героями, не сражаясь... Всю

свою жизнь я хотела поведать миру о том, что там произошло. С 8 лет я начала описывать то, что и сейчас горит в наших сердцах, а описать невозможно...»

Свои чувства и всё пережитое в те страшные годы Таня выразила в стихах. Вот фрагменты из одного из её многочисленных стихов:

«Одна я из тех, кто спаслись из кошмара
Расстрелов, пожаров, из Бабьего Яра,
Из концлагерей и из газовых камер...
Из тех, кто принял Судьбы страшной кару.

Мне жизнь подарили все те, кто погибли.
Я – рупор их жизней, я не забыла.
Ночами и днями я мысленно с ними.
И детям, и внукам свою память внушила.

6 миллионов камешков в Яд Ва Шеме.
Шестнадцать из них моим родным.
Это все в двадцатом кровавом веке...
Дай Бог веку новому быть иным!

В Жабокриче было расстреляно более 400 местных жителей и около 200 беженцев из Крыжополя, в основном стариков, женщин и детей. Все они погибли за один день. Уцелели немногие. Среди них моя тётя Сура, она была ранена в бедро и притворилась мёртвой. Ночью она выползла из-под трупов и спряталась у знакомых.

Спаслась моя родственница тётя Перл. У неё на руках находился годовалый ребёнок, который был убит пулей и своим тельцем защитил свою мать. Тётя Перл почти потеряла рассудок от горя и постоянно повторяла: «Птенчик мой! Почему я не погибла вместо тебя?»

Так начались первые дни оккупации. Нередко я задавал себе вопрос – что побудило меня настойчиво, с маниакальным упорством требовать быстрого возвращения в

Крыжополь? Думаю, что это был не простой каприз, а какой-то первобытный инстинкт самосохранения. Так зверёныш своим звериным чутьём чувствует приближение опасности и спешит поскорее спрятаться в нору, считая её самым безопасным местом на свете.

Между тем мы, томимые зноем, голодом и жаждой, утомлённые, покрытые дорожной пылью, шли по направлению к Крыжополью. По пути нам встречались колонны немецких солдат, все с закатанными рукавами, бодрые, весёлые, жизнерадостные. Они на нас не обращали никакого внимания.

Настроение германских солдат резко контрастировало с состоянием советских военнопленных, которые, понуриив головы, оборванные, многие с кровавыми повязками на голове, уныло брели по обочине дороги длинными колоннами, сопровождаемые несколькими немецкими солдатами-конвойными. По обеим сторонам дороги валялось огромное количество оружия - главным образом винтовки и противогазы (советское военное командование опасалось, что немцы могут применить боевые отравляющие вещества). Отдельные группы немцев извлекали затворы из винтовок, а сами винтовки разбивали.

Крыжополь встретил нас гарью пожарищ, пустотой улиц. На наших глазах рухнуло, взметнув сноп искр, здание сельсовета на углу улицы Карла Маркса и улицы Кирова. Мы решили поселиться временно в большом доме приятеля папы, так как наш дом был частично разрушен. В комнате нашего дома остались следы трапез и попоек. Вещи не были похищены, исчезли только мои 2 авиамодели. До войны я увлекался авиамоделизмом и добился определённых успехов. Эти авиамодели мне были особенно дороги, так как летали на приличное расстояние.

Позже наш дом подвергся более основательному

грабежу. Как-то мы с папой пришли проверить дом, и стали свидетелями очередного грабежа. Несколько сельских жителей, главным образом молодых женщин, извлекали через окно наш шкаф. Этот шкаф мы купили за несколько дней до войны, и очень гордились им. Папа обратился к похитителям со словами упрёка: «Что вы делаете? Неужели у вас нет совести?» Одна из женщин злобно взглянула на нас и сказала: «Молчи, жид! Это только цветочки, а ягодки – впереди». Как же она была права!

Итак, мы временно поселились у наших друзей. Хозяин дома - Переплётчик Рифул, тучный, добродушный человек. Я учился в школе с его дочерью Маней, а моя сестра Зина училась в одном классе со второй дочерью – Доней. Таким образом, у нас было много общих интересов.

Начались страшные будни оккупации, которые длились 968 дней и 968 ночей. Без малого тысяча дней каторжного труда, побоев, издевательств, унижений. Почти тысяча ночей кошмаров, когда одиночный выстрел, лай бродячей собаки, громкий разговор подвыпившего гуляки вызывают панический страх. Сердце гулко стучит в груди, а кожа покрывается холодным, липким потом, возникает мысль, что это начало «экзекуции», начало конца. И сидим мы все, как затравленные звери, и неоткуда ждать спасения.

В первые дни мы решали проблему с питанием тем, что выкапывали из бесхозных огородов картофель, морковь, свеклу. Яблоки, груши, сливы мы срывали с деревьев заброшенных садов - так что было чем утолить голод. В последующие дни нас постоянно мучило чувство голода.

К нам в дом регулярно заходили немецкие и румынские солдаты. Не говоря ни слова, они рылись в шкафу, в буфете, выбирали понравившуюся вещь и молча уходили. На нас они не обращали никакого внимания, мы были для них неодушевлёнными предметами.

Однажды забежал молодой немецкий солдат, видимо, не мог ничего выбрать по своему вкусу. Тогда он схватил чашку с остатками чая, стоящую на столе и выбежал. Мы молча переглянулись. Перед нами был обычный, примитивный мародёр. И это - представитель высшей расы, «юберменш» - сверхчеловек.

Вскоре появились первые признаки организации городского населения. Они выражались в виде многочисленных приказов, развешенных по всему городу. Приказывалось немедленно сдать оружие, радиоприёмники. Все коммунисты и комсомольцы должны пройти регистрацию. Жиды (слово «еврей» было вычеркнуто из лексикона) не имеют права выходить на улицу после 18 часов, посещать рынок, ходить по тротуару. За нарушение всех этих предписаний полагалось одно наказание – расстрел. Слово «расстрел» было набрано крупным шрифтом так, что видно было на расстоянии. Кроме того, писалось в приказе, что Красная Армия практически разгромлена, через несколько дней падёт Москва, и Советский Союз прекратит своё существование.

Отдельным пунктом приказано было отметить дома неевреев крестом, нарисованным на дверях белой краской. Я вспомнил «Варфоломеевскую ночь», описанную в романе Дюма «Королева Марго». Перед кровавой резнёй гугенотов католикам также предлагалось отметить белыми крестами их дома.

Через несколько дней я проходил мимо дома моей учительницы Клавдии Викторовны Лучко. Я уже говорил выше, что у меня были с ней исключительно дружеские и доверительные отношения перед войной. Моя учительница была занята тем, что рисовала крест на дверях своего дома. Она настолько увлеклась этим занятием, что не заметила меня. Я подошёл ближе к ней и сказал: «Здравствуйте, Клавдия Викторовна!» Клавдия Викторовна отложила в

сторону кисть с краской и повернулась ко мне. Её лицо было перекошено от злобы. «Пошёл вон, паршивый жид! Не смей приближаться ко мне, иначе я вызову полиция, и он прикончит тебя!» - выкрикнула она. От неожиданности я опешил и не мог выговорить ни слова. Потом, после того, как она повторила эту брань, я повернулся и пошёл дальше.

От обиды и унижения я шел, куда глаза глядят, и горько плакал. Много времени я не мог прийти в себя от предательства человека, которому я верил, которого уважал и любил. Но «ничто не земле не проходит бесследно». Мы ещё встретимся с этой особой в ходе моего повествования. Через несколько дней я встретил моего друга Толю Казмазовского, о котором уже рассказывал. Я бросился к нему, но он посмотрел на меня с презрением и сказал: «Я тебя не знаю и знать не хочу. Вы, жида, причинили нашей семье много горя. Убирайся, пока цел!» Разочарованный и огорчённый его несправедливым упрёком, я уныло поплёлся домой.

Жил в нашем городке старый учитель музыки по фамилии Вайншток. Это был человек невысокого роста с длинными седыми волосами и небольшой бородкой. Было в его облике что-то библейское, внешний вид не вызывал сомнений в его иудейском происхождении.

Учителя очень любили, это был человек высокой культуры - истинный интеллигент, большой любитель музыки. Он нередко давал уроки музыки бесплатно детям из бедных семей. И вот в один злополучный день этот старик осмелился пройти не на обочине дороги, а на тротуаре, а это было с точки зрения оккупантов серьёзным нарушением «орднунга» - порядка. На его беду ему навстречу шёл немецкий офицер. Это был высокий, стройный человек с красивым, гладко выбритым лицом, истинный ариец. В руках у него были лайковые перчатки. Увидев старого

еврея, шедшего по тротуару, офицер приблизился к нему и стал хлестать его по лицу этими лайковыми перчатками. Отхлестав старика и заставив его сойти с тротуара, немец продолжил свой путь. Я подошёл к плачущему учителю, взял его под руку и отвёл домой.

В общем, это была сцена рутинная, можно сказать, привычная – немец избил еврея. Но меня в этом эпизоде поразило нечто другое - лицо офицера. Оно не выражало никаких эмоций (разве что незначительное искривление губ, как проявления гадливости.) Немецкий офицер выполнял свою работу по наведению порядка, и не более того. Он мог пристрелить старика, но не сделал этого. Так что здесь был проявлен акт «гуманизма».

Много лет спустя, работая врачом и занимаясь психологией, я заинтересовался этим феноменом – отсутствием проявлений эмоций на лице у немца. Фюрер заявлял, что совесть не что иное, как химера, и он, фюрер, освобождает немецкий народ от этой химеры. Кроме того, в Гитлерюгенд (гитлеровская молодёжная организация) их питомцам для того, чтобы выкорчевать чувство жалости, давалось следующее задание. Необходимо было вырастить кролика, а затем собственноручно его убить. Таким образом, устранялось из человека милосердие. Совесть и милосердие – это основополагающие факторы, определяющие сущность человека – «Homo sapiens». Без этих свойств человек превращается в бездушный механизм – ЗОМБИ, то, что требуется для фашистского диктаторского режима (и не только фашистского). Немецкий офицер, описанный выше, сохранил своё внешнее подобие человека и физиологические функции. Он ел, пил, любил, спал, испражнялся. Но как Человек – он прекратил своё существование. Он превратился в дегенерата.

В первые дни оккупации мы выполняли чёрную работу – расчищали завалы, убирали улицы, работали грузчиками.

Однажды меня послали на работу в качестве... прислуги в немецкую семью. Семья состояла из «фрау» - жены офицера и двух детей – примерно 9 и 12 лет. Я выносил помои, убирал в комнатах, чистил обувь и делал другие чёрные работы. Фрау ко мне относилась неплохо, даже дала несколько марок за работу. Но её дети меня открыто презирали и смотрели на меня, как на отвратительное насекомое. Впрочем, я недолго задержался там, и вскоре стал работать с папой бондарем.

Мне хорошо запомнилась дата 1 сентября 1941 года. Я шёл с папой на работу, одет я был в штаны из мешковины, у меня в руках была пила. Вдруг навстречу нам показалась моя любимая учительница Евфросинья Фёдоровна. Она подошла к нам поближе, глаза её были полны слёз. «Я вижу, - сказала она сдавленным голосом, - кто идёт в школу, а кто – на работу. Лучше бы я не дожидая до этого позора». Она обняла меня, поцеловала и ушла. Я грустно посмотрел ей вслед и пошёл своей дорогой.

30 августа 1941 года между нацистской Германией и Румынией было заключено соглашение. Всю область между Днестром и Бугом, так называемую Транснистрию, передали в ведение румын. На этой территории были созданы концентрационные лагеря и гетто для евреев. В Крыжополе создали гетто, которое было окружено колючей проволокой. Мы находились там в условиях ужасающей скученности.

Румыны изгнали в 1941 – 1942 г.г. в лагеря смерти около 150000 евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию. Из них в живых осталось меньше трети. Колонны изгнанных евреев проходили через Крыжополь. На ночь они делали привал во дворе бывшей еврейской школы в южном конце улицы Карла Маркса. Это было страшное зрелище. Евреям не давали никакой пищи и воды. Во дворе школы не оставалось ни травинки, её всю съедали несчастные

изгнанники. Была голая, чёрная земля. К утру на земле двора оставались трупы умерших. Их закапывали в безымянную могилу. Когда копали могилу, некоторые из евреев ещё были живы. Считали, что когда закончат копать, они уже будут мертвы. Не исключено, что некоторых закапывали живьём.

Мы пытались хоть чем-нибудь малым помочь нашим собратьям, несмотря на то, что наше положение было не намного лучше. Властями был издан специальный приказ, согласно которому категорически запрещались контакты местного населения с изгоняемыми евреями. В качестве наказания местные евреи изгонялись по тому же этапу с румынскими евреями.

И всё же под покровом темноты мы с ведёрком варёного картофеля и с кастрюлей мамалыги подходили к школьному двору и раздавали несчастным беженцам эту скудную пищу. Трудно передать, в каком сложном положении мы оказывались. Ведь голодающих евреев были сотни, а то, что мы приносили, хватало самое большее на десяток человек. Не дай Бог оказаться в положении, когда на тебя умоляюще смотрят сотни глаз голодных людей, а ты не знаешь, кому дать эту картофелину – девушке с широко раскрытыми прекрасными глазами, или женщине, прижимающей руки к груди, или мужчине, убелённому сединами, или мальчику, худому и бледному, с недетским выражением лица, потерявшему надежду на спасение.

По возвращении домой мой папа плакал как ребёнок от отчаяния и бессилия помочь несчастным евреям. Некоторым из них, несмотря на огромные трудности, удалось (видимо, за большие деньги) осесть в Крыжополе. Среди них был замечательный человек, сыгравший большую роль в моей судьбе – доктор медицины Брандес.

Конечным пунктом изгнания румынских евреев было село Ободовка на расстоянии примерно 50 километров от

Крыжополя. Туда они добрались, когда похолодало и начались заморозки. Их поселили в коровниках и свинарниках, из которых предварительно были вынуты окна и сняты двери. Подавляющее большинство погибло от голода и холода. Трупы умерших и замёрзших вывозили за село. Их не хоронили из-за сильных морозов, они были засыпаны снегом и стали добычей бродячих собак и волков. Весной, когда начал таять снег, обезображенные и наполовину изгрызенные трупы похоронили в одной общей могиле. На территории Транснистрии было великое множество таких безымянных могил. Всего было замучено и расстреляно свыше трехсот тысяч евреев.

Я уже отмечал, что все евреи независимо от возраста обязаны были носить жёлтую шестиугольную звезду (маген Давид) на чёрном фоне. За нарушение этого приказа полагалось строгое наказание, вплоть до смертной казни. И, тем не менее, я отказывался носить эту жёлтую звезду. Я считал, что это унижает моё достоинство. Тайком от родителей на улице я снимал этот знак и прятал в карман. Конечно, это было неразумным ребячеством, авантюрой, которая ничем хорошим не могла закончиться.

Вскоре меня настигла жестокая кара. Я шёл по направлению к бондарной мастерской, находящейся на улице Фалаштинской, по другую сторону железной дороги. Вдруг навстречу мне появился полицейский. Он пристально посмотрел на меня, понял, что я еврей (моя внешность не оставляла никаких сомнений), и грозно сказал: «А ну, жидёнок, подойди ко мне!» Я понял, что попался, ничего хорошего ожидать не приходится, и бросился наутёк. Он погнался за мной, на ходу стреляя в меня из пистолета. Моя цель была добежать до бондарной мастерской. Там я оборудовал тайное и надёжное убежище среди клёпок, и полицейский вряд ли нашёл бы меня.

Но на мою беду в это время к станции приближался

воинский эшелон с немецкими солдатами, и путь к моему отступлению был отрезан. Полицай гнался за мной с криками «Партизан, партизан»! К этому времени воинский эшелон замедлил движение перед остановкой. Из одного вагона выскочили несколько немцев, которые тотчас схватили меня и крепко держали, пока к нам не приблизился полицай, который стал зверски избивать меня, затем окровавленного, под дулом пистолета, повёл меня в полицию, где на меня набросились несколько полицейских и один румынский жандарм. Они избивали меня дубинками и кулаками с такой яростью, как будто перед ними не худой и беспомощный подросток, а крупный преступник. Вначале я вопил, извивался, а затем потерял сознание.

Очнулся я после того, как на меня вылили ведро воды. Затем уволокли в камеру. Я лежал на полу, всё тело горело, малейшее движение вызывало острую боль. Живым оттуда мне вряд ли удалось бы выбраться. Но мои родители обратились к нашему родственнику, который был председателем еврейской общины, Нусику Шнайдеру, с мольбой о помощи. Дядя Нусик был человек добрейшей души, часто бывал у нас, я любил его за его искромётный юмор, он часто рассказывал очень занимательные истории. Его старшая дочь Эмма и младшая дочь Дора дружили с моими сёстрами. Судьба Нусика Шнайдера была трагичной – после освобождения его обвинили в сотрудничестве с оккупантами, и он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна 4 этажа.

Дядя Нусик с плачущей мамой обратился к коменданту. Не знаю, о чём он говорил с ним и что он ему обещал, но его просьба возымела действие. Комендант дал указание выпустить меня. Дядя зашёл в камеру, где я находился. Ходить я не мог. Тогда он взял меня на руки, и на вытянутых руках нёс меня по всему городу. Я лежал на

его руках и смотрел на него снизу вверх. Из глаз Нусика лились слёзы и орошали моё лицо. Я прошептал: «Дядя Нусик, не плачьте, я ведь не плачу!» Дома меня осторожно раздели, моё тело представляло сплошную кровавую массу. Я долго не мог прийти в себя. Кроме ран, меня мучили кошмары, ночью я вскакивал с криком, мне было очень страшно. Постепенно все эти явления ослабли, хотя полностью они не прошли.

Таким образом, я жестоко поплатился за отказ носить жёлтую звезду. Моё сопротивление было подавлено самым суровым образом. Но ретроспективно, по истечении многих лет, я могу утверждать, что из этой схватки я вышел победителем. Со всеми моими мучителями (Николайчук, Рябой, Малютяк и Молдовяну) я встретился при весьма необычных обстоятельствах. Об этом будет рассказано позже. А сейчас могу только сказать, что все они сгнули бесследно. А я нахожусь в моей любимой еврейской стране Израиль и с гордостью ношу на золотой цепочке шестиконечную звезду Давида – символ непобедимости моего народа.

Через несколько дней произошёл почти такой же трагический случай с моим товарищем Изей Гурьевским. История этого события такова. Наша учительница Тамара Титовна, о которой я рассказывал раньше, вышла замуж за старосту Крыжополя - Кравца. Кравец был патологический антисемит. Евреи очень страдали от его издевательств и побоев. И с этим изувером наша любимая учительница связала свою судьбу. Была пышная свадьба, которая длилась целую неделю. Гремел духовой оркестр, самогонка лилась рекой. В пьяном угаре участники свадьбы издевались над евреями, зверски избивали их, были случаи изнасилований. Евреи прятались, старались не попадаться на глаза «гостям».

Однажды Изя встретил Тамару Титовну. Он был острый

на язык, не удержался и отпустил по её адресу несколько нелестных слов. Через короткое время Изю схватили два полицаи, зверски избили и бросили полуживого в погреб. Ему угрожала смертельная опасность, но каким-то непостижимым образом, изувеченный, он сумел взломать входную дверь погреба и убежать. Ему пришлось долго скрываться, полиция его разыскивала, но не нашла. Придёт время, и Изя жестоко отомстит Тамаре Титовне за этот инцидент.

В конце октября 1941 года в семье моего друга Сюли Фаншеля появилась его родная тётя – Гитя. Она была почти в состоянии невменяемости от постигшего её горя. От неё мы слышали страшный, леденящий кровь рассказ.

Когда началась война, тётя Гитя жила в Одессе с мужем и двумя детьми – Гришей (10 лет) и Светочкой (8 лет). Мужа мобилизовали в армию и отправили на фронт. Гитя не успела эвакуироваться.

Советские войска оставили Одессу 16 октября 1941 года после упорного сопротивления. При этом противнику были нанесены тяжёлые потери. Когда город был захвачен, начался безудержный массовый террор, в первую очередь против еврейского населения. Производились облавы, часть евреев была повешена на электрических столбах. 23 октября улицы Одессы представляли устрашающее зрелище – висели сотни трупов. Оставшихся в живых евреев привели в село Дальник. Там произошла страшная трагедия, которую невозможно слушать без содрогания.

25000 человек разместили в 4-х бараках. В одном из них были женщины и дети. Там же находилась Гитя с детьми. Изуверы подожгли бараки с тем, чтобы сжечь евреев живьём. В этот момент сын Гити Гриша закричал: «Мамочка, спасайся!» В последний момент Гите каким-то непостижимым образом удалось выскочить из объётого пламенем барака. Дети сгорели. Всё это выглядит как

чудовищный, кошмарный сон. Многие осуждали Гитю и считали, что она должна была войти в огонь вместе с детьми.

В ТАНАХе сказано: «Не осуждай ближнего, пока не окажешься на его месте». Мы во время оккупации видели образцы беспримерного героизма и самопожертвования, но они были не очень часты. В стрессовой ситуации поведение человека может быть неконтролируемым. В случае с Гитей имело место столкновение двух самых мощных рефлексов: инстинкт материнства и инстинкт самосохранения. Победил второй рефлекс, и это не вина её, а беда. Да будут прокляты фашистские ублюдки, которые ставят людей в условия столь страшного выбора!

Гите удалось выбраться из объятого пламенем барака. Но это отнюдь не означало, что жизнь её была вне опасности. Ей просто некуда было деваться. В Одессу она не могла вернуться, так как повсюду стояли дозоры оккупантов, её квартира была занята. Она примкнула к колонне, которая двигалась по направлению к Богдановке, но оказалось, что эту колонну вели на расстрел. Поистине Гитя попала из огня да в полымя.

Но тут произошло чудо (сколько чудес происходило в те страшные годы!). Румынский офицер, который сопровождал колонну и должен был дать страшный приказ, стал перед колонной и сказал: «Я не могу выполнить данное мне поручение, я не буду стрелять в женщин и детей. Вы свободны». Следует сказать, что такие случаи, к сожалению единичные, встречались, и мы знали о них. Таким образом, Гитя вторично обрела свободу. И тогда у неё возник отчаянный план: уйти в Крыжополь к своему родному брату Лейбе Фаншелю. Ориентиром для неё служила железная дорога. Пешком по шпалам, днём и ночью, без еды и питья, скрываясь от встречных людей, она прошла свыше 300 километров. Измученная и полужи-

вая, Гитя, наконец, достигла цели. Семья Фаншель сердечно приняла её и сделала всё, что в их силах, чтобы, насколько это возможно, вывести её из состояния шока.

Вскоре произошло событие, которое удивительным образом повлияло не только на судьбу Гити, но также и на нашу судьбу. В Крыжополь прибыл новый румынский комендант по фамилии Цундра. Это был мужчина весьма непривлекательного и устрашающего вида, высокий, костлявый, сутулый. Тонкие губы, широкий рот, выпяченная вперёд нижняя челюсть придавали ему грозный вид. Мы были поражены, когда заметили, что Гитя установила с ним контакт и часто его посещает в комендатуре. Спустя короткое время она открыто встречалась с ним, и стала его любовницей.

Оказалось, что это тот румынский офицер, который в Одессе спас колонну евреев. В этой колонне находилась Гитя. Вероятно, она напонила ему о том, что он её спаситель. Возможно, что в этих слухах была определённая доля фантазии. Но подтверждением этому явились два фактора. Цундра оказался добрым, великодушным человеком, вопреки своей внешности. Он предотвратил дважды депортацию евреев Крыжополя. И второе – столь быстрое установление связи Гити с комендантом могло указывать на какую-то встречу с ним в прошлом. Во всяком случае, Цундра по своему характеру вполне мог выступить в роли ангела-хранителя той несчастной группы евреев в Одессе, которую вели на расстрел.

Гитя явилась связующим звеном между комендантом и еврейской общиной Крыжополя. Однажды она сообщила нам страшную новость – получен строгий приказ о нашей депортации. Хорошо помню эту страшную ночь, когда мы шили себе наплечные мешки и собирались в страшный путь с трагическим финалом. Мама горько плакала. «Дети мои, птенчики! - говорила она сквозь слезы. – Мы уже своё

отжили, а за какие грехи вы должны страдать?» Замечу, что к тому времени папе и маме ещё не было и 60 лет. Но судьба опять оказалась милостивой к нам. Мы собрали драгоценности, каждый дал, сколько мог, и высшие инстанции в последнюю минуту отменили этот роковой приказ. Излишне напомнить, что главным посредником в этой сделке была Гитя.

Кстати, в это же время был приказ о депортации евреев местечка Песчанка, которая находится примерно в 30 километрах от Крыжополя. Евреи Песчанки собрали драгоценности, чтобы передать в румынскую жандармерию, и таким образом спастись от гибели. Ценности должен был передать еврей по фамилии Заяц. Этот еврей оказался негодяем (что поделаешь, и в нашем племени встречаются подонки). Всё золото и все драгоценности, которые были собраны у евреев, он украл и скрылся в неизвестном направлении, стремясь таким образом спасти свою жизнь. У евреев местечка не осталось никаких средств, чтобы выкупиться. Они были депортированы и почти все погибли.

Наступила зима. Мы жестоко страдали от холода, нечем было топить печку. Мы набрасывали на себя всякое тряпье, чтобы хоть немного согреться. Однажды утром я проснулся от сильной головной боли и озноба. Моя мама приложила губы ко лбу (старый, испытанный метод определения температуры без термометра). Я весь горел. Был у нас в местечке румынский врач Брандес, которому удалось спастись от гибели в «лагере смерти» Ободовка, и он поселился в Крыжополе. Мама пригласила его. Диагноз врача не вызывал ни малейших сомнений – сыпной тиф. Вслед за мной сыпным тифом заболела моя сестра Зина и папа. Только мама осталась на ногах, и в невероятно тяжёлых условиях ухаживала за нами. При этом нужно было соблюдать всё в строжайшей тайне.

Немцы и румыны панически боялись инфекционных болезней. Если бы они узнали о нашем заболевании, мы тотчас были бы уничтожены. Положение, в котором оказалась наша семья, было ужасным. О лекарствах нечего было даже мечтать. Мама тайком пошла на базар, чтобы обменять некоторые вещи на продукты. Но – беда не ходит одна. Рынок евреям запрещалось посещать. Её обнаружил полицейский Рябой, тот, который избил меня до полусмерти всего пару месяцев назад.

Он начал жестоко избивать маму, она от него убегала, а этот изверг гнался за ней и бил её прикладом винтовки по голове и спине. Мама добралась домой вся истерзанная, в синяках, пальто на ней было изорвано. Но она не плакала. Молча взяла остатки продуктов, которые находились в доме, и приготовила нам поесть. Каким мужеством и терпением нужно было обладать, чтобы в этих адских условиях не впасть в отчаяние и сохранить способность к активным действиям. Мама продолжала бороться за жизнь дорогих ей людей – мужа и детей. Она проявляла поистине героические усилия по уходу за нами, несмотря ни на что, продолжала ходить на рынок и покупала продукты, которые помогли нам выжить.

Конечно, положение наше было отчаянным – тяжёлая болезнь, холод, отсутствие лекарств, неполноценное питание, страх быть обнаруженными оккупантами. И всё же в этой кромешной мгле отчаяния был один светлый луч, который нас согревал и вселял надежду. Эту надежду подарил нам доктор Брандес, о котором я упоминал выше. Он часто нас посещал. Мне он почему-то уделял особое внимание и беседовал со мной на равных, что очень льстило мне. Я спрашивал его: «Доктор, я буду здоров? Разве можно выздороветь без лекарств?»

Доктор Брандес отвечал мне: «Мальчик мой, ты будешь здоров, только не отчаивайся и верь. Вера в выздоровление

– это половина выздоровления. Ты должен молиться, и Всевышний принесёт тебе исцеление».

Я сказал: «Я не верю в Бога, а если Он существует, почему, за какие грехи Он так тяжело карает меня и моих близких?»

Доктор Брандес строго посмотрел на меня. «Ты ещё многого не понимаешь. Бог милосердный, Он не наказывает тебя, а посылает тебе испытания. И из этого испытания ты выйдешь более чистым, более мудрым, ты научишься понимать смысл жизни и различать между истинными и показными, суетными ценностями. Ты поймёшь, что в жизни есть нечто вечное, постоянное – милосердие и справедливость».

Я смотрел на его лицо, глаза, излучающие тепло и ласку. И так убедительно звучали его слова, что я безоговорочно ему поверил – этот доктор говорит правду, я выздоровею, несмотря ни на что. Однажды доктор Брандес посмотрел на меня лукаво и сказал: «Мы начнём принимать витамины!» Я с недоверием взглянул на него.

«Ты знаешь, дорогой мой мальчик, - сказал он - когда человек улыбается, у него в организме образуются витамины. Ну-ка, улыбнись!»

И здесь я сделал потрясающее открытие – я разучился улыбаться. Вокруг нас было так много горя, слёз, страданий, что мы забыли о существовании улыбки и смеха. Когда я изобразил на лице некое подобие улыбки, доктор решительно сказал: «Так не годится!» Он сделал на лице такую смешную гримасу, что я невольно расхохотался.

Пройдёт много лет. Я стану врачом, и буду лечить больных. Я часто вспоминал доктора Брандеса и понял, что он был не только моим исцелителем, но и моим Учителем. В народе говорят: «Слово лечит и слово калечит». В арсенале врачевания Слово занимает очень важное место – оно вселяет надежду, повышает

жизненный тонус и таким образом стимулирует защитные силы организма. Доказано, что у победителей раны заживают быстрее, чем у побеждённых. Я всегда твердил молодым врачам: «Если вы оставляете плачущего больного, или если от вас выходит больной в слезах – вы как врач не состоялись. Не отходите от больного, пока на его лице не появится улыбка». Это была «школа доктора Брандеса», уроки, данные мне в тяжёлую пору моей жизни, уроки, которые я запомнил и стал применять в моей практической врачебной деятельности.

Я с большим волнением смотрю передачи по телевидению, где показывается, как клоуны цирка приходят в детские отделения и развлекают больных детей. И когда я вижу, как на бледном страдальческом личике ребёнка появляется улыбка, я вспоминаю доктора Брандеса и как он лечил меня «витаминами». И я низко кланяюсь этим цирковым клоунам, которые безвозмездно, за счёт своего свободного времени развлекают детей. Они также участвуют в лечении, и их вклад – очень весомый.

Прошёл острый период сыпного тифа, и я постепенно, очень медленно стал поправляться. Мой папа и моя сестра Зина также выздоровели. Хотя симптомы тифа прошли, я был очень слаб. Меня буквально качало от дуновения ветра. Но настроение у меня было хорошее, я с оптимизмом смотрел в будущее, хотя положение наше не изменилось. В душе моей значительно ослабло чувство страха и тревоги. Мысленно я обращался к моим мучителям: «Палачи и убийцы! Вам не убить меня, Бог защитит и спасёт меня! А вы сгинете, сгниёте и исчезнете с лица Земли!»

Нет, что ни говорите, уроки моего Доктора и моего Учителя Брандеса не прошли для меня даром, они дали хорошие всходы. Я эти уроки не только усвоил, но передал как добрую традицию последующему поколению.

Зима прошла, наступила весна. От дождей дорогу развезло, в местечке была непролазная грязь. Мы с трудом передвигались по немощенным дорогам, утопая в вязком украинском чернозёме. По-прежнему нас подвергали побоям, издевательствам и унижениям. И, как будто этого было мало, на нас обрушилось новое несчастье.

В Крыжополе создали еврейское гетто. Свой дом и всё имущество пришлось бросить и переселиться в условия ужасной тесноты и нужды. Наше положение до этого трудно назвать благоприятным, но мы жили в своём доме, что создавало хоть какую-то иллюзию безопасности. «Мой дом – моя крепость». На ночь мы запирали дверь на несколько запоров, закрывали ставни. В случаях проведения «акций» со стороны оккупантов это ничем не могло помочь, но, по крайней мере, могло служить минимальной защитой от грабителей и насильников. Недостатка в этой категории людей в то лихое время не было, и ночами часто слышны были крики о помощи.

Планировка территории гетто была проведена с большим знанием местных условий, то есть на месте наибольшего скопления еврейского населения. Северная граница гетто проходила по улице Пролетарская (в прошлом – Будгос). Там постройки были очень старые – настоящие трущобы. Ветхие дома тесно прилегали друг к другу, так что не было дворов. Южная граница шла по улице 8 Марта, также с очень плотной застройкой. Жители этой улицы для отправления естественных потребностей ходили в уборную на вокзал, который находился недалеко. Восточная граница шла по улице Карла Маркса, а западная – по улице Куйбышева. Вся территория гетто по периметру была окружена двумя рядами колючей проволоки с одним входом и выходом на улице 8 Марта. На этой улице был единственный в местечке водопроводный кран. Ограда огибала его таким образом, что

водопровод оказался вне гетто. На территории гетто был один колодец с непригодной для питья водой (вода была горькая). У входа дежурил полицай. Выход из гетто без разрешения или без сопровождения полицая жестоко карался, вплоть до угрозы расстрела.

Мы поселились в доме дяди Янкл, который выделил нам самую большую комнату, примерно 15-20 квадратных метров. В этой комнате проживали до нашего освобождения 9 человек – мама, папа, сестра Зина и я. Кроме того, вместе с нами жила в этой комнате семья дяди Меира – его жена Ента, дочери Бэла и Люба, а также общая любимица Ниночка, которой был всего один год.

В начале войны дядя Меир с семьёй эвакуировался, Бэла была на девятом месяце беременности. Под Савранью (Одесская область) их настигли немцы. Они спрятались в здании бывшей птицефермы, там у Бэлы начались родовые схватки, и она родила ребёнка - девочку.

Роды проходили в ужасных условиях, роженице нельзя было даже кричать, чтобы не обнаружить себя. Её мама – Ента перерезала пуповину и завернула новорожденного ребёнка в тряпки, которые оказались под рукой. Вопреки всему, ребёнок был здоров и даже не болел инфекционными заболеваниями. Из Саврани вся семья с крошечным ребёнком на руках вернулась в Крыжополь, подвергаясь в пути страшным издевательствам со стороны немцев. Тётя Ента рассказывала, как немцы заставляли их ползать, есть землю, избивали их. Эти звери не жалели даже крошечного ребёнка, которому не исполнился месяц. Несмотря ни на что, вся семья вернулась целой, и вскоре оказалась вместе с нами в гетто.

В каждом доме внутри гетто были заведены специальные, так называемые «домовые книги». В них были записаны все, проживающие в данном доме, включая младенцев. Во время облав сопоставляли наличие жильцов со

списками в «домовой книге». И горе было тем, у кого оказывался лишний жилец, или если кого-то не хватало.

А пока нам нужно было приспособливаться к новым тяжёлым условиям. Поразительно, насколько у человека проявляются адаптационные механизмы, при, казалось бы, безвыходных ситуациях!

Несмотря на невероятную скученность, мы никогда не ругались и жили дружно. Я из досок, которые были в избытке в бондарной мастерской, и из мешковины сделал раскладушки. По вечерам не зажигали свет, так как не было ни свечей, ни керосина. Читать тоже невозможно было. Чтобы использовать это время, я научился вязать крючком. Нитки можно было извлечь из старых, пришедших в негодность шерстяных изделий, а деревянный крючок я сделал сам. Таким образом, я связал себе перчатки и носки.

В наших кошмарных условиях мы совершенно по-новому оценивали полезность вещей. Например, какую пользу можно извлечь из золотого кольца с бриллиантом? Оно не накормит, не согреет, не создаст даже минимального комфорта. Конечно, можно возразить, что это кольцо представляет денежный эквивалент, а деньги дают возможность приобрести всё, что душе угодно. Всё это так, но для обмена на деньги кольцо необходимо продать. Возникает вопрос – кому? Еврей не купит его - при тех условиях, что он находится, оно ему ни к чему. Значит, нужно продать кольцо не еврею.

Не забудем, что евреи – изгои, они вне закона, и в случае обмана им некуда обратиться для справедливого решения вопроса. В лучшем случае за золотое кольцо он получит буханку хлеба или ведро картошки. Этого ему хватит на неделю, самое большее на две недели. При этом покупатель не еврей рассуждает: «Жида-христопродавцы пили кровушку бедных христиан, беспощадно эксплуати-

руя их. Не граблю я этого еврея, а отбираю у него то, что принадлежит мне по праву. А ещё по доброте душевной даю ему продукты - буханку хлеба, немного кукурузной муки, несколько картофелин». При этом он преисполнен чувством гордости за выполнение столь благородного и милосердного поступка, и кладёт в карман уникальную вещь, стоимость которой оценивается в целое состояние.

В худшем случае покупатель положит это кольцо в карман, и предложит еврею убираться ко всем чертям и ещё поблагодарить его за то, что он не избил его. Ну, а в самом худшем варианте покупатель не только отберёт драгоценность, но ещё подвергнет еврея пыткам, чтобы он сознался, где спрятаны остальные сокровища.

Кто сосчитает, сколько золота, брильянтов, жемчуга, уникального антиквариата, которые сохранились у евреев, несмотря на гонения и погромы, и передавались из поколения в поколение, были отняты местным населением, «сердобольными христианами», проповедующими человечность и правду!?

Прошло много времени, и у дочерей, внуков и правнуков этих «христоролюбивцев» можно видеть порой кольцо, брошь, серьги и другие украшения невиданной красоты. На восхищённый вопрос подруг, где была приобретена эта прелесть, следует ответ: «Эта наша семейная реликвия, она досталась мне от бабушки (прабабушки) в наследство». И сверкает брильянт, отражая своими гранями солнечные блики. Ах, если бы он мог говорить, - сколько трагичного было бы рассказано об истинных хозяевах этого брильянта. Но безмолвствует благородный камень. Его хозяева спят вечным сном в безымянных могилах, расстрелянные, удушенные, сожжённые, замученные.

Было бы неверно считать, что всё окружающее нас население относилось к нам враждебно. Некоторые жители окружающих сёл приходили в гетто, несмотря на строгий

запрет и очень суровые наказания, которым они подвергались в случае их разоблачения. Они приносили продукты и снабжали ими еврейское население за очень умеренную плату, или только за какую либо услугу – ремонт бочки, обуви, пошив одежды и другие.

Была у нас знакомая женщина из села Голубече, которую звали Матрона. Папа ещё до войны делал ей кадушки для солений, иногда ремонтировал старые бочонки. У нас с ней установились исключительно дружеские отношения. Помню, как моя мама часто беседовала с ней, они делились друг с другом новостями. Иногда она ела у нас.

Когда мы очутились в тяжёлом положении, она не оставила нас. В течение многих месяцев Матрона проникала в гетто и приносила нам продукты – молоко, творог, картофель, немного муки, фасоль и другие. Особенно важны были эти продукты, когда мы болели тифом. Можно сказать, что Матрона была нашим ангелом-хранителем, и я не знаю, как мы выжили бы без её помощи.

Прошло много лет. Я работал врачом в Крыжопольской районной больнице. Во время приёма в поликлинике ко мне в кабинет вошла очень старая крестьянка. Я задал ей обычный вопрос: «На что вы жалуетесь?» Она посмотрела на меня, улыбнулась и спросила: «Лёва, неужели ты не узнаёшь меня? Я – Матрона, которая приходила к вам в гетто и приносила вам продукты!» Медсёстры и больные были немало удивлены, видя, как врач со слезами благодарности на глазах целует руки старой женщины. Думаю, излишне говорить, как я опекал её. Я лечил её, оказывал ей внимание и оплакивал её кончину, как очень дорогого человека. Она была настоящей праведницей мира, и я навсегда сохранил светлую память о ней.

В гетто жизнь продолжалась, но над нами по-прежнему висел Дамоклов меч «экзекуции». Мы до сих пор остались живы, потому что власти нуждались в нас. Основной

контингент населения гетто составляли ремесленники – сапожники, портные, жестянщики, бондари, столяры. Это были сугубо «еврейские» специальности и, в случае нашей ликвидации, возникли бы большие трудности. Иными словами, мы были востребованы и в нас нуждались.

Но была и другая причина, возможно более основательная. Мы заметили, что огромный механизм уничтожения начал давать сбои, что-то нарушило прославленный «орднунг». Гитлер оказался лжецом. «Блицкриг» провалился, война затянулась на годы. Немецкая армия несла колоссальные потери, счёт убитых шёл не на тысячи, а на сотни тысяч и миллионы. Война в виде «приятной прогулки», которую обещал фюрер, не получилась. Союзники бомбили германские города, были огромные жертвы среди мирного населения, хотя Геринг (ближайший сподвижник Гитлера и командующий военно-воздушными силами) поклялся, что ни один вражеский самолёт не будет летать в воздушном пространстве Германии.

Эйфория, охватившая немецкий народ перед войной, сменилась горьким похмельем. Приближался час расплаты за все злодеяния.

При таком положении нацистской Германии было бы логичным предположить, что политика геноцида еврейского народа будет остановлена. Но лагеря смерти продолжали принимать новые жертвы, конвейер уничтожения работал в том же темпе, что и в начале войны. Смертельная опасность, которая угрожала нам, не миновала.

Чем же это объяснить? Считалось, что антисемитизм используется для достижения политических целей недобросовестных политиков. Если своему потенциальному избирателю сказать, что ему плохо, потому что он бездельник, пьяница и вор, и что главным условием улучшения его материального положения является интенсивный труд,

– вряд ли этот политик добьётся успеха. Совсем другой результат, если провозгласить, что источник всех бед – евреи. Этот метод испытан в течение тысячелетий и постоянно давал желаемый результат. Евреи во все времена использовались как «козлы отпущения», недовольство и гнев народа всегда можно перевести на них. Иными словами, антисемитизм был не целью, а СРЕДСТВОМ.

В политике нацистской Германии прослеживается обратная связь. Власть нужна была наци, чтобы уничтожить евреев, то есть антисемитизм был не средством, а – ЦЕЛЬЮ. Каковы истоки этой политики?

Гитлер не верил в Бога, но он был фаталистом, верил в предопределённость судьбы человека. Он считал, что расположение звёзд влияет на исход событий, у него был персональный астролог.

Он знал историю еврейского народа, судьба которого вызывала у него мистический страх, так как не укладывалась ни в какие логические рамки.

Вот что писал Лев Толстой в статье «Кто такие евреи?»: «Посмотрите, что за странное существо еврей, которого угнетали и преследовали, который был жертвой мучений и насилий, резни и погромов, которого жгли и вешали все народы и их руководители, вместе и по отдельности. И, тем не менее, он жив до сих пор...

...Еврей – это носитель священной функции, спустивший с небес вечный огонь и осветивший им весь мир».

Марк Твен писал в статье «Еврейскими глазами»: «Если статистика точна, в человеческой расе насчитывается только 0,1% евреев. Количество евреев можно сравнить с частичкой звёздной пыли на песчаной тропинке. Соответственно этому, нормальным было бы, если бы мы вообще не слышали о евреях, но мы слышим о нём и всегда слышали... Он выделяется на Земле более, чем кто-либо, и

его экономическая и культурная роль непропорционально высока по сравнению с его численностью. Так же непропорционально велик его вклад в список людей, выдающихся своими достижениями в спорте, науке, искусстве, музыке, экономике, медицине и просвещении.

...Еврейский народ вёл в этом мире граничащую с чудом борьбу, вёл её со связанными за спиной руками...

...Египтяне, вавилоняне, персы возвысились, наполнили весь мир шумом и звоном – и выдохлись, испарились, исчезли из мира, как сон, которого не было.

...«Всё в мире смертно, кроме еврея».

Гитлер был убеждён, что главным условием для овладения всем миром является победа над врагом, которого в течение тысячелетий никто не мог победить. Этот враг – еврей, который как птица Феникс возрождался из пепла после страшных погромов.

Решение «еврейского вопроса», то есть полное уничтожение еврейского народа, стало навязчивой идеей (идея фикс) Гитлера. Он считал, что история возложила на него великую миссию, которую до него не мог решить никто. Таким образом, перед нами классический образец паранойи – психического расстройства, в основе которой лежит подозрительность и система сверхценных идей. Этим личностям удаётся придать видимость реальности своему бредовому мышлению.

Еврейство – с его моралью, Богом и традициями стало главным врагом Гитлера, поэтому беспощадно и безжалостно преследовалось. Отсюда понятно, почему до последнего момента «окончательное решение» еврейского вопроса было основной задачей рейха.

Для решения этой задачи оголялись фронты, чтобы обеспечить охрану жертв на пути в крематорий. Несмотря на острый дефицит транспортных средств в армии, у

военных забирали паровозы и вагоны для транспортировки обречённых в концлагеря.

...Жизнь в гетто по-прежнему была насыщена драматическими событиями. Продолжались побои, насилия, издевательства со стороны оккупантов и их пособников – местных полицаев.

Редко проходила ночь без насилия и грабежа. В тяжёлом положении находились руководители еврейской общины. От них требовали, чтобы они ежедневно посылали на тяжёлые каторжные работы евреев, которые подвергались избиениям и издевательствам. Нередко требовали предоставить румынским офицерам молодых женщин и девушек для любовных утех.

По-прежнему не было надежды на спасение. Мы знали, что при отступлении немцы применяют политику «выжженной земли», то есть уничтожают всё живое. Само собой разумеется, что евреи были обречены на гибель в первую очередь.

И всё же, несмотря на нечеловеческие условия, жизнь продолжалась. Люди жили маленькими человеческими радостями – любили, влюблялись, ревновали, мечтали, устраивали встречи, свидания. Нет, не одичали, не озверели евреи в невыносимой тесноте гетто, как того ожидали наши мучители, они сохранили человеческий облик и моральные ценности! Трудно поверить, но иногда даже устраивались свадьбы с традиционными еврейскими свадебными обрядами, то есть с хупой.

Мне особенно запомнилась одна свадьба. Я впервые в жизни видел еврейскую свадьбу с хупой. Она происходила весной на открытом воздухе. Четверо пожилых мужчин на длинных шестах держали большое полотнище, образуя нечто в виде шатра, под которым находились жених и невеста. Жениха (его звали Акива Грубер) я знал хорошо,

моя мама часто встречалась с его матерью Итой, можно даже сказать, что они были подругами. Акива был рослый, красивый парень с мужественными чертами лица. Это был человек необыкновенной судьбы. Он активно участвовал в подпольной организации, связанной с партизанским движением. На её счету было несколько диверсий, одна из них - крушение немецкого эшелона с военной техникой.

Акиву трижды арестовывали румынские жандармы, и трижды он устраивал побег. Его вели на расстрел, и он в последнее мгновение сумел скрыться. О подпольной партизанской организации, которая была создана в конце 1943 года в Крыжополе, и о нашей причастности к ней, было кратко рассказано в начале моего повествования.

Невеста – Шуламит – стройная, с большими чёрными глазами, с нежными чертами лица, - типичная еврейская красавица, как будто сошедшая со страниц «Песни песней» (4:1-3):

«Как ты прекрасна, подруга моя, как ты прекрасна! Голуби – очи твои из-под фаты твоей! Волосы твои как стадо коз, что сбегает с гор Гильада. Зубы твои, как стадо стриженных овец, что вышли из купальни, все они без порока, и бесплодной нет среди них. Как алая нить губы твои, и уста твои милы, как дольки граната виски твои.»

Кстати, героиню «Песни песней» тоже звали Шуламит. Невеста Шуламит была еврейка из Румынии. Ей удалось чудом выйти из колонны, которую гнали на смерть. Она осела в Крыжополе, её все очень любили за кроткий нрав. С Шуламит подружилась моя сестра Зина (она её звала Шуламис – на идишский лад).

И вот стоит эта прекрасная пара под шатром, и жених одевает невесте кольцо со словами: «Вот, ты посвящаешь мне в жёны по Закону Моше и Израиля!»

Функцию раввина исполнял отчим Акивы. Он жил много лет в Крыжополе и был шойхетом. Звали его Барух.

У него была большая белая борода. Мама посылала меня к нему резать курицу и определять, кошерная ли она. Барух прекрасно знал Тору и еврейские традиции. Я нередко видел его склонившимся над колодцем и произносящим молитвы.

И вот Барух благословляет жениха и невесту, как это было тысячи лет назад:

«Благословен Ты, Господь Бог наш, Владыка вселенной, сотворивший веселье и радость, жениха и невесту, одаривший нас ликованием и способностью петь, торжеством и блаженством, любовью и братством, миром и дружбой! Господь Бог наш! Да зазвучат вскоре в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты...»

И жених, как это было тысячи лет назад, разбивает бокал в знак траура по поводу разрушения Храма, показывая этим, что не может быть радость полной из-за этого. И все гости кричат: «Мазаль тов!» И желают новобрачным долгих лет счастливой жизни. На мгновение забывается, что мы по-прежнему в руках извергов, и завтра все - жених и невеста, гости, раввин могут оказаться в расстрельном рве, все в общей могиле.

А пока жених нежно целует любимую невесту, их прекрасные сияющие лица символизируют вечность еврейского народа. И в душе крепнет уверенность: «Нет, не удастся бесноватому фюреру погубить народ Бога, народ Книги, народ Закона и вечной морали».

Акива и Шуламит жили в счастливом браке до глубокой старости. У них родилось три сына. С 1970 года они жили в Израиле и продолжали традиции еврейского народа.

В гетто проживал румынский еврей по имени Йосиф. Ему удалось спастись от репрессий и поселиться в Крыжополе. Судя по его изысканной одежде, он был, очевидно, богат. Это был крупный мужчина, высокий, с

красивым, всегда чисто выбритым лицом. Он проявил недюжинные организаторские способности и вскоре стал одним из руководителей еврейской общины.

Однажды Йосиф обратился ко мне с необычной просьбой. У него изнасилась обувь – он носил 46 размер. Сапожник, к которому он обратился, отказался принять заказ на пошив обуви, мотивируя свой отказ тем, что у него нет колодок такого крупного размера. Тогда его направили ко мне.

Я часто делал всякие уникальные работы, связанные с деревом – деревянную обувь (сабо), которая пользовалась большим спросом, сундучки, ящички, чемоданы и другие. Конечно, изготовление сапожных колодок – это очень сложная и трудоёмкая работа. Тем не менее, я согласился и принял заказ. Йосиф попросил меня выполнить работу поскорее, так как его старая обувь совсем пришла в негодность. Кроме того, была ещё одна причина, более веская – он решил жениться. Его избранницей была молодая женщина по имени Таня, коренная жительница Крыжополя. Таня была замужем, её мужа в начале войны мобилизовали в действующую армию. В гетто она жила с сестрой Хаюсей и матерью.

Таня была очень красива, можно сказать - ослепительно красива. Всё в ней было гармонично – правильные черты лица, очень красивые глаза, стройная фигура, пышные волосы. Невозможно было пройти мимо неё, не обратив на неё внимание.

Вначале Таня категорически отвергала ухаживания Йосифа, но тот проявил невероятное упорство и, в конечном итоге, добился своего - Таня согласилась стать его женой. В общем, с точки зрения принятой морали Таня допустила преступную слабость, оставив своего мужа в то тяжёлое время, когда он воевал на фронте против фашистов и участвовал в кровопролитных боях.

Говорят, что человек имеет право выбора. И это неоспоримая истина. В Торе написано, что человек создан по образу и подобию Бога. Это не значит, что есть общие морфологические черты, а указывает на духовную общность. Именно свобода выбора делает человека подобным Богу. Но есть ещё свобода оценивать этот выбор – насколько он соответствует нормам морали. Вот эта свобода должна быть ограничена, человек не вправе давать оценку без учёта всех обстоятельств.

Право на осуждение поступка Тани может быть дано только тому, кто пережил ужасы Крыжопольского гетто, только той молодой красивой женщине, которая вынуждена скрывать свою красоту, и с этой целью одевается в лохмотья, пачкает грязью своё лицо, надвигает на лоб старый рваный платок. А она, эта проклятая красота, так и выпирает, и невозможно скрыть прекрасные чёрные глаза, и нежный овал лица, и стройную фигуру.

И вот эта женщина с тревогой и страхом ловит похотливые взгляды на себя со стороны полицаев и их многозначительные ухмылки. И каждая ночь проходит в тревожном сне, и каждый шорох вызывает ужас, при котором тело покрывается холодным липким потом, а сердце гулко стучит и, кажется, готово вырваться из груди. И некому её защитить. Вот этим дано право осудить или оправдать поступок Тани. Её и не осуждали в гетто, только родители её мужа (уже бывшего) горько плакали и молились, чтобы их сын вернулся живым с этой проклятой войны, которая разлучает любимых и ставит их в положение, при котором приходится делать столь страшный выбор. Эта история имела счастливый конец. Муж Тани вернулся с фронта, целый и невредимый. Он простил Таню (вопреки протестам его родителей), и они жили в мире и согласии.

В гетто мы были лишены какой-либо информации о положении на фронте. Радио не было, газеты евреям запрещалось читать. Иногда я находил обрывки газет. В них было множество антисемитских статей, в которых писалось, что евреи отсиживаются в тылу в то время, как другие проливают кровь на фронте. В отношении положения на фронте ничего, кроме грубого и примитивного вранья, я не находил.

И всё-таки к нам доходили какими-то неизведанными путями сообщения о положении на фронте. Мы ликовали, узнав о страшном поражении немцев под Сталинградом. Естественно, это ликование приходилось тщательно скрывать. Мой друг Гриша Бродский не мог скрыть своей радости, и был жестоко избит немцем, у которого на рукаве была траурная повязка по поводу огромных потерь немцев под Сталинградом. Он избивал его и вопил: «Наши солдаты погибают на фронте, а ты, «ферфлюхтер швайн», радуешься?!»

У нас был ещё один «индикатор» положения на фронте, - отношение к нам со стороны оккупантов. Если полицейский вдруг останавливал еврея и вступал с ним в беседу, и при этом не оскорблял его, - ясно, что дела у немцев на фронте идут из рук вон плохо. И наоборот, жестокое отношение к нам свидетельствовало об успехах немцев на фронте.

Впрочем, за годы проживания в гетто у нас выработался определённый стиль поведения. Мы знали, кого надо избегать – эсэсовцев, власовцев, большинства полицейских. Не представляют большой опасности пожилые немцы и румыны. Очень важно было не обращать на себя внимание. Если немец вдруг тебя окликнул – твои дела плохи, у тебя появилось какое-то несоответствие общим стандартам. Ничем хорошим это не могло закончиться. В лучшем случае ты получал пощёчину, а в худшем - это заканчивалось арестом и пытками.

Я вспоминаю, как порой бесшабашно и рискованно вели себя мы - подростки. Нас часто отправляли работать в так называемом 13-м складе. Это был интендантский склад, где хранились обмундирование, обувь, предметы бытового назначения и другие. У меня была большая проблема с обувью. Единственные мои ботинки совсем прохудились, приходилось подошву подвязывать шпагатом или проволокой. Особенно трудно было в ненастную погоду, когда земля превращалась в вязкое болото. Обувь застревала, и с трудом приходилось вытаскивать её. Ноги становились мокрыми и грязными.

Однажды во время работы в 13 складе я пошёл на отчаянный шаг. Я взял новые немецкие ботинки, вымазал их грязью и одел их вместо моих рваных ботинок. Эта авантюра прошла безнаказанно, но нетрудно догадаться, что ждало бы меня в случае разоблачения.

Но следующая авантюра прошла не так гладко. Во время погрузки разломался ящик, и из него высыпалось содержимое – это были стеариновые свечи в виде плашек. Я уже говорил о совершенно иной шкале ценностей, которая сложилась в гетто. Эти свечи для нас представляли огромную ценность, большую, чем золото и хрусталь. Вечерами мы сидели в темноте, ночью мы передвигались наощупь, и плашки могли в значительной степени облегчить нам жизнь. Поэтому мы тайком набрали полные карманы этих свечей.

В это время в помещение склада вошёл эсэсовец. Внешний вид его вызывал страх. Он был в чёрном мундире, на чёрной фуражке - кокарда в виде черепа с перекрещивающимися костями. Взгляд немца выражал невероятную ярость. Он подошёл к первому из нашей группы (это был Шлёма Горешник - мой одноклассник) и приказал ему вывернуть карманы. Оттуда посыпались злополучные плашки. Эсэсовец вытащил из кобуры

пистолет и навёл его на Шлёму.

Но тут вмешался работник склада – пожилой немец. Не знаю, что он ему сказал, возможно, что необходимы люди для работы. Во всяком случае, эсэсовец спрятал пистолет в кобуру, и затем стал зверски избивать Шлёму. Мы стояли, оцепенев от страха. После избиения Шлёмы началось методическое избиение остальных. Я стоял последним в этой «очереди» и лихорадочно думал, как избавиться от плошек. Сзади меня стояла железная бочка с бензином. Стоя задом к бочке, я вывинтил крышку бочки и бросил все плошки в неё. Когда подошла моя «очередь», мои карманы были пусты, и я отделался парой пощёчин. Нетрудно представить, какова была моя судьба, если бы стало известно, куда я бросил плошки.

Между тем, судя по всему, немцы на фронте терпели поражение за поражением, и мы со страхом и надеждой ждали приближения военных действий к району нашего проживания. Со страхом, ибо мы знали, что при отступлении немцев войска, находящиеся в арьергарде, будут уничтожать всё живое и сжигать все дома.

Для того, чтобы обезопасить себя, было принято решение построить убежище, или, как его называли на местном диалекте – «секрет». Во дворе дома дяди Янкла, в котором мы жили, был большой погреб, где хранились бочки. В этом погребе мы вырыли большой котлован. Образовались два яруса - из них нижний, собственно, и являлся убежищем. Там была поставлена бочка с питьевой водой.

10 марта 1944 года, в результате мощного удара Красной Армии в направлении Умани, немецкие войска были разбиты, и возникла угроза окружения всей группировки, находящейся на территории, в которую также входил Крыжополь. Началось паническое отступление немцев и их союзников.

Всё время лили дожди, земля превратилась в сплошное

болото. Около машин толпились немецкие солдаты, отталкивая друг друга, пытаясь первыми влезть в кузов. Один солдат ухватился за борт кузова на ходу машины. Находящиеся в кузове немцы стали бить его по костяшкам пальцев, пока он не разжал их и свалился прямо в лужу. Затем этот немецкий солдат с трудом встал и кулаком погрозил вслед удаляющейся машине. Лицо его выражало страшное отчаяние.

Вот такая была взаимовыручка и солидарность у «высшей расы», немецких солдат, во время тяжёлых испытаний. Да, легкой прогулки в войне с Советским Союзом, которую обещал фюрер, не получилось. Какой контраст был между бравым видом и поведением немецкого солдата в начале войны, и сейчас, на исходе войны!

Мы всё же не были уверены в том, что основные части немецких войск отступили, и поэтому спрятались в нашем, приготовленном заранее, убежище. Там мы находились почти сутки, чутко прислушиваясь к тому, что делается снаружи. Ночью слышны были отдельные взрывы, одиночные выстрелы, а затем наступила полная тишина. Утром, после бессонной и тревожной ночи, мы осторожно выглянули наружу. Дождь, который лил, не переставая, несколько суток, прекратился. Было пасмурно, на небе плыли тяжёлые тучи. Особенно нас поразила полная, непривычная тишина.

Я со своим двоюродным братом Фимой пошли в город выяснить ситуацию. Улицы были совершенно пустынные, не было видно ни души. Мы прошли дальше к центру. Магазин, который находился там, был полностью разграблен. Только на полу валялись бумажные пакеты с каким-то порошком.

Я по привычке, выработанной во время пребывания в гетто, что всё сгодится, набил карманы этими пакетами.

Оказывается, это была водорастворимая краска отличного качества. Я использовал эту краску, когда рисовал плакаты, географические карты для школы, оформлял стенгазеты и таким образом зарабатывал деньги на первых порах после освобождения.

Постепенно на улицах местечка появлялись люди, они не обращали на нас никакого внимания. Все они устремлялись к 13 складу. Мы тоже прошли в том же направлении и спустя четверть часа достигли его. Там, в этом складе, на земле валялось масса очень нужных вещей - шинели, телогрейки, гетры и другое добро. Жители местечка набирали полные охапки этих вещей. Я с Фимой тоже взяли по шинели. В последующем из этой шинели мне пошили пальто, которое я носил до окончания института.

Вспоминая события тех дней, я поражаюсь той отчаянной храбрости и отваге, которые мы проявляли в то тревожное время. Видимо, годы жизни в гетто наложили отпечаток на наш характер, и в борьбе за выживание выработался определённый стиль поведения.

14 и 15 марта 1944 года в местечке не стало ни немцев, ни румын, ни полицаев. Улицы были пустынные, можно было встретить только одиноких прохожих. На железной дороге была полная тишина – не проезжал ни один состав. Нам потом рассказывали, что немецкие боевые части, которые отступали, были предупреждены, - последний воинский железнодорожный эшелон проезжает через станцию Крыжополь 13 марта. Если военные не эвакуируются этим эшеленом, они попадут в плен к советским войскам. Таким образом, мы спаслись от неминуемой гибели.

Ночь на 16 марта не забудется никогда. Мы решили не спускаться в убежище и остались в доме. Как обычно, мы внимательно прислушивались к звукам, доносящимся с

улицы. Под утро раздался стук в дверь. Мы замерли в тревожном ожидании. И вдруг услышали громкий голос, такой родной и желанный, голос, который мы ждали все долгие три года оккупации: «Товарищи, откройте! Мы советские солдаты!»

Дверь немедленно была открыта, и вошли два советских бойца, молодые парни, румяные, красивые. Одеты были они в овчинные полушубки, на груди висели автоматы с круглыми дисками. Эти автоматы мы видели впервые в жизни, и вызвали у нас, у мальчишек, острое любопытство. Меня смутило то, что на плечах у солдат были погоны. Перед войной их носили только белогвардейцы. Солдат объяснил мне, что сейчас бойцы Красной Армии носят погоны, и я успокоился.

Мы подробно объяснили бойцам обо всех событиях последних дней и всё, что было нам известно об обстановке в нашем районе. Солдаты нас поблагодарили и собрались уходить, несмотря на наши просьбы остаться и хотя бы выпить чаю. Их обнимали, целовали, благодарили. Наконец они ушли. Было раннее утро 16 марта 1944 года. Эту дату я считаю вторым днём моего рождения.

Я вышел на улицу. Небо прояснилось, и блеснули первые лучи солнца, земля немного подсохла. В воздухе чувствовалось дыхание весны. Казалось - природа радуется вместе с нами. Пришла долгожданная свобода, пришло спасение от, казалось, неминуемой, смерти. Мы, небольшая горстка евреев, уцелели в этом аду. Но острая душевная боль не давала нам покоя. Мы живы, а тысячи и тысячи наших братьев и сестёр покоятся в безымянных могилах.

«...б миллионов мужчин и женщин, девочек и мальчиков, юношей и девушек, стариков и младенцев, убитых и уничтоженных с ужасной жестокостью, павших от массовых убийств, там, где жили они – в городах, местечках и сёлах, и

оставшиеся были угнаны, как овцы на убой, в концентрационные лагеря...

Бог мести, Судья Земли, вспомни реки крови, лившейся как вода, кровь отцов и сыновей, матерей и младенцев, учителей и учеников их, и воздай всемеро притеснителям народа Твоего».

Молитва «В память о погибших в Катастрофе европейского еврейства».

Мы, выжившие узники концлагерей и гетто, - последние живые свидетели злодеяний нацизма и жестокого террора против еврейского народа.

Мёртвые безмолвствуют в могилах. Мы, уцелевшие, должны быть их устами, день и ночь призывать наш народ к бдительности, чтобы эта страшная трагедия не повторилась. И мы должны их помнить. Пока в наших сердцах сохраняется память о них, - они живы. Эту память мы должны передавать нашим детям и внукам, ибо наше поколение уходит, и не останется никого, кто мог бы сказать: «Мы это слышали из уст очевидцев».

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения. Но мы должны, мы просто обязаны оглянуться назад, чтобы понять, как могла произойти такая страшная трагедия, и можно ли было её предотвратить.

Гитлер задумал совершить сатанинскую революцию – избавить мир от народа Библии и Израиля. Но на раннем этапе он не смог этого сделать. Начиная с 1938 года и до 1 октября 1941 года на евреев производился нажим со стороны «гестапо», чтобы принудить их к эмиграции. Желание фюрера на данном этапе было сделать Германию «юденрайн», чистой от евреев. Большинство евреев Германии, Венгрии, Польши и других стран Европы было готово эмигрировать. Но именно в это время все - без исключения! – государства закрыли свои границы! Гитлер понял – ему дан зелёный свет для осуществления его сатанинских замыслов. Его мечта превращалась в явь. Начались жестокие репрессии против евреев.

Великие державы и малые страны равнодушно отвернулись от страдания преследуемых евреев, поощряя этим злодеяния Гитлера и его приспешников. Помню душераздирающий эпизод из кинофильма - власти Швейцарии депортируют еврейскую семью в фашистскую Германию, где их ждёт неминуемая гибель. Всё это безнравственно и аморально.

Однако мне хотелось бы посмотреть на эту проблему под другим углом. Милосердие – категория морально-этическая, а не юридическая. Европейские страны могли, но не были обязаны принять гонимых евреев. Давая приют этим евреям, они создавали своим гражданам определённый дискомфорт. Кроме того, не хотелось раздражать могущественного соседа (как будто можно умиловать хищника и умиротворить его).

Если к тому же учесть, что любовь к евреям – не самая сильная сторона европейских народов, становится ясной их политика в отношении преследуемых евреев. В политике, как и в повседневной жизни, целесообразность и прагматичность являются приоритетными и если они приходят в противоречие с морально-нравственными факторами, предпочтение предоставляется первым.

В политике нет симпатий или антипатий, а есть государственный интерес, который требует порой жёстких и жестоких решений по отношению к другим народам.

Отсюда можно сделать однозначный вывод: горе тому народу, у которого нет своего государства, своей Родины! Нарушим общепринятое правило о недопустимости сослагательного наклонения, и зададим вопрос: «Если бы в то страшное время существовало Государство Израиль - произошла бы Катастрофа?»

Ответ однозначный и, как мне кажется, неоспоримый – нет!

А ведь еврейское государство в прошлом могло быть

создано! Я имею в виду так называемую «Декларацию Бальфура».

Лорд Артур Бальфур – английский подданный (не еврей!!!) - был большой поклонник сионизма, и даже себя считал сионистом. Он восхищался большой жизненной силой и волей еврейского народа, сумевшего в тяжёлых условиях изгнания не только выжить, но и занять достойное место в истории.

Лорд Бальфур высоко ценил огромный вклад еврейского народа в мировую культуру, искусство и науку. В 1906 году он встретился с Хаимом Вейцманом, который произвел на него большое впечатление. Бальфур занимал в правительстве английской империи важные посты – премьер-министра, министра иностранных дел, представителя Англии в Лиге наций.

Вот краткий отрывок из «Декларации Бальфура», которая была издана 2 ноября 1917 года:

«Правительство Его Величества благосклонно относится к созданию в Палестине Национального Дома для еврейского народа и будет использовать наилучшие намерения для облегчения достижения этой цели при обязательном условии, что ничего не будет предпринято, что могло бы нарушить гражданские и политические права в существующих в Палестине нееврейских общинах или права и политический статус евреев в другой стране...»

Таким образом, возник уникальный исторический шанс для создания еврейского государства. Однако евреи не спешили воспользоваться этим шансом и эмигрировать в Палестину.

В то время во всём мире насчитывалось 13 миллионов евреев, из них 8 миллионов жили в Восточной Европе, главным образом в России. Они подвергались дискриминации и унижениям, жили в ужасающей нищете. Часть евреев эмигрировали в Соединённые Штаты Америки,

многие погибли от погромов петлюровцев и войск Деникина. Оставшаяся часть евреев с большим воодушевлением встретили Октябрьскую большевистскую революцию. Большевики провозгласили равные права всех народов, и евреи поверили им. Они активно включились в политическую жизнь страны.

Эмигрировать в Палестину основная масса евреев отказывалась. Сионистские организации в России были разгромлены, и лишь незначительной части удалось с большим трудом добраться до Палестины.

В Германии (после Версальского договора) евреи пользовались всеми правами. Они способствовали экономическому расцвету страны (в тот период в Германии было 11 лауреатов Нобелевской премии еврейского происхождения). Евреи считали себя немцами, немецкими гражданами Германии, и были далеки от еврейства. Об эмиграции в далёкую и бедную Землю Палестины они и слушать не хотели. Такое же положение было и в других странах Европы и в странах Северной и Латинской Америки.

Отчаянные призывы руководителей Сионистского движения принять участие в создании еврейского государства не нашли отклика в сердцах галутных евреев мира. Хаим Вейцман написал к евреям воззвание, полное горечи - «Народ Израиля, где ты?»

Спустя некоторое время английское правительство, утвердив «Декларацию Бальфура» в целом, прибавило к ней часть ограничительного характера, которая свела на нет основной первоначальный смысл «Декларации». Интересно, что эта вторая часть была присоединена по требованию английских евреев(!), которые были против создания национального Дома в Палестине. Вот такой «еврейский мазохизм». Уникальный исторический шанс создания Государства Израиль был упущен.

...Согласно Торе, 3500 лет тому назад Бог вывел евреев

из Египта, из страны, где они были рабами. Он вёл их в Землю Обетованную, в землю, «текущую молоком и мёдом». Когда народ прошёл «ту пустыню великую и страшную, где змеи и скорпионы, где жажда и нет воды» (Дварим, 8:15) и достиг границ Земли Обетованной, было решено послать разведчиков, чтобы выяснить, пригодна ли она для проживания. Через 40 дней разведчики возвратились и принесли богатые плоды. Гроздь винограда пришлось нести вдвоём на шесте, настолько она была тяжёлая. Но разведчики запугали народ рассказами о великанах и о неприступных крепостях. Несмотря на то, что Бог обещал им свою поддержку, они отказались войти в Землю Обетованную.

«Зачем Бог ведёт нас в страну эту, чтобы пали мы от меча? Чтобы жёны наши и дети наши стали добычей? Не лучше ли нам возвратиться в Египет?»

Бемидбар, 14:3-4.

Отказ идти в страну Израиля стал причиной тяжёлого наказания: 40 лет водил Моше народ по пустыне, пока не умерло всё поколение, которое отвергло дар Всевышнего. Новое поколение, которое не знало египетского рабства, вошло в Землю Обетованную.

В Священном Писании говорится: *«Три дара дал Святой Благословенный Израилю, и все три – посредством страданий: Тору, Землю Израиля и Грядущий мир».*

Вавилонский Талмуд, тр. Брахот.

Страшные жертвы Катастрофы не прошли даром. Из их пепла возродилось еврейское государство. Еврейский мир в Восточной Европе был истреблён фашистами, но другой мир евреев возник на другом конце Земли, на нашей исторической Родине. Израиль стал прямым ответом на злодеяния Холокоста.

Мы пришли в эту страну после страшных испытаний и огромных жертв. 6 миллионов заплатили своей жизнью за

право жить в нашей собственной стране, в стране, «текущей молоком и мёдом».

Отныне и на все грядущие поколения наша судьба находится в наших руках, и мы не должны ждать милости от "цивилизованного сообщества", которое печётся исключительно о своих интересах и во имя этих самых интересов готово отдать еврейский народ на заклятие.

"Призываю в свидетели небо и землю: ныне Я предлагаю тебе выбор – жизнь или смерть, благословение или проклятие. Избери же жизнь - для себя и для потомков твоих: люби Господа Бога твоего, следуй повелениям Его и стремись приблизиться к Нему, ибо в этом залог жизни твоей и продолжительности дней твоих, залог пребывания на земле, которую Господь поклялся отдать в наследие праотцам твоим – Аврааму, Ицхаку и Якову».

Дварим, 30:19-20

Мы по-прежнему окружены со всех сторон ненавистью и непониманием. Но мы живём в своей стране, нам есть что защищать, нам есть чем защищать. И в этом наша жизнь, наше призвание и наше будущее.

Холокост никогда не повторится!

В 1993 г. у нас в Раанане гостил мой друг детства Сюля Фаншель со своей родной сестрой Груней и с тётёй Гитей, которая спасла евреев гетто от депортации. На снимке слева – легендарная тётёя Гита.

Гетто в Крыжополе. Его границы: северная – улица Пролетарская (Будгос), западная – улица К. Маркса, южная – улица 8 Марта, восточная – улица Куйбышева. До войны (1939 г.) в Крыжополе проживало 1400 евреев, что составляло 37% от всего населения. Очень немногим евреям удалось эвакуироваться.

Летом 1943 г. в гетто проживало 1200 евреев местных и 74 еврея, депортированных из Румынии. Сопоставив площадь гетто (заштрихована) с общей площадью местечка, можно получить представление об условиях жизни на этом пятачке.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Возмездие. Я поступаю в 7 класс. Голод. Поступление в пищевой техникум. Попытка поступить на 3 курс автомеханического техникума. Продолжение учёбы в школе. Я отказываюсь работать в колхозе. Заканчиваю 10 класс с медалью и поступаю в медицинский институт. Давид Яковлевич сердится.

*Мы будем жить! И мы ещё сумеем,
Талантами сверкая, доказать,
Что наш народ – гонимые евреи-
Имеет право жить и процветать!
Нам кровь и слёзы дали это право,
Благословили жертвы из могил,
Чтоб наш народ для подвигов, для славы,
Для новой жизни сердце возродил!*
М. Рашкован, 1947 г.

Первые дни после нашего освобождения мелькали как в калейдоскопе. Мы с ребятами целый день находились на улице, вступали в беседу с солдатами, интересовались военной техникой. Однажды мне встретился молодой лейтенант, он оказался евреем. Я пригласил его к нам домой. Он охотно принял моё приглашение. Дома все его окружили, наперебой рассказывали о том, что пришлось нам пережить.

Лейтенант сообщил нам, что ему неизвестна судьба его родных и близких, и он опасается за их жизнь. Они проживали в Белоруссии, и, скорее всего, их нет в живых. Я рассказывал ему о том, как издевались над нами полицаи из местных жителей. Он предложил мне пройти к домам, где живут полицаи, и учинить над ними расправу – у нас в то время было полное безвластие. Но к тому времени все

прислужники оккупантов скрылись. Потом, спустя много времени, их будут вылавливать и судить по всей строгости закона. Я предложил лейтенанту пройти со мной к нашему дому, который был захвачен местной семьёй после нашего выселения из него.

Мы прошли к дому, там жила большая семья, дом был невероятно запущен. Я подошёл к хозяину и строго сказал: «В течение 24 часов вы должны очистить дом!» Он засуетился, подобострастно взглянул на нас и с дрожью в голосе сказал: «Мы не виноваты, нам власти предоставили этот дом, он всё равно пустовал. Завтра же дом будет освобождён». Через несколько дней мы вселились в свой семейный очаг, где нам был знаком каждый уголок.

Как уже сказано, у оккупантов было много добровольных помощников из местного населения, которые верой и правдой служили им. Они доставили нам много страданий. Естественно, что после нашего освобождения мы хотели знать, куда они скрылись и были ли они разоблачены.

Один из самых свирепых полицаев был «рябой», которого назвали так из-за того, что лицо его было покрыто оспенными отметинами в результате перенесённой в детстве оспы. Имени его мы так и не узнали. Это был настоящий садист. Он избивал евреев с помощью металлического прута, который всегда носил с собой. Этот «рябой» вместе с другими полицаями зверски избивал меня до полусмерти в жандармерии за то, что я не носил знак с шестиугольной звездой. Он жестоко избил мою маму за то, что она посмела пойти на базар, чтобы выменять на вещи продукты питания.

Спустя две недели после избиения мамы произошло событие, которое евреи гетто сочли чудом. «Рябой» повёл группу евреев на работу. Необходимо было расчистить от обломков здание, которое было почти полностью разрушено во время боёв. Осталась лишь одна стена

высотой в три этажа. Евреи приступили к работе, понукаемые издевательствами и ударами полиция. И в этот момент рухнула стена, погребла под собой «рябого» и буквально раздавила его, как червя. Жена причитала во время его погребения: «Столько жидов было там, а погиб только мой муж!» Многие были уверены, что этого изверга покарал Бог.

Через две недели после нашего освобождения я получил извещение из КГБ, что мне надлежит явиться и дать показания в отношении бывшего полиция Николайчука. Это тот человек, который задержал меня, стрелял при попытке к бегству и жестоко избил меня перед тем, как повёл в жандармерию. Я собирался пойти в КГБ и всё подробно рассказать.

За день до этого к нам домой явилась женщина с крошечным, годовалым ребёнком на руках. Не говоря ни слова, она рухнула передо мной на колени и прерывающимся от рыданий голосом стала умолять меня не давать показаний против её мужа. Это была жена Николайчука. Я с негодованием отверг её просьбу. «За что ваш муж причинил мне столько страданий? Почему он хотел убить меня? Я ведь ни в чём не был виноват. Завтра я расскажу всю правду о нём. Он должен быть наказан!»

Видя моё непреклонное решение, женщина вдруг схватила нож, лежащий на столе, занесла его над ребёнком и закричала: «Он всё равно умрёт! Он болен туберкулёзом. Но я хочу, чтоб он умер дома, а не в тюрьме. Если ты не откажешься свидетельствовать против моего мужа, я на твоих глазах зарежу своего ребёнка».

Она была в состоянии такого иступления, что могла выполнить своё страшное решение.

И тогда к ней бросилась моя мать, обняла её и зарыдала. «Сын мой, прости его, - сказала она сквозь слёзы, - не бери грех на душу свою. Пусть его Бог покарает!» Я посмотрел

на плачущих женщин, в душе моей что-то дрогнуло, и... я дал обещание не говорить ничего плохого о её муже Николайчуке.

На следующий день я пошёл к начальнику КГБ и сказал, что меня избивали несколько полицаев и один румынский жандарм. Участвовал ли в избиении Николайчук, я не помню. Начальник взглянул на меня с недоверием, на лице его появилось полупрезрительное выражение, и после того, как он записал что-то в журнале, сухо сказал: «Можешь идти!» Я вышел из кабинета обескураженный и уязвлённый его отношением ко мне.

Много лет спустя я оформлял документы на получение компенсации из Германии. При прохождении проверки на достоверность данных я поинтересовался – каким образом можно доказать, что они в действительности имели место. Ведь можно представить данные на основании рассказов очевидцев, и таким образом получить незаконно денежную компенсацию.

Женщина, проводящая проверку, рассказала мне, что они располагают довольно точной информацией о том, кто действительно находился на оккупированной территории. При освобождении населённых пунктов Красной Армией органы госбезопасности составляли подробные списки всех граждан, которые находились в то время на данной территории. При этом еврейское население попадало под особое подозрение. КГБ в чудеса не верил. Еврейское население было обречено на уничтожение. Следовательно, еврей, который остался жив, наверняка сотрудничал с оккупантами, возможно, даже остался в качестве агента на освобождённой территории. Вот такая, с позволения сказать, логика.

После этого я начал понимать то, чему не мог дать объяснение после нашего освобождения. Оказывается, мы были у КГБ «под колпаком». Нам не давали паспорт, а

лишь временное удостоверение, которое нужно было менять ежегодно. В случае поездки в другой город необходимо было получить пропуск в милиции. При этом заставляли заполнить анкету с множеством вопросов. Нашло также своё объяснение полупрезрительное выражение лица начальника КГБ, когда я отказался свидетельствовать против Николайчука.

Все списки оставшихся в живых евреев на оккупированной территории были переданы Федеративной Республике Германии Советским Союзом после установления дипломатических отношений между этими двумя странами.

Через месяц после нашего освобождения мне стало известно, что арестована и находится в тюрьме Крыжопольского отделения милиции Клавдия Викторовна – моя бывшая учительница, которая так грубо и несправедливо оскорбила меня во время оккупации, назвав «паршивым жидом». Горечь и обида от этого оскорбления ещё были свежи в моей памяти.

Я узнал, в какой камере находится она, выяснил, где находится окно этой камеры, закрытое решёткой. Чтобы достать до решётки, я поставил внизу большой камень. Каждое утро я приходил туда, становился на этот камень, подтягивался к окну, держась за решётку. При этом я обращался к ней с одним единственным приветствием: «Доброе утро, Клавдия Викторовна!» Это были те слова, которые я произнёс в тот злополучный день и которые вызвали у моей бывшей учительницы такую яростную и злую реакцию. Думаю, что этот день она помнила. Конечно, эта моя месть отдавала ребячеством. Прошло много лет. Клавдию Викторовну освободили из заключения по состоянию здоровья (она была осуждена за сотрудничество с оккупантами). Я в то время работал районным терапевтом. Клавдия Викторовна тяжело болела, и ко мне

обратились её знакомые с просьбой проконсультировать её. И здесь я совершил единственный в моей врачебной практике поступок, который я не совершал ни до, ни после этого. Я отказался её обследовать, и направил с этой целью моего ординатора.

Вот такой парадокс – я простил Николайчука, который причинил мне тяжёлые физические страдания, и не мог простить мою бывшую учительницу, которая оскорбила меня. Таковы сила и воздействие слова. В иудаизме оскорбление человека приравнивается к кровопролитию, и оскорбившего Бог не прощает, пока не будет прощение оскорблённого.

С этим периодом совпал ещё один эпизод. Я уже рассказывал, как тяжело пострадал мой друг Изя Гурьевский, когда по доносу нашей бывшей учительницы математики Тамары Титовны он был зверски избит и, если бы ему не удалось бежать из заключения, он бы погиб.

Тамара Титовна была замужем за старостой Крыжополя – ярого антисемита. Этот староста, по фамилии Кравец, доставил много страданий еврейскому населению. Ему удалось бежать вместе с оккупантами, а Тамара Титовна осталась в Крыжополе. На её беду Изя узнал об этом. Он выследил её, узнал её образ жизни, маршрут передвижения. Однажды Изя сказал нам: «Сегодня я дам представление, и мне нужны зрители, иначе я не получу полного удовлетворения».

Мы спрятались в безлюдном месте, и стали ждать. И вот показалась наша бывшая учительница. Изя вышел из укрытия, перекрыл ей дорогу и стал жестоко избивать её. Она кричала, взывала о помощи, но никого не было вблизи. Я не мог видеть её страданий и пытался остановить Изю. Я напомнил ему, что перед ним женщина и учительница. Изя не хотел слушать: «Она, прежде всего, враг еврейского народа, и я должен ей отомстить. А из-за

таких хлюпиков, как ты, - страдает наш народ!» Я с грустью подумал, что жестокость порождает жестокость, и если этот страшный процесс не остановить, человечество деградирует. Однако ясно, что неотвратимость и соразмерность наказания являются основой нормального развития любого общества.

...Прошло много лет. Я работал заведующим терапевтического отделения в Крыжополе. Однажды на утренней «пятиминутке» дежурный врач доложил, что ночью поступил больной в очень тяжёлом состоянии. На обходе я, как обычно, начал осмотр вновь поступивших больных. Каково же было моё изумление, когда в этом тяжёлом больном я узнал бывшего полицая Малютяка, который принимал активнейшее участие в моём избиении во время оккупации.

Он очень страдал, смотрел на меня умоляющим взглядом и шептал: «Доктор, помогите мне!» Я смотрел на него без злорадства. Мне вспомнилось то страшное время, его перекошенное от злобы лицо, когда он зверски избивал меня. Мог ли думать он, что тот юноша, извивающийся под ударами дубинки и теряющий сознание от боли, придёт ему на помощь в час беды, и будет лечить его от страшной болезни? Поистине, неисповедимы пути Господа.

Я смотрел на этого страдающего человека, вспоминал тяжёлое время оккупации, и не было в сердце моём гнева и злости. Глубокая грусть охватила меня. Малютяк жил в селе Зеленинка, находящемся в нескольких километрах от Крыжополя. Он был не только палачом, но и жертвой. Прошло всего 10 лет со времени страшного Голодомора. Сотни тысяч крестьян погибали голодной смертью на Украине – в стране плодородного чернозёма, в стране, которая могла бы накормить хлебом полмира.

Голодомор не был результатом засухи или какого-либо другого стихийного бедствия. Это был результат целена-

правленной политики уничтожения «кулаков», по сути дела самой производительной силы сельских тружеников. Сталин ударными темпами загнал крестьянство в колхозы, а тех, которые отказывались, превратил в «лагерную пыль». Колхозникам не выдавались паспорта, оплата их труда была настолько мизерная, что прожить на неё не было никакой возможности. У крестьян отнимали последние запасы зерна. Специальные отряды по продразвёрстке, вооруженные винтовками, заходили в каждый дом крестьянина, искали зерно, перекапывали подполы, забирали все запасы продуктов. Этим отрядам давалось право беспощадно грабить и карать сельское население.

К великому прискорбию следует признать, что в этих отрядах часто участвовали евреи и проявляли в них завидную активность. Видимо, здесь сказывалась тенденция еврейского народа – взбираться на чужие баррикады и сражаться за чуждые им интересы.

Со мной в больнице работал фельдшер, родом из села Терновка, в двух километрах от Крыжополя. Его звали Борейко Владимир. Он рассказывал мне, что в связи с недоимкой к ним зимой в дом ворвался отряд по продразвёрстке, учинил обыск и, так как не нашёл ничего подходящего, забрал у них... валенки и казанок с гречей. Эти валенки были единственные на всю семью (5 человек), а кроме этого казанка с гречей не было других продуктов, и они были обречены на голодную смерть. С дрожью в голосе он рассказывал мне, как мать рыдала и валялась в ногах председателя отряда с мольбой пощадить их, как голосили дети. Ничего не помогло.

Этот рассказ мне поведал Борейко в связи с тем, что у меня лечилась дама, имеющая самое непосредственное отношение к этому событию. Эта особа, еврейка, весьма представительная, занимала в районе высокий пост – она была членом бюро районного комитета партии, предсе-

дателем райпищеторга (должность очень престижная в условиях хронического дефицита продуктов).

Оказывается, именно она была начальником того продотряда, который исполнял эти мерзкие действия. Тогда она была молодая, энергичная, носила кожанку (кожаную куртку) с пристёгнутой к ремню кобурой с револьвером. В местечке проживали ещё несколько евреев, которые активно участвовали в этих грязных акциях продотряда. Их местные евреи недолго любили и называли «мусорами», - крайне обидной кличкой у евреев.

Народные массы свои беды видят не в государственной системе, а в евреях. При этом свои страдания они связывают не с конкретными евреями, а с еврейством вообще.

Мои мучители, и в их числе Малютяк, понимали, что я ни в чём не виноват, но я был для них символом, на котором можно излить свою ярость.

В отношении больного Малютяка я не допускал никакой дискриминации. Он получал полноценное лечение и достойный уход.

В начале августа 1944 года нужно было решить вопрос о дальнейшем продлении учёбы. До войны я закончил 5 классов средней школы. Почти 3 года оккупации привели к тому, что много из учебного материала забылось. И, тем не менее, я обратился к директору школы Маевской Ирине Пименовне с просьбой разрешить мне начать занятия в 7 классе, минуя шестой. Моя просьба была обоснована тем, что 5 класс я закончил с отличием.

Директор школы наотрез отказала мне в моей просьбе, в связи с тем, что это противоречит закону. И, кроме того, в 6 классе начинают изучать предметы, являющиеся основой для дальнейшего продолжения учёбы в 7 классе (например, алгебра, геометрия). Я заявил, что готов сдать экзамены по основным предметам за 6 класс. На этих условиях Ирина Пименовна согласилась, хотя была настроена

весьма скептически в отношении возможности сдать экзамены за столь короткий промежуток времени.

До начала учебного года оставалось всего 3 недели. И всё же она дала мне на это время необходимые учебники – очень дефицитные в тот период. Тетрадей не было, и я использовал газеты – писал между строк. Занимался очень интенсивно, было невероятно трудно, я спал всего несколько часов в сутки. Трудности усугублялись тем, что материальное положение наше оставляло желать лучшего. Далеко не всегда можно было поесть вволю, и часто меня мучило чувство голода. Кроме того, не с кем было проконсультироваться по неясным вопросам. А таких вопросов было немало – сказывался перерыв в учёбе в течение 3 лет. Трёх лет, далеко не лучших в моей жизни, которые вряд ли способствовали улучшению памяти.

И всё-таки буквально за несколько дней до начала занятий я сдал экзамены по основным предметам, письменные и устные, и был зачислен в 7 класс. Учиться мне было не трудно, я жадно впитывал знания. Особенно мне нравились алгебра и геометрия, меня восхищала логика, последовательность мышления, действия с абстрактными числами. В свободное время я любил решать сложные задачи.

У меня установились весьма доверительные и даже дружеские отношения с нашим учителем математики. Давид Яковлевич Гоноровский страстно, буквально фанатично любил свой предмет, и моя любовь к математике способствовала нашему сближению. На контрольных работах он приносил мне задачи повышенной сложности.

Между тем, положение населения, особенно сельского, оставалось тяжёлое. Заново создавались колхозы, которые были экономически абсолютно неэффективны, вопреки трескучей пропаганде. Использовался рабский труд крестьян. Сельское население очень страдало от бремени

тяжёлых налогов. Каждый сельский житель обязан был сдать государству в год определённое количество яиц, шерсти, мяса. Даже фруктовые деревья облагались налогами. Доходило до того, что крестьяне из-за этого уничтожали сады.

Покупательская способность сельского населения значительно уменьшилась. Спрос на бочки резко упал, и наше положение становилось катастрофическим.

Результаты драконовских мер со стороны государства не замедлили сказаться. Наступил голод.

Много пишут сейчас о страшном Голодоморе 30-х годов. Невозможно без содрогания читать о страданиях и гибели миллионов людей, главным образом сельского населения.

Но ведь в первые годы после освобождения (1944-1947) на бывших оккупированных территориях также был тяжёлый голод, унесший жизнь тысяч людей. И, хотя масштабы этого бедствия несоизмеримы с Голодомором 30-х годов, вряд ли это могло служить утешением для пострадавших. Этот голод был, вне всякого сомнения, вызван искусственно. Были обильные урожаи, но всё зерно и другие сельскохозяйственные продукты изымались у крестьян за счёт поставок.

Думаю, что была ещё одна причина этого бедственного положения. Сталин с подозрением относился к тем слоям населения, которые по тем или иным причинам соприкасались с западной цивилизацией. Сразу после освобождения все юноши призывного возраста немедленно призывались в действующую армию, отправлялись на фронт, на передовую без соответствующей подготовки, иногда без оружия. Среди этой категории солдат были огромные потери, мало кому удалось уцелеть в этой бойне. Отношение к военнопленным было, как к врагам народа, и многие уцелевшие после войны попадали в советские

концлагеря и погибали там.

Граждане, находящиеся на оккупированной территории, также относились к категории подозреваемых, и мы это явственно ощущали в последующем.

Я был свидетелем этого страшного голода, от которого мы страдали сразу после освобождения. Возникла парадоксальная ситуация – во время оккупации мы также голодали, но можно было обменять вещи на продукты питания, некоторые сельские жители из соседних деревень приносили нам продукты в обмен на те или иные услуги – ремонт обуви, одежды, бочек и другие.

Голод 40-х годов был всеобъемлющ, голодало и сельское, и городское население. Мы питались в основном «жондрой», нечто вроде затирухи из кукурузной муки. Хлеба почти не было. Когда удавалось достать краюху хлеба, мама разрезала его на тоненькие ломтики, и мы ели его, как редкий деликатес. Никогда не забуду это страшное чувство невероятной слабости, грызущей боли в животе и постоянные мысли о еде. Еда мерещилась в грёзах, ночью снились трапезы, настолько яркие и реальные, что я просыпался с удивлением, оглядываясь вокруг и с горечью и разочарованием убеждаясь, что это всего лишь сон. Пределом мечты нашей было съесть вдоволь хлеба. С тревогой я стал замечать, что на теле появляются голодные отёки в результате белкового голодания.

Чтобы выжить, следовало что-то предпринять. К этому времени (1945 г.) я закончил 7 классов средней школы с отличием, и имел возможность поступить в техникум на первый курс без вступительных экзаменов. Я решил поступить в Одесский пищевой техникум. Согласно объявлению, в этом техникуме студенты обеспечивались общежитием и продуктовыми карточками.

Я подал документы, и 1 сентября 1945 года приступил к учёбе.

Несмотря на то, что война уже закончилась, Одесса была в руинах. На многих стройках работали пленные немцы, и все мы считали это справедливым – агрессор должен отстроить то, что было им варварски разрушено.

Экономическое положение населения города было очень тяжёлое, продукты питания можно было купить только на рынке по астрономическим ценам, совершенно недоступным рядовому потребителю. Уголовная преступность в городе была чрезвычайно высока – грабежи, воровство, изнасилования, убийства стали повседневными явлениями. Ночью было опасно гулять в городе.

Занятия в техникуме сочетались с работой по расчистке завалов разрушенных зданий. Продуктовые карточки нам не давали, несмотря на обещания в объявлении. Лекции и практические занятия в техникуме проводились на очень низком уровне, так как не хватало преподавателей. Учебными пособиями нас не обеспечивали.

Всё это явилось причиной того, что я забрал документы и уехал назад в Крыжополь. Несмотря на то, что занятия продолжались уже целый месяц, меня беспрепятственно приняли в 8 класс. Чтобы заработать деньги на жизнь, я работал вместе с папой, делал небольшие бочки и продавал их на рынке, вернее пытался продавать их, так как спрос и покупательские возможности населения были очень ограничены.

Выручало то, что я неплохо рисовал, и в праздники было много заказов на изготовление плакатов. Из заработанных мною денег мама снимала небольшие суммы, на остальные деньги я покупал себе одежду и обувь. Некоторые учреждения рассчитывались со мной «натурой» - продуктами. В райисполкоме я оформлял стенные газеты, и за это мне выписывали топливо на зиму. Топливо относилось к крайне дефицитному и дорогому товару, мы зимой очень мёрзли. Жизнь по-прежнему была тяжёлой и

голодной. Однако, мы отчаянно боролись за существование и смогли обеспечить минимум средств, чтобы не умереть с голоду.

Восьмой и девятый классы я закончил с отличием и решил опять попытать счастье в приобретении специальности. Меня осенила идея, совершенно фантастическая. Для поступления в институт или на третий курс техникума необходимо было получить среднее образование, то есть закончить 10 классов. Я собрал все свои документы об образовании и поехал в Одессу.

В то время между Крыжополем и Одессой курсировал поезд, который местные жители называли «Пятьсот-весёлый». Это был железнодорожный состав из товарных вагонов под номером 501. Преимущество этого средства передвижения было в том, что для поездки не требовались проездной билет и пропуск. Этот поезд находился на пути в Одессу до полусуток со стоянками на некоторых станциях в течение нескольких часов (пассажирский поезд находился в пути до Одессы не более 7 часов).

Излишне говорить, что поездка в «Пятьсот-весёлом» сопровождалась большими мучениями, вагоны были битком набиты пассажирами, которые сидели на мешках или чемоданах. Воровство в этих вагонах было обычным явлением.

И вот я этим поездом в один прекрасный день добрался до Одессы и обратился в приёмные комиссии нескольких институтов со следующим предложением: поскольку я закончил девятый класс с отличием, я прошу допустить меня к приёмным экзаменам для поступления в институт. При этом я обязуюсь все экзамены сдать на отлично.

Реакция на моё более чем странное предложение была различной. Некоторые смотрели на меня, как на человека с отклонениями в психической сфере, другие просто выгоняли меня, даже не дослушав до конца моё предложение.

Излишне говорить, что моя затея поступить в институт таким образом потерпела полное фиаско.

Но я после этого не утомился и решил таким же способом поступить на третий курс техникума. Как ни странно, здесь моя затея увенчалась успехом. Директор Автомеханического техникума согласился принять меня на третий курс, если я сдам экзамены по основным предметам (алгебра, геометрия, грамматика – всё устно и письменно) за 10 класс. Мои документы были приняты и назначена дата сдачи экзаменов. Очевидно, в этом техникуме был большой недобор студентов, если директор согласился принять меня на этих условиях.

В назначенное время я приехал в Одессу для сдачи приёмных экзаменов в Автомеханический техникум. Согласно расписанию, продолжительность экзаменационной сессии составляла 10 дней. Соответственно этому, на эти дни были взяты следующие пищевые запасы: 10 картофелин среднего размера – по одной картошке в день, небольшой мешочек муки для приготовления затирухи, блюда, не требующего кулинарных изысков и, что очень важно, большого количества времени.

Мои денежные средства составляли 300 рублей, сумму по тем временам более чем скромную. Жил я в квартире моей тёти Чаши, которая находилась в это время в Вапнярке с сёстрами Сурой и Росей. В Одессе тогда была очень высокая преступность, особенно выделялась уголовная банда под названием «Чёрная кошка». На счету у этой банды было множество разбойных убийств и ограблений. Я жил в квартире совершенно один, и по ночам мне порой становилось очень страшно, особенно когда я слышал возню около двери, которую на ночь запираю на все имеющиеся там запоры. Важным обстоятельством было то, что на кухне имелся примус – нагревательный прибор, с помощью которого можно было приготовить горячую

пищу. Квартира находилась недалеко от техникума, что было большим преимуществом, так как давало возможность сэкономить время и деньги на трамвай.

В назначенный час я прибыл в Автомеханический техникум для сдачи письменного экзамена по математике (алгебра и геометрия). Принимал экзамен педагог по фамилии Понедельник. Все задачи я решил за короткое время и получил отличную оценку. Директор поздравил меня и сказал: «Если ты у Понедельника получил отличную оценку, - считай, что ты - на 90% являешься студентом нашего техникума».

Дома решил отпраздновать этот успех «шикарным обедом», то есть приготовить не затируху, а галушки из муки. Я замесил тесто, вскипятил воду, с помощью ложки отщипывал кусочки теста и бросал их в кипящую воду. Одновременно я держал в руке учебник и читал его, готовясь к следующему (устному) экзамену. На каком-то этапе, при попытке бросить в кастрюлю с кипящей водой очередную галушку, я промахнулся, ложкой зацепил за край кастрюли, вследствие чего она опрокинулась, вода залила примус, огонь погас, и из примуса под большим давлением с грозным шипением вырвался парообразный керосин, грозя взорваться в любую секунду.

С большим трудом мне удалось отключить примус и предотвратить взрыв, который мог причинить много бед. Мои злополучные галушки были разбросаны на полу по всей кухне в грязи, в керосине, совершенно непригодные для употребления в пищу. В общем, «банкет» в честь успешной сдачи экзамена явно не удался. Этот эпизод я в последующем вспоминал как забавный случай, но тогда мне было совсем не до смеха. Опечаленный потерей столь желанных галушек, я ограничился тем, что съел одну картофелину, кусочек чёрствого хлеба, запил кружкой холодной воды и лёг спать.

Наступил день сдачи последнего экзамена – письменное сочинение по русскому языку. Экзаменовала меня по этому предмету молодая, миловидная учительница. Имени её я, к сожалению, не знал, между тем она сыграла важную роль в моей дальнейшей судьбе. После того, как я написал сочинение, учительница внимательно прочитала его, отложила в сторону и обратилась ко мне со словами: «Я хочу, чтобы ты внимательно выслушал меня. Зачем ты поступаешь в этот техникум? Здесь учатся двоечники, которые сидели по несколько лет в одном классе, те, которые с трудом закончили 7 классов. Я не вправе говорить тебе это, я ведь работаю здесь, и моя задача – привлечь побольше студентов в наш техникум. Но мне больно видеть, как юноша своими собственными руками разрушает своё будущее. Твоё место не здесь, а в университете. Ты должен возвратиться домой, закончить десятый класс с золотой медалью и поступить в высшее учебное заведение. И пусть тебя не остановят на этом пути никакие трудности. Ты преодолеешь их и найдёшь своё достойное место в жизни».

Я слушал этот страстный монолог учительницы, понурив голову. Она, безусловно, была права, её советы были логичны, и их следовало принять во внимание. Но было жалко затраченных средств и усилий, не было у меня уверенности, что я сумею преодолеть все материальные трудности во время учёбы в 10 классе. Тем не менее, после непродолжительного раздумья, я принял решение продолжить учёбу в школе и получить среднее образование.

Удивительно, но на нашу судьбу иногда влияют неожиданные события и совершенно чужие люди. Трудно отказаться от мысли о том, что Высший разум направляет человека по предназначенному судьбой пути. Воистину – кто желает, того судьба ведёт, а кто не желает, того судьба тащит. Очевидно, счастье состоит в совпадении жизнен-

ного пути человека с его предназначением. И многое в этом зависит от основополагающего права - права выбора.

...1 сентября 1947 года начались занятия в 10 классе Крыжопольской средней школы. Советы учительницы русского языка Одесского техникума возымели своё действие. Попутно я работал с папой, делал бочки и продавал их на рынке. Также подрабатывал рисованием плакатов. Продукты по-прежнему распределялись по карточкам, но мы уже не так голодали. Учёба мне давалась легко, мы с папой работали, и понемногу жизнь налаживалась.

Но произошло событие, которое могло перечеркнуть всю мою жизнь. Сельское хозяйство в стране переживало глубокий кризис. Несмотря на то, что колхозники были лишены паспортов, они прилагали отчаянные усилия, чтобы оставить село. Работа в колхозе оплачивалась настолько скудно, что не было никакой возможности прожить. Село пустело. Для работы на поле привлекалось всё население страны – рабочие, служащие, студенты, солдаты, школьники. Мы, школьники, во время полевых работ не занимались в школе. Работа по уборке урожая производилась вручную, не было никакой механизации. Соответственно, производительность труда была близка к нулю.

Особенно изнурительным и бессмысленным был труд по уборке сахарной свёклы – основной культуры, которая произрастает в Винницкой области. От дождей почва размокала, мы бродили по болоту, вытаскивали с большим трудом свеклу. Свекольная ботва была густая, а комель (плод) густо облеплен землёй. После очистки от земли обнажался плод, иногда тонкий, как мышинный хвостик.

В общем, наша «помощь» труженикам сельского хозяйства была не более чем издевательством над здоровым

смыслом. Мы теряли драгоценное время, нарушался график изучения школьной программы. Кроме того, я ещё должен был работать с папой, чтобы заработать на пропитание. Работа бондаря требовала больших физических усилий. Все эти обстоятельства привели к тому, что я демонстративно отказался работать в колхозе. Откровенно говоря, я не совсем ясно представлял все последствия этого шага. Если бы я знал, чем чревато моё поведение, вряд ли я решился бы на этот опрометчивый шаг.

Был конец 1947 года. В стране набирал обороты сталинский террор и оголтелый антисемитизм. В газетах публиковались фельетоны, в которых раскрывались псевдонимы еврейских писателей. Статьи о махинациях, воровстве, афёрах акцентировали внимание читателей на активном участии евреев в этих неблагоприятных делах. Для того, чтобы не было никаких сомнений, что речь идёт о евреях, вместе с фамилией публиковались имена и отчества. Всё это было прелюдией борьбы с «космополитизмом» - кровавым погромом всех еврейских общественных и культурных организаций.

Тюрьмы и лагеря были переполнены. Арестовывали за антисоветский анекдот, за высказывания о дороговизне, о дефиците товаров. Процветало доносительство друг на друга, причем каждый старался опередить своего противника. Мне рассказывал мой приятель, судья Шмагельский, который участвовал в комиссии по реабилитации невинно репрессированных, и проверил тысячи дел, что такого произвола и беззакония ещё не встречалось в истории человечества.

Вот типичный образец «дела». В тонкой картонной папке находятся три документа. Первый – донос. Заведующий учебной частью школы пишет, что директор названной школы на большой перемене собирается с учителями и рассказывает им антисоветские анекдоты, а

также критикует социализм и лично «любимого вождя народов» товарища Сталина. Второй документ - решение суда, так называемой тройки, куда входили представители госбезопасности и партийных органов. Об участии адвоката в этом судилище не могло быть и речи. Пресловутая тройка присудила несчастного директора за антисоветскую деятельность к высшей мере наказания – к расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Обычно этот документ печатался на тонкой папиросной бумаге. Третий документ – безграмотная запись сержанта корявым почерком о приведении приговора в исполнение.

Судья Шмагельский указывал рукой на свою поседевшую голову и говорил: "Я поседел от ужаса и кошмара, читая эти «дела»".

Такая была обстановка в стране, когда я объявил бойкот и отказался работать в колхозе. Этот мой поступок мог вполне оцениваться властями, как враждебный со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

В школе было немедленно созвано общее собрание с участием партийных органов и администрации. На этом собрании меня обвиняли во всех смертных грехах. «Я лью воду на мельницу империализма, я – враг народа и провоцирую общество на бойкот великих завоеваний социализма, я не избавился от пережитков капитализма» – в общем, на меня обрушили весь этот штампованный набор обвинений. Все – и ученики, и преподаватели, подвергли меня уничтожающей критике. Ни один не стал на мою защиту. Я был ошеломлён и растерян, я пытался сказать хоть слово в свою защиту, но мне не дали говорить. А я ведь до этого числился лучшим учеником школы, моя фотография постоянно висела на доске почёта, и учителя часто приводили меня в пример другим ученикам, как образец отличной учёбы и поведения.

В конце собрания выступила с речью Ирина Пименовна – наш школьный директор, которая обладала великолепным ораторским искусством. Она также сказала, что очень огорчена и возмущена моим поступком и, вместе с тем, выразила мнение своё и всего коллектива, что я осознал своё преступление, глубоко раскаиваюсь и обещаю, что больше это никогда не повторится. И тогда меня как будто молния пронзила, мне стало совершенно ясно: цель этого собрания - спасти меня от страшной опасности, которая угрожала не только моему будущему, но самой моей жизни.

А опасность была реальной, если бы мною занялись так называемые «компетентные органы», то есть КГБ. Мне в то время было 18 лет, и меня вполне могли привлечь к уголовной ответственности без всякой скидки на возраст. Моё пребывание на оккупированной территории служило бы отягчающим фактором обвинения. Чтобы «увести» меня из лап этих карающих органов, следовало наказать меня на собрании и представить отчёт партийным органам, что меры приняты и виновный получил наказание. За одно и то же преступление дважды не наказывают. Также стало понятным, почему директор школы не давала возможность мне высказаться по существу этого дела. Я мог попытаться логически обосновать недостатки в организации производства сельского хозяйства и абсурдность положения, когда приходится прибегать к помощи учеников. А это очень усугубило бы моё положение. Логика здесь не была в почёте. В общем, я своим вмешательством в ход собрания нарушил бы всю режиссуру, составленную Ириной Пименовной. Поистине, она стала в этом деле моим добрым ангелом-хранителем.

Вот такие парадоксы имели место в нашей жизни: спасение человека путём его шельмования. В полном соответствии с принятыми в то жестокое время порядками,

было отмечено, что я полностью осознал свой антиобщественный поступок и глубоко раскаиваюсь в нём. И, что особенно важно, весь коллектив единодушно осудил меня, что указывает на образцово поставленную политикомассовую работу среди школьного коллектива. Иными словами, никто не последовал моему дурному примеру.

Была ещё одна причина моего спасения от жестокого наказания. Я был единственным реальным кандидатом на золотую медаль. Для школы это был показатель, который существенно повышал её имидж (правда, были ещё два кандидата, но их шансы на получение медали были не очень высоки).

После всех этих событий я безотказно участвовал в сельскохозяйственных работах, вплоть до морозов, которые сковали землю и сделали невозможным продолжать убирать урожай. Не получилось из меня героя, и не получилось из меня мученика. Кстати отмечу, что большая часть урожая осталась неубранной. При этом местным крестьянам категорически запрещалось убирать остатки урожая, несмотря на то, что он всё равно пропадал. Этот драконовский закон вошёл в историю под названием «закон о трёх колосках».

Нарушителям грозило наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет. Так Советская власть и лично товарищ Сталин заботились о благополучии своих граждан.

Между тем, занятия в школе вошли в рутинную колею, без чрезвычайных происшествий, вплоть до выпускных экзаменов. Экзамены я сдал все на отлично, и мои документы были представлены в Областной отдел просвещения для награждения Золотой медалью.

Через несколько дней мне позвонил наш классный руководитель и заявил, что моя кандидатура утверждена. При этом он сказал, что в Отделе просвещения ему

предложили: вместо одной золотой медали можно предоставить две серебряные. Согласен ли я на серебряную медаль? При моём положительном ответе ещё один ученик получит серебряную медаль (кстати, речь шла о его племяннике). Конечно, золотая медаль более престижна, чем серебряная, но льготы при поступлении в ВУЗ в то время были абсолютно одинаковы. Я был лишён тщеславия и дал согласие на данный вариант. Если есть возможность сделать другому человеку доброе дело, почему её не выполнить? Мой классный руководитель спросил, по какому предмету поставить мне оценку «4». Я выбрал астрономию. В последующем, когда знакомились с моим аттестатом зрелости, немало удивлялись: как может такой второстепенный предмет повлиять на выбор награды. Я отделивался шуткой, что перепутал Венеру с Марсом.

Итак, аттестат зрелости получен, медаль на руках, и встал вопрос о выборе ВУЗа. Важно, конечно, было то, что мне был доступен любой университет или институт без вступительных экзаменов. Для учителя математики не было никаких сомнений, в какой ВУЗ я должен поступать – только в университет на математический факультет. Именно на этом поприще, по его мнению, меня ждёт блестящее будущее.

Но вот произошло событие, кажущееся на первый взгляд незначительным. Мне в руки попала книга (я до сих пор не знаю, каким образом она появилась у меня) «Охотники за микробами» Поль де Крюи. В этой книге писалось о микробиологах, об их великих открытиях. Увлекательно и талантливо открывался мир удивительных, смелых и благородных искателей истины. Описывался жизненный путь и творческая деятельность знаменитых исследователей – Левенгука, Луи Пастера, Роберта Коха, Мечникова, Пауля Эрлиха и многих других, вышедших на

бой с самым страшным врагом человека – болезнетворными микробами.

Я читал эту книгу с жгучим интересом, не отрываясь от неё, пока не закончил до последней страницы. Была глубокая ночь, но до утра я не спал, настолько было велико впечатление от прочитанного. После этого я решил окончательно и бесповоротно – я стану врачом, и буду продолжать дело этих исследователей на благо всего человечества. Много «белых пятен» в медицине, широкое поле деятельности для их раскрытия, и я внесу свой достойный вклад в дело лечения тяжёлых болезней. У меня не было никаких сомнений, что я буду учёным и первооткрывателем тайн природы. Много лет спустя я с горькой усмешкой вспоминал эти мои юношеские честолюбивые надежды. Увы, жизнь распорядилась совсем иначе. Человек предполагает, а Бог располагает.

Итак, преисполненный самых радужных надежд, я подал соответствующие документы в Одесский медицинский институт, и вскоре получил известие о том, что я принят на первый курс лечебного факультета названного института без предоставления общежития.

Бытовой вопрос решился неожиданным образом. Я познакомился с парнем, одесситом, который находился в Крыжополе во время летних каникул. Его звали Саул. Он также закончил десятый класс и поступил в Одесский медицинский институт. Его отец был репрессирован за сионистскую деятельность. Осталась мать с двумя детьми, их материальное положение было очень тяжёлое. Саул отличался удивительной эрудицией. Мы с ним подружились, почти ежедневно встречались и проводили время в длительных дискуссиях на различные темы. Нам было вдвоём очень интересно, и мы стали называть друг друга - «молочный брат». Саул предложил жить у него, и я согласился, так как их квартира была недалеко от института.

Когда мой преподаватель математики Давид Яковлевич Гоноровский узнал, что я пренебрёг его советом, он был очень огорчён и возмущён. При нашей встрече он сказал мне, что я совершаю большую ошибку. Природа одарила меня талантом к математике, и я не вправе зарывать его в землю. Он напомнил мне, сколько внимания было уделено мне с его стороны. Благодаря его усилиям я сумел досконально изучить предмет и быстро решать сложнейшие задачи. Для меня не было более увлекательного занятия, чем решать задачи, особенно по геометрии с приложением тригонометрии. Давид Яковлевич страстно любил свой предмет, и для него была совершенно невыносима мысль, что ученик, на которого он возлагал большие надежды, «предал» его любимую математику.

«Как можно принимать судьбоносное решение о своём будущем, - кричал он в запале, - на основании одной прочитанной книги? Тебя природа одарила талантом, и ты просто обязан его реализовать. Только на поприще математики ты добьёшься успеха. Немедленно поезжай в Одессу, заведи документы из мединститута и подай их, пока не поздно, в университет на физико-математический факультет!»

Но я был непреклонен и полон решимости посвятить себя медицине. Поистине, как я неоднократно повторял: кто желает, того судьба ведёт, а кто не желает, того судьба тащит.

Начинался новый этап в моей жизни. Я – студент Медицинского института. Впереди меня ждали шесть лет учёбы. Я знал, что на этом пути меня ждут большие испытания, но был настроен оптимистически и верил, что путь, избранный мною – правильный, все трудности будут преодолены, и осуществятся все мои надежды и чаяния.

Мои школьные друзья. Слева направо: сидят – Изя Гурьевский (Белый), Арон Рехлис, Ньюма (Нуя) Шрайбман. Второй ряд: Сеня (Сюля) Фаншель, Фима Шихман, Гриша Гриншпун, Боря Кац. Стоят: Изя Гурьевский (Чёрный), Марик Горбатый, я и Йося Чоклер.

Крыжополь, 1948 г. Мои любимые друзья Ньюма Шрайбман, Сюля Фаншель со своей будущей женой Софочкой.

Крыжополь, 1960 г. День рождения Брони. Мы молоды, поэтому счастливы и радуемся жизни. Стоят: наш друг и коллега Пётр Маркович Гринберг, Броня, друг детства Сюля Фаншель. Сидят: наша коллега Кузьминская Рита Юльевна, Света (сестра Брони), Софа (жена Сюли), Ньюма Шрайбман.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Первые дни занятий в институте. Борьба с космополитизмом и «низкопоклонством» перед Западом. Генетика и учение Павлова. Меня изгоняют из квартиры. Первая сессия. Вызов в КГБ. На квартире с Изей Гурьевским. Я попадаю в аварию. Работа в цеху ночью. Я – репетитор. Тётя Соня. Военные сборы. Профессор Меерсон Д.Л. безуспешно пытается оставить меня в аспирантуре. Направление в Читинскую область, как скрытая депортация. Отказ подписать направление на работу. Угроза лишить меня диплома врача.

Начало мудрости: приобретай мудрость и всем твоим достоянием приобретай разум. Превозноси её, и она возвысит тебя; она принесёт тебе почёт, если ты примешь её в свои объятия.

Притчи Соломоновы, 4:7-8

Первого сентября 1948 года начались занятия в институте. На нашем факультете было довольно много евреев, большинство - медалисты. Это был последний в данном году набор, на котором главным критерием для зачисления были знания, независимо от национальности или происхождения. Директором института в то время был профессор Гаспарьян – человек высокой культуры и благородства. Студенты буквально обожали его. Но вскоре он был освобождён от занимаемой должности, и его сменил на этом посту профессор Дейнека И. Я. – полная противоположность предыдущему директору.

Дейнека люто ненавидел евреев и откровенно заявлял: «В моём(!) институте будут заниматься столько евреев, сколько работает на шахтах Донбасса». Он был типичный функционер, который вознесся по служебной лестнице не из-за своих способностей, а благодаря родству с министром здравоохранения Украины. Антипатию к

евреям он не скрывал, так как антисемитизм становился официальной государственной политикой.

Свои «обещания» Дейнека скрупулёзно выполнял – в Одесский медицинский институт после нас не был зачислен ни один еврейский студент. Особое, буквально садистское, наслаждение доставляло ему экзаменовывать студентов во время занятий, которые проводились еврейскими профессорами. В их присутствии он задавал студентам каверзные вопросы, на которые далеко не всегда получал правильные ответы. После этого он грозно вопрошал профессора: «Почему вы так плохо обучаете студентов?»

Помню, как таким образом был унижен профессор Сендерович, крупный учёный в области топографической анатомии. Правда, профессор в долгу не остался, и при всех потребовал от Дейнеки, чтобы тот вышел вон. Но такая «дерзость», увы, не проходила безнаказанно, у директора института были и возможность, и желание, и (главное) полная безнаказанность его действий.

Преследование еврейской профессуры являлось частью антисемитской кампании на государственном уровне. В институте выпускалась местная газета. Ежедневно около витрины, где вывешивался очередной номер газеты, толпились студенты и преподаватели. Они оживлённо комментировали увольнение очередного профессора. Иногда увольнение аргументировалось такими мотивами, что не оставалось сомнения – этого человека ждёт встреча с органами госбезопасности. Страх быть подвергнутым репрессии вынуждал преподавателей идти на унижения. Лекция на медицинскую тему часто начиналась славословием в адрес «мудрого вождя, великого учёного Иосифа Сталина».

Помню, как профессор Авербах – заведующий кафедрой гистологии и эмбриологии, после критической статьи

в местной газете, обвиняющей его в «низкопоклонстве перед Западом и космополитизме», униженно умолял нас, студентов, представить в деканат записи его лекций, и этим доказать, что все обвинения в его адрес не имеют под собой никакой почвы. Два студента вняли его просьбе и пошли в деканат с конспектами лекций профессора. На следующий день появился приказ об... отчислении из института этих студентов.

У нас в институте установился перевернутый, абсурдный мир откровенной лжи, лести, пресмыкательства и страха, которые стали основой повседневной жизни. Большинство профессоров-евреев были уволены. По сути дела, это была прелюдия к зловещему «делу врачей».

Дейнека очень любил муштровать студентов перед праздниками с тем, чтобы мы на параде проходили перед трибуной строевым шагом. Это очень нравилось партийным и советским организациям. За отказ от «репетиций» и, особенно за неявку на парад студенты лишались стипендии.

Кампания борьбы против космополитизма носила откровенно антисемитский характер. Согласно коммунистической идеологии, космополитизм проповедует отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицает государственный и национальный суверенитет. Таким образом, космополитизм – это идеология так называемого «мирового гражданства», и его лозунг: “Ubi bene, ibi patria” (где хорошо, там и отечество).

Излишне говорить, что именно евреи, рассеянные по всему миру в поисках лучшей доли, подходили под это определение. С позиции коммунистической пропаганды космополитизм не только оказывает влияние «растленного Запада» на умы трудящихся, но и вызывает низкопоклонство перед иностранщиной. В полном соответствии с этой доктриной началась вакханалия «доказательств» приорите-

та русских в различных отраслях науки и техники. На полном серьёзе отмечалось, что рентгеновские лучи открыл не Рентген, а некто Иванов. Менялось привычное название многих болезней по автору. Например, болезнь Кушинга стали называть болезнью Иценко.

Всё это носило массовый характер и вносило большую путаницу. Помню, как чертыхался хирург, когда во время операции он давал команду операционной медсестре подавать те или иные инструменты, а она не понимала что именно, так как менялось их название. Так, во время операции применяются кровоостанавливающие зажимы, которые называются по имени их авторов (Кохер, Пеан). Но хирургу нельзя было называть их этими именами, чтобы не быть обвинённым в низкопоклонстве перед Западом. Из-за этого терялись драгоценные минуты и секунды, которые часто влияли на исход операции.

В 1948 году, то есть в год моего поступления в институт, состоялась печально известная сессия Всесоюзной сельскохозяйственной академии. На этой сессии выступил псевдоучёный Трофим Лысенко, который пользовался поддержкой и доверием властей. Он навесил на генетику ярлык «лженауки», «реакционного учения». Генетика была осуждена как вредное, идеологически чуждое, империалистическое мракобесие, где окопались «буржуазно-интеллигентские недобитки».

Первые годы учёбы в институте проходили под знаком этой сессии. На каждом экзамене необходимо было подвергнуть критике это «реакционное учение». Слово «генетик» стало синонимом слова «враг народа». Много выдающихся учёных были замучены в лагерях ГУЛАГа, среди них немало евреев (Эфроимсон В.П., Раппопорт И.А. и другие). Мне удалось на чёрном рынке купить учебник генетики, и я тайком изучал эту науку, чрезвычайно важную не только для медицины, но и для сельского

хозяйства.

Генетика – это наука о законах наследственности и изменчивости организмов а также о методах управления ими. В каждой клетке живого организма имеется определённый набор генов, который передаётся по наследству и формирует будущие его свойства (разрез глаз, цвет кожи, форму носа и другие). Эти свойства передаются от поколения поколению и не зависят от влияния внешней среды. Учение генетики пришло в противоречие с окостеневшими догмами марксизма-ленинизма. А раз так – запретить и разгромить эту «буржуазную науку»!

Эта излюбленная и испытанная практика партийных чиновников нанесла огромный вред экономике, сельскому хозяйству и медицине. Развитие страны было отброшено в мракобесие и средневековье. Студенты часто задавали на лекциях «неудобные вопросы», которые ставили в тупик преподавателей. Помню, на вопрос, почему дети похожи на своего отца, профессор отделался пошлой и избитой фразой: «А что вы хотели, чтобы ребёнок был похож на соседа»? Студенты смеялись, но атмосфера совсем не была смешной.

Ещё одно учение, очень важное для практической медицины, старанием партийных идеологов было извращено. Это – учение Павлова И.П., лауреата Нобелевской премии за работы об условно-рефлекторной деятельности центральной нервной системы. Было провозглашено, что все заболевания связаны именно с нарушением этой системы. Это был явный перегиб, так как существуют и другие факторы, которые вызывают заболевания. Но, как обычно, истина достигалась не в ходе свободной дискуссии, а силовыми методами.

Каждый несогласный с официальной точкой зрения лишался кафедры и возможности заниматься преподавательской деятельностью, а иногда попадал под подозрение,

и дело заканчивалось арестом.

В своём рвении и желании угодить партийной элите некоторые преподаватели доходили до абсурда. Я вспоминаю лекцию профессора Грузина, который совершенно серьёзно доказывал, что в Советском Союзе нет базы для возникновения гипертонической болезни, так как нет безработицы. Люди уверены в завтрашнем дне и заняты созидательным трудом – строительством светлого будущего. Поэтому центральная нервная система не подвергается тяжёлым испытаниям, как это имеет место в капиталистическом мире. А те немногочисленные случаи гипертонической болезни, которые все же имеют место в нашей стране, возникают у людей, обременённых пережитками капитализма.

И эту ахинею нес не какой-то полуграмотный секретарь партийной организации, а профессор, завкафедрой факультетской терапии, доктор медицины. Но не будем слишком строго осуждать его. В то смутное время демагогия часто одерживала победу над объективностью и истиной. Инакомыслие, расхождение с генеральной линией партии жестоко преследовались. Но нам, студентам, было нелегко слушать этот бред и сдерживать свои эмоции. Было тяжело и грустно видеть, как наши учителя вынуждены были лавировать в этом потоке лжи, глумления над здравым смыслом и буквально наступать на горло собственной песни.

Мне оставалось ещё две недели до конца первого семестра. Необходимо было сдать экзамены и зачёты. При этом я планировал сдать сессию на отлично с тем, чтобы получать повышенную стипендию (при этом прибавка к стипендии была очень существенной, что было крайне важно для меня). Но произошло неприятное событие, которое грозило опрокинуть все мои планы.

Я жил на квартире у моего друга. Материальное

положение его семьи было очень тяжёлое. Отец был репрессирован. Мать осталась с двумя детьми (Саул и его младший брат). Ей пришлось много и тяжело работать, чтобы прокормить семью. Я там оказался явно не ко двору. В самом начале я отдал все деньги матери Саула и считал, что должно хватить до конца семестра. И вдруг, буквально перед сессией, мне сообщают в довольно грубой форме, что деньги мои давно закончились, и я по сути дела живу за счёт их семьи, и если не рассчитаюсь немедленно, мне придется искать другую квартиру.

Я был глубоко возмущён тем, что не был предупреждён заранее, и самой формой обращения ко мне. Кроме того, именно в это время у меня не было денег. Конечно, здесь была и моя вина. Я обязан был внести ясность и определённость в отношении оплаты моего проживания в этой семье, которая с трудом сводила концы с концами. Но в тот момент я совершенно утратил способность к трезвому мышлению, вышел из себя от гнева и наговорил много грубых и несправедливых слов, о чём в последующем очень жалел. Ну, а в тот момент я схватил мой фанерный чемоданчик, бросил в него свои скудные пожитки и выскочил из дома. На улице было очень холодно, стоял сильный мороз (начало января!).

Я был одет довольно легко, не по сезону, и быстро продрог. Первая мысль моя была пойти к тётке Чаше, но у меня с ней в то время были очень непростые отношения. Тётя Чаша считала, что её дочь (моя двоюродная сестра!) и я могли бы быть достойной супружеской парой. Я эту идею отмёл категорически, хотя моя сестра была красивая и скромная девушка и могла стать хорошей женой и матерью своих детей. Я аргументировал свой отказ тем, что наше родство делает совершенно невозможным этот союз. Мне также претило то, что тётя обещала материальное благополучие, при этом демонстрировала все свои

ценности. Женитьбу по расчёту я отвергал как аморальный и непорядочный поступок.

В общем, к тёте Чаше я не пошёл, хотя положение моё было отчаянным – без денег, без жилья, замёрзший и голодный. Я решил пойти на вокзал (приют всех бездомных). Там, по крайней мере, можно было отогреться и отдохнуть. Но вот произошло чудо. На пути к вокзалу мне встретился мой двоюродный брат Фима, который был студентом математического факультета пединститута. В этот день он должен был уехать на зимние каникулы, но не достал билет на поезд.

Я рассказал Фиме о моём бедственном положении, и он немедленно принял меры. Он снимал со своим сокурсником крошечную комнату, в которой с трудом разместились две койки с небольшим промежутком между ними. Стол и стулья отсутствовали, так как для них не нашлось место. И все же Фима договорился с хозяйкой, что она примет меня, по крайней мере, на две недели, то есть на время сессии. Я вошёл в тёплую комнату, сел на койку, мне дали стакан чаю, но я не мог пить – зубы стучали о край стакана.

От всего пережитого у меня возник тяжёлый нервный срыв. Я разрыдался. Фима меня с трудом успокоил, уложил в кровать, укрыл одеялом и я уснул. Однако нервное напряжение долго не оставляло меня. Но нужно было готовиться к экзаменам, и я с утра до вечера находился в публичной библиотеке, где интенсивно занимался. Другого места для занятий у меня не было. Для того чтобы сэкономить деньги и время, я не ходил в столовую, а питался в сухомятку.

Сессию я сдал на отлично и получил право на повышенную стипендию. Всё пережитое измучило меня, я сильно похудел. Когда я приехал на зимние каникулы, некоторые не узнавали меня. Моя мама очень переживала и всё время плакала. Она очень тревожилась за моё

здоровье и считала, что есть смысл взять академический отпуск. Но я был уверен, что мне удастся преодолеть трудности, и решил учиться и одновременно работать. Материальное положение моих родителей было тяжёлое, они отрывали от себя последнее, чтобы помочь мне, но этого было недостаточно.

Во время каникул я отдохнул, поправился и со свежими силами уехал в Одессу продолжать учёбу. Квартирный вопрос решился довольно удачно. Мой друг Изя Гурьевский снимал отдельную большую комнату, и предложил мне проживать в ней вместе, и таким образом сэкономить деньги на квартирной плате. Большим преимуществом было то, что квартира находилась недалеко от вокзала. Родители за небольшую плату имели возможность пересылать нам с проводниками продукты.

Спустя несколько дней после вселения на новую квартиру произошло событие, которое могло иметь далеко идущие последствия.

Наша дворничиха, бледная, с трясущимися от страха руками, передала мне повестку явиться в КГБ, учреждение, которое одним названием вселяла в людей ужас. В повестке было детально изложено, когда и к кому мне надлежит явиться, каков порядок получения пропуска и другие подробности. В указанное время я пошёл по адресу, отмеченному в повестке. Меня провожали мои друзья Додик Шамраков и Юра Соснов. Они были очень встревожены не только за меня, но и за свою собственную судьбу. Когда арестовывали «врага народа», нужно было во что бы то ни стало доказать, что речь идёт не об одной личности, а о целой организации. Применялись изощрённые пытки до тех пор, пока несчастный не называл несколько фамилий своих знакомых.

В 1949 году сталинский террор достиг апогея. Паранойя Сталина была направлена главным образом против

евреев. В мрачных, дьявольских извилинах мозга диктатора вынашивались жестокие планы, которые вскоре будут реализованы в виде «дела врачей» - позорнейшей страницы в истории советского народа. Применяя термин «народ», я грешу против истины, ибо в то время можно было говорить не о народе, а о толпе, охваченной массовым психозом, славящей своего палача. Были разбужены самые низменные инстинкты, толпа в едином порыве вопила: «Смерть убийцам в белых халатах! Смерть бешеным псам империализма!» Весь народ превратился в чудовищную, уродливую толпу, где талантливый соглашался быть бездарным, мудрый напяливал на себя маску идиота, где в почёте был доносчик, невежда и хам.

Я вошёл в приёмную КГБ. Там было очень много людей, многие с узелками и с ящичками для посылок. Это были люди, которые хотели узнать о судьбе своих родных и близких и передать им одежду и продукты. Они стояли в очереди к окошку, за которым сидела женщина в форме и громким голосом, кратко отвечала на вопросы. У многих посылки не принимали, и они со слезами на глазах уходили от очереди. На лицах у всех было выражение такой тоски и скорби, какое бывает на похоронах очень дорогих и близких людей.

Я вошёл в одну из кабин, поднял трубку и набрал номер, указанный в повестке. Тотчас оттуда раздался голос с приказом получить пропуск. Я ещё не успел выйти из кабины, как услышал, что меня вызывают к окошку. Мне вручили пропуск, и я стал подниматься на четвёртый этаж согласно указанию. На каждом этаже сидел охранник с автоматом и делал отметку на моём пропуске. Наконец я добрался до кабинета с указанным в пропуске номером, постучался в дверь и, получив разрешение, вошёл в кабинет. Там за большим столом сидел полковник, совершенно лысый. Он приказал мне взять стоящий в углу

комнаты табурет, поставить его посередине комнаты и сесть. После этого он достал из сейфа папку, на которой была большая фотография.

Полковник долго смотрел на меня и на фотографию, и затем начал допрос. Меня поразило до глубины души, выражение его лица. Оно было мне знакомо ещё со времён оккупации. Это выражение с трудом поддаётся описанию – в нём имеется какое-то странное сочетание презрения, гадливости и ненависти. Я такое выражение лица видел у холёного немецкого офицера, когда он избивал старого, беспомощного еврея. Видимо, садизм не имеет национального облика, он - интернационален.

Полковник стал задавать мне вопросы, явно стараясь запутать меня. Вопросы касались моего пребывания на оккупированной территории, данных о моих родителях и о сёстрах. Он обратил внимание на белый халат под моим пальто и спросил, не парикмахер ли я. Узнав, что я студент медицинского института, он не мог скрыть своего удивления. Наконец, полковник закрыл папку и сказал, что произошла ошибка – я не тот, которого разыскивают.

Я взял пропуск, встал с табурета и сказал ему, что в таких случаях приносят извинения. Он обрушил на меня поток такого ругательства с матом, которого я не слышал даже среди портовых грузчиков. Затем полковник забрал у меня пропуск, сделал на нём отметку и сказал, чтобы я вышел вон. Я вышел и стал спускаться по лестнице. На каждом этаже опять проверяли пропуск и делали отметку на нём. На одном из этажей охранник сказал мне с сильным грузинским акцентом: «Повезло тебе, парень. Быстро ты освободился!». И он, несомненно, был прав. Всё могло обернуться совсем иначе. Случаев ареста невинных людей было немало.

Вспоминая этот эпизод с полковником КГБ, я не могу отрешиться от аналогии с сомнамбулизмом (лунатизмом).

При этом человек ночью в состоянии сна ходит по различным местам, подвергая себя опасности. Он ходит на крыше высотного здания, по карнизу на большой высоте, по краю пропасти. Пока он спит, все эти действия совершаются автоматически и всё заканчивается благополучно. Но если такого больного разбудить, он теряет ориентацию, падает с высоты и разбивается насмерть.

Во время допроса у полковника КГБ у меня не было представления, какой опасности я подвергался, и поэтому был совершенно спокоен и вёл себя с его точки зрения не совсем адекватно. Мои спокойные и последовательные ответы, отсутствие страха – всё это убедило его, что я не тот человек, которого разыскивают, хотя фамилия, имя и отчество в основном совпадали.

Как это ни странно, мой визит в КГБ принёс мне некоторую пользу. Дворничиха нашего дома, видимо считая меня сексотом (секретным осведомителем), категорически отказывалась от моих подношений, когда мне приходилось возвращаться поздней ночью, и она открывала мне ворота двора.

Мой быт постепенно налаживался, мы с Изей жили дружно, иногда даже готовили вместе еду. Изредка мы вместе ходили в кино или на студенческие вечера. Хозяева квартиры (пожилая супружеская пара) относились к нам очень хорошо и не протестовали в случаях, когда приходилось задерживать квартирную плату.

В начале 1950 года я попал в аварию. Огромный самосвал столкнулся с трамваем, в котором я ехал. Очень хорошо запомнился мне момент столкновения, звон разбиваемых стёкол, крики пассажиров, а затем – полная амнезия (потеря памяти). Очнувшись я дома, когда с удивлением обнаружил себя около буфета, с жадностью поедающего хлеб с повидлом. Напротив меня стоял наш хозяин и смотрел на меня с тревогой. Он рассказал мне,

что я буквально ворвался в квартиру, схватил хлеб, отрезал ломоть, намазал его повидлом и стал жадно есть. При этом его поразило выражение моего лица. Я с волнением рассказал об аварии, и мы вместе побежали к этому месту.

Зрелище, которое мы застали там, было ужасающим. Трамвай лежал на мостовой опрокинутый, все окна были выбиты, было множество раненых. У меня на теле даже не было царапины. Таким образом, я подсознательно, в каком-то трансе произвёл все действия по спасению – выбежал из трамвая, увернулся от него в момент его опрокидывания и убежал домой. И только дома я очнулся и стал критически оценивать свои действия.

Этот феномен меня очень заинтересовал, и я доложил о нём на кафедре физиологии профессору Богомольцу. Он предложил мне сделать реферат на тему «О поведенческих реакциях человека в экстремальных ситуациях». Эта тема, несомненно, представляла большой практический интерес. Я изучил специальную литературу и высказал профессору свои соображения. Нашло своё объяснение и то, что я в трансе стал жадно есть хлеб с повидлом. В процессе эволюции выработался механизм, направленный на восполнение энергетических затрат, которые имеют место в настоящем и понадобятся в будущем для выживания.

Все свои соображения по данной теме я изложил профессору, который высказал своё полное одобрение. Занимался я в институте с большим желанием, все темы изучал, используя дополнительную литературу и на практических занятиях принимал активное участие.

Однако моё материальное положение оставалось тяжёлым. Несмотря на повышенную стипендию, я не всегда мог вовремя оплатить квартиру, необходимо было приобретать бельё, обувь и другие предметы быта. Много денег уходило на книги. Поэтому я обрадовался, когда мой хозяин квартиры сообщил мне, что в артель по

производству фонариков требуется рабочий. Очень важно было то, что там была ночная смена. Я немедленно обратился к заведующему артели, и он принял меня на работу. В мою функцию входило изготовление рефлекторов. Рабочий процесс был предельно прост. Бралась заготовка и помещалась в гнездо штампа, который раскручивался вручную, и заготовка превращалась в рефлектор для фонарика. Затем готовый рефлектор извлекался, также вручную.

За весь этот процесс я получал одну копейку, соответственно за изготовление тысячи рефлекторов оплата составляла 10 рублей. Этих денег хватало на два обеда (безмясных). Работа требовала больших физических усилий, но для меня это не составляло труда. Работа бондаря в течение длительного времени привела к тому, что мышечная система у меня была очень развита, и я был довольно сильным физически. На занятиях физкультуры я удивлял многих своими упражнениями на спортивных снарядах, требующих применения силы.

Самым тяжёлым испытанием для меня было то, что я не высыпался. После ночной смены у меня на сон оставалось не более 4-5 часов до начала занятий. Я постоянно хотел спать и нередко во время лекции у меня слипались глаза, и я дремал. Была ещё одна неприятная проблема. На практических занятиях ассистент обратил внимание на мои руки и спросил, почему они такие грязные.

Я объяснил ему, что это металлическая пыль в результате работы с металлом. При этом характер моей работы не позволяет пользоваться перчатками, так как приходится иметь дело с мелкими деталями. Ассистент сказал: «Я тебе сочувствую и понимаю, что ты не от хорошей жизни работаешь по ночам, но с такими руками я не разрешу тебе подходить к больному и обследовать его».

Я попросил своего начальника цеха дать мне работу, не

связанную с металлом. Он после некоторого раздумья сказал, что поставит меня на покраску фонариков. Причина его раздумья мне стала понятной позже, тогда же я страшно обрадовался. За покраску одного фонарика я получал 60 копеек. За смену можно было успеть покрасить до 50 фонариков и, таким образом, заработать 30 рублей, сумму для меня довольно весомую. Я поработал до 3 часов ночи и, довольный, пошёл домой отдыхать. А утром я не мог встать из-за общей слабости, жестокого кашля и удушья. Температура тела повысилась до высоких цифр.

Оказывается, эта краска была растворена очень токсичным растворителем, который вообще запрещалось применять. Меня об этом не предупредили, и я не принял никаких мер предосторожности и даже не проветривал помещение. Целую неделю я болел, и долго меня мучили слабость и одышка. Требовать компенсацию за ущерб моему здоровью было бессмысленно. У меня создалось впечатление, что эта артель работала подпольно и нигде не была зарегистрирована. Каждую ночь приходили подозрительные личности, набирали полные мешки готовых фонариков и исчезали. Работали там, в основном, уголовники, бывшие заключённые, люди, которым надо было на время «лечь на дно» и затаиться. Когда при первом знакомстве я сказал им, что являюсь студентом мединститута, они восприняли это как шутку и долго хохотали. Рабочих подобного контингента у них отродясь не бывало, и они даже не могли себе представить, что в этой артели может работать честный человек. Жаловаться на руководителя артели было просто опасно, так как месть этой шпаны могла быть очень жестокой.

Некоторое время спустя я познакомился с девушкой по имени Ида. Она жила в соседнем дворе. Ида недавно закончила педагогический институт и работала математиком в младших классах. Нас объединяли с ней любовь к

математике и... любовь бродить по городу во время дождя. Ида была очень эрудированной девушкой, и с ней было интересно общаться. Но она была скрытной, грустное выражение лица не покидало её. Создавалось впечатление, что она переживает какую-то трагедию.

Ида подрабатывала частными уроками по математике. Убедившись, что я действительно сведущ в математике и, в частности, в арифметике, которую изучают в 5-6 классах, она предложила мне заняться репетиторством, то есть давать частные уроки. Я охотно согласился. Ида передала мне двух учеников, сказала их родителям, что ручается за меня в отношении моей компетентности, и я принялся за работу.

Со временем я приобрёл определённую популярность, ко мне часто обращались родители с предложением давать уроки их чадам. Материальное положение мое существенно улучшилось. Практически я до конца учёбы в институте занимался репетиторством и, таким образом, зарабатывал себе на жизнь. Правда, эта работа забирала у меня много дорогого времени и, кроме того, я страшно уставал. Умственное напряжение в институте на занятиях плюс напряжение, связанное с репетиторством, совершенно опустошали меня, и к вечеру я уже ничего не соображал.

Многое зависело также от характера учеников. Чаще всего это были избалованные, капризные дети, совершенно не приспособленные к серьёзному труду. Особенно много нервов вымотал у меня ученик 5 класса Фима. Отец его работал на рынке (Приводе) мясником, и имел немалый доход (вряд ли от праведных трудов), семья была очень богата – шикарная квартира, обставленная дорогой мебелью, модная одежда. Они нередко предлагали мне пообедать вместе, но я категорически отказывался. Родители Фимы не вызвали у меня особых симпатий, и я считал унижением для себя принимать их угощения.

Однажды, придя на очередное занятие, я застал там целое собрание гостей, отмечающих какое-то торжество. Было очень шумно, они пытались на спор решить задачу из домашнего задания Фимы, но это им не удавалось. Гости были уверены, что в условии задачи вкралась ошибка, и поэтому она не может быть решена.

Они с любопытством стали наблюдать, смогу ли я решить её. Я, взглянув на условие задачи, сразу понял её смысл, так как такие задачи мне были не внове. Поэтому без всякой подготовки было предложено моему ученику прочитать задачу и повторить её содержание. Один из гостей сказал мне: «Может, ты прежде, чем объяснять Фиме, сам решишь её?» Я ему заметил, что эта задача уже решена мною в уме, и она никакой сложности не представляет. Спустя короткое время было представлено решение задачи, ответ совпал, и восторгу гостей не было предела.

После занятия я решил проведать Иду и рассказать ей об этом эпизоде. Я давно не встречался с Идой, и, сказать по правде, соскучился по ней и очень хотел её видеть. Но когда я позвонил в дверь её дома, мне долго не открывали. Наконец родственница приоткрыла дверь и сказала мне, что Ида уехала из Одессы и больше не вернётся, её новый адрес жительства неизвестен. Мне дали совет больше не приходить и не пытаться выяснить, где она находится. При этом выражение лица родственницы было таким печальным, что я понял – что-то произошло страшное. Я был очень огорчён, обескуражен и лихорадочно думал, чем ей помочь, но ничего не мог придумать. Больше я Иду никогда не видел, ничего не было мне известно о её судьбе и о причине её таинственного исчезновения.

Наши отношения с Идой не выходили за рамки дружественных, возможно, и даже вполне вероятно, что со временем они переросли бы в более близкие. Мне было с ней легко и интересно, в отличие от встреч с другими

девушками. Я очень трудно сходилась с девушками, при встрече наедине смущался, краснел, бубнил что-то нечленораздельное и совершенно терял дар речи.

В нашем институте занимались в большинстве случаев богатые студенты, которые одевались в модные, дорогие костюмы, обедали в ресторане, у некоторых были даже свои автомобили, что для того времени было большой редкостью. Они пользовались успехом у девушек. Я на их фоне, мягко выражаясь, смотрелся не очень эффектно. Конечно, было у меня влечение к противоположному полу, и часто в грёзах являлись мне различные видения эротического характера. Но в реальности я считал, что для романтических встреч нужно водить девушку в ресторан, в театр, дарить ей цветы, дорогие подарки. Мои чувства притуплялись очень интенсивными нагрузками, да и материальное состояние отнюдь не позволяло заводить романтические связи.

Будучи на старших курсах института, я нередко получал различные, весьма заманчивые предложения – жениться на богатой невесте и пользоваться всеми благами, которое даёт богатство. Некоторые заявляли, что добьются, чтобы я остался в аспирантуре и занимался научной деятельностью, если я соглашусь на женитьбу (очевидно, наводили предварительно справки о моих устремлениях).

Прошло немного времени после одной из самых кровопролитных в истории человечества войн. На войне погибали в основном мужчины. Резко изменился структурный состав населения – соотношение мужчин и женщин. Было значительное преобладание количества женщин по сравнению с мужчинами. Этот дисбаланс продолжался ещё много лет после войны и создавал большие трудности для женщин при их желании построить семью.

Я считал, что жениться нужно только по любви. Ставить

во главу угла богатство невесты – аморально и непорочно. В то время, несмотря на пережитое в моей жизни, я всё же оставался идеалистом. Мама нередко говорила мне (разумеется, в шутку), «а кобца а годлын». В переводе с идиш это звучит примерно, как «гордый голодранец». Трудно поверить, но я до женитьбы оставался девственником.

У нас сложилась в институте отличная компания студентов, и мы очень интересно проводили время. Особенно я подружился с Аликом Кременецким, Додиком Шамраковым, Юрой Сосновым, Ваней Сытником. Эти ребята были очень талантливы, остроумны, и, когда мы собирались вместе, скучать не приходилось. Иногда к нам присоединялись девушки – Софа Духовная, Бетя Гельман. Отношения с девушками не выходили за рамки дружеского общения.

Темой наших бесед были музыка, особенно классическая, новости спорта, эстрада. Несмотря на материальные затруднения, я регулярно посещал оперный театр, практически не пропускал ни одной премьеры. Очень любил цирк, особенно с дрессированными зверями. Разумеется, билеты на спектакли я покупал самые дешёвые, а иногда просто давал в руки билетерши небольшую сумму денег. (На одесском сленге это называлось «дать на лапу»). Затем весь спектакль приходилось смотреть стоя, но то наслаждение, которое я испытывал от представления, стоило этих жертв.

На концерты в летнем саду или в парке имени Шевченко мы билеты вообще не покупали, а перелезали через забор. Однажды я попался прямо в руки контролёру, но он не передал меня милиции, а заставил перелезть через забор обратно. Было стыдно, но публика смотреланисходительно на эти выходки со стороны студентов и не очень осуждала их.

...У меня появилась проблема, сложная и требующая много времени. Наш хозяин сообщил, что их дочь выходит замуж, и нам придётся освободить квартиру. Меня это весьма огорчило, так как квартира была очень удобная и находилась в хорошем районе. Но судьба улыбнулась мне. Я случайно встретил моего дальнего родственника Моню Вайсмана, который учился в Одесском военном училище. Я даже не знал, что он жил в это время в Одессе.

Моня сказал мне, что живёт на квартире у старушки, и она ищет ещё одного квартиранта. И, что немаловажно, квартирная плата довольно низкая. Меня также вполне устраивал район – недалеко от института, и можно было сэкономить деньги на трамвай.

Я познакомился со своей новой хозяйкой, её звали тётя Соня. Это была пожилая женщина, невысокого роста, с добрыми глазами и приятным выражением лица. У тётки Сони я жил до окончания института, и был опекаем ею как родной матерью.

Сейчас в моде выражение «между ними химия», когда хотят подчеркнуть чувство особой симпатии, которая иногда устанавливается между людьми. Этот термин мне представляется очень остроумным и отражающим суть не только метафорически, но и физически. Известно, что при образовании химических соединений притягиваются разнополюсные радикалы (плюс и минус). Мы иногда удивляемся, почему именно к данному человеку, который не имеет никаких преимуществ перед другими ни внешностью, ни умом, вспыхивает симпатия или любовь?

Не исключено, что стороны распространяют разнополюсную ауру, способствующую притяжению друг к другу. Впрочем, это лишь мои домыслы. Но могу сказать совершенно определённо – между мною и тёткой Соней изначально установилась вышеозначенная «химия». Я сразу понравился тётке Соне, и она стала меня опекать, как

родной, близкий человек. Мои бытовые условия несравненно улучшились – тётя Соня готовила мне обеды и завтраки, стирала моё бельё, штопала мои носки. И это всё абсолютно бескорыстно. Бывали случаи, когда она не выпускала меня на улицу в холодную погоду, пока я не надену шапку или пальто. Когда меня не было дома поздно ночью, она не ложилась спать до моего прихода и затем требовала полный отчёт – где и с кем я был, имена ребят, девушек, которые были в компании, за кем я ухаживал, с кем танцевал. Приходилось давать ей полный отчёт обо всём этом.

Тётя Соня была коренная одесситка, полгорода были знакомы ей. Весь мой отчёт она проверяла и, если были неточности, указывала мне на них. Её назойливость и любопытство совершенно не были мне в тягость, мы всё превращали в шутку. Особенно переживала тётя Соня, когда я сдавал экзамены. Она ходила по комнате взад и вперёд, и громко молилась за успешный исход. А в день сдачи экзаменов она встречала меня на улице, издалёка протягивала руки в вопросительном жесте, и я ей показывал пять пальцев, давая понять, что получил на экзамене пятёрку. Тётя Соня успокаивалась, и в этот день готовила мне особенно вкусный обед.

Мои друзья, видя её отношение ко мне, считали, что тётя Соня – моя близкая родственница, и не могли поверить, что ещё недавно мы были совершенно чужими.

Некоторые высказывали мнение, что её доброе отношение ко мне, и столь трогательная опека отнюдь не являются бескорыстными, а преследуют далеко идущие цели. У тётя Сони была дочь Сима, которая работала врачом в Донецкой области. Она была направлена туда после окончания Одесского медицинского института. Сима не была замужем. Думаю, что тётя Соня, по крайней

мере на данном этапе, совершенно не рассчитывала на то, чтобы я стал её зятем.

Сима была старше меня на пять лет, она была полная высокая девушка, выше меня как минимум на полголовы. Но главный аргумент, который говорил о том, что не планировалась моя женитьба на Симе, - тётя Соня всё время пыталась познакомить меня с другими девушками. Особенно она хотела, чтобы я женился на её племяннице Нюсе. Нюся закончила музыкальное училище по классу фортепиано. Она была из довольно богатой семьи, её отец работал главным бухгалтером в системе железнодорожных ресторанов. Там было широкое поле для различного рода сомнительных сделок, приносящих ему баснословные прибыли. Разоблачения он не боялся, так как помимо него большое число руководящего персонала пользовалось благами этой системы.

Мать Нюси – женщина умная и инициативная - родственница тёти Сони, часто приходила к нам. Со мной она вела чистосердечные беседы, и предлагала жениться на Нюсе, подробно перечисляя все блага, которые будут получены в случае моего согласия. Такой прозаический подход и вульгаризация романтического события, каковым является женитьба, вызывали у меня внутренний протест, и я отвечал отказом, который был тем решительней, чем больше меня уговаривали.

Мне было от души жаль Нюсю, которая, по моему глубокому убеждению, ничего не знала об этих переговорах. Нюся была умная, симпатичная девушка, музыкально одарённая, и вполне могла самостоятельно познакомиться, полюбить мужчину и решить свою судьбу. Нередко родители, побуждаемые самыми благими намерениями, решают за своих детей, как им поступать и как им вести себя. К великому сожалению, выбор родителей далеко не всегда является оптимальным, и он, этот выбор, нередко

поневоле обрекает своих детей на тяжёлые испытания.

Нюсе я ничего не рассказывал об этих «переговорах», и мы продолжали встречаться с ней, как ни в чём не бывало. Я познакомил её с моими друзьями, и мы часто собирались вместе, слушали музыку и проводили время в приятных беседах. Нередко меня приглашали на семейные торжества, на которых подавали весьма изысканные кушанья. Излишне говорить, что тётя Соня «держала руку на пульсе» и требовала от меня представлять ей подробный отчёт обо всех наших встречах.

Занятия у меня проходили без каких-либо эксцессов, все экзамены я сдавал на отлично, временами поражал экзаменаторов тем, что цитировал целые страницы. Так произошло при сдаче органической химии. Заведующей кафедрой была профессор Ванда, полная немолодая женщина с царственной осанкой. Она заявляла, что органическую химию отлично знает лишь Бог, а её знания этого предмета оцениваются четвёркой, ну а что остаётся на долю студента, можно лишь догадаться. Практически, получить у неё отличную оценку было невозможно.

Предмет действительно был один из сложнейших, приходилось запоминать формулы, занимающие по полстраницы. Но для меня это не составляло большого труда. На экзамен по органической химии я, как обычно, вошёл первым, взял билет и сразу сел за стол отвечать на вопросы, хотя давалась студенту возможность обдумывать билет в течение 20-30 минут. Я сказал, что готов ответить на все вопросы немедленно. Профессор Ванда удивилась, но дала мне разрешение. Я вспомнил совершенно чётко лекцию по данной теме и начал излагать, слово в слово, её содержание. Для усиления эффекта я приводил все примеры, которые она приводила в своей лекции. На лице у Ванды появилось выражение крайнего удивления. Она стала заглядывать за стол, на мои колени, полагая, что я

застенографировал её конспект и либо основательно вызубрил его, либо читаю его во время ответа.

Убедившись, что это не так, она спросила меня, из каких источников я готовился к экзаменам. Я ответил ей: «Из ваших лекций, разве вы не убедились в этом?». Она кивнула утвердительно, задала ещё несколько вопросов, попросила записать пару формул, и после этого взяла мою зачётную книжку и поставила отличную оценку. Когда я вышел из экзаменационной комнаты и сказал, что получил пятёрку, студенты мне не поверили. Они убедились, что у Ванды можно получить отличную оценку, после того, как заглянули в мою зачётку.

Отличная учёба давала мне возможность (теоретически) претендовать на специальную стипендию. У нас были Ленинские и Сталинские стипендии, которые помимо материальных преимуществ, предоставляли ещё ряд льгот. Но моя кандидатура даже не рассматривалась. Во-первых, я не был представителем так называемой титульной нации (не русский и не украинец). Во-вторых, я не носил высокого звания «коммунист». Эти факторы в шкале предпочтений были доминирующими, а вовсе не отличная учёба.

Был у нас Сталинский стипендиат, секретарь партийной организации курса по фамилии Могила. Он сдавал экзамен по акушерству и гинекологии заведующему кафедрой профессору Агаронову Ашоту Моисеевичу. Этот профессор был один из немногих, который сумел сохранить своё достоинство в этот мрачный период, хотя это было чревато тяжёлыми последствиями. Студенту Могиле попался билет с сугубо конкретными вопросами – размеры женского таза. Ответа на этот вопрос студент не знал, и стал наугад и, конечно, невпопад отвечать. Профессор посмотрел на него насмешливо и сказал: «Послушайте, студент Могила, вы находитесь не на партийном собрании, где можно говорить

всё, что угодно, а на экзамене, где нужно отвечать по существу». На это Могила ответил: «Я не только секретарь партийной организации, но и Сталинский стипендиат, и меня устраивает только отличная оценка».

У других преподавателей этого было бы достаточно, чтобы поставить отличную оценку, даже если она совершенно не соответствовала знаниям. Никому не хотелось затевать конфликт с таким несильным монстром, как Коммунистическая партия. Отстаивание истины далеко не всегда было основным для неё в разборе различных конфликтных случаев.

Такие дела чаще всего решались с применением силовых методов и демагогии. А нередко в перспективе искателя истины мог ожидать карающий меч органов КГБ.

И всё-таки, несмотря на всё, профессор Агаронов сказал: «Я учту всё сказанное и поставлю вам тройку, хотя вы ответили на двойку». Это было проявлением большого мужества со стороны профессора и дерзкий вызов властям. Через короткое время к профессору прибежал декан нашего факультета полковник Малицкий. Он стал просить, чтобы студенту Могиле было разрешено пересдать этот экзамен через 4-5 дней. Профессор Агаронов горько улыбнулся и сказал: «Неужели вы всерьёз полагаете, что акушерство и гинекологию можно выучить за несколько дней?»

Несмотря на это, студент Могила всё же остался Сталинским стипендиатом. На этом примере можно получить представление, какие контингенты из числа студентов получали престижные стипендии, а затем оставались в институте «двигать вперёд» науку.

После окончания пятого курса всех студентов мужского пола отправили на военные сборы. Считалось, что перед получением офицерского звания необходимо пройти солдатскую службу. Сборы мы проходили в Измаиле,

городе на юге Одессы, и продолжались в течение месяца. Срок небольшой, но каждый день был насыщен такими физическими нагрузками, что не все могли их выдержать. Заместителем комвзвода был сержант по фамилии Школа - настоящий солдафон, грубый и жестокий, который не мог отказать себе в удовольствии поглумиться над «гнилой интеллигенцией», без пяти минут будущими врачами.

Сержант получил разрешение муштровать нас по своему усмотрению, и он не упускал шанс покуражиться над нами. Мы целиком зависели от него, так как без справки о прохождении сборов нас не допускали к дальнейшим занятиям. Лето стояло очень жаркое, мы были в обмундировании и кирзовых сапогах. На обед давался жидкий борщ с кусочком жесткого мяса, который совершенно невозможно было прожевать. На второе была... селёдка, часто несвежая. На приём пищи давалось очень мало времени и, не успев съесть несколько ложек огненного борща, мы получали приказ: «Выходи строиться!». В случае опоздания на пару минут заставляли бежать на далёкие расстояния по жаре.

Очень любил сержант устраивать марш-бросок на 15-20 километров с полной выкладкой до 15 килограмм. При этом нужно учесть, что наши студенты занимались главным образом интеллектуальным трудом и были совершенно не привычны к физическим нагрузкам. Некоторые не выдерживали и доходили до обморочного состояния. И, главное, было совершенно непонятно – какой смысл в этой жестокой муштре. К концу сборов все были настолько измучены, что еле держались на ногах. Все исхудали до неузнаваемости. После окончания сборов я с друзьями сфотографировался, чтобы осталась память об этом не самом приятном периоде нашей жизни.

Время шло, закончились каникулы, и наступил последний год учёбы – шестой курс. В этом году мы проходили

интернатуру, специализацию по различным разделам медицины. Мне была назначена специализация по фтизиатрии (лечение туберкулёза), хотя я желал проходить интернатуру по внутренним болезням (терапии). В деканате мне сказали, что распределение закончилось и невозможно ничего изменить.

Я начал специализацию по фтизиатрии на базе Института туберкулёза. Научным руководителем института был выдающийся учёный, заслуженный деятель науки, профессор Меерсон Дарий Львович, который оставил в моей жизни добрую и светлую память. Он сразу обратил на меня внимание и окружил меня вниманием и заботой.

Я окупился в работу института, допоздна засиживался в библиотеке, активно участвовал в научной жизни. Часто я высказывал своё мнение профессору, он не всегда соглашался с моей точкой зрения, возникала дискуссия. Дарий Львович очень хорошо ко мне относился, если я не был прав в том или ином вопросе, он терпеливо объяснял мне, в чём заключается моя ошибка, и умело направлял нашу дискуссию в нужное русло.

Однажды, роюсь в институтской библиотеке, я обнаружил старый журнал, в котором была большая статья, посвящённая профессору Меерсону. В этой статье описывалась его научная и политическая деятельность. Оказывается, Дарий Львович Меерсон до революции был членом РСДРП – социал-демократической партии, предшественнице партии большевиков. Он активно общался с Лениным В.И. и однажды подписывал ему мандат на съезд РСДРП.

Я показал профессору статью, она явилась для него приятным сюрпризом. Возможно, это обстоятельство помогло профессору уцелеть во время массовых репрессий еврейской профессуры, которые учинил директор института Дейнека И. Я.

Человек, который общался с самим Лениным, являлся живой легендой. Культ Ленина в те годы достиг апогея.

Между директором института и профессором Меерсоном возник конфликт, который заключался в следующем. В те годы начинала интенсивно развиваться торакальная хирургия, - операции на лёгких и сердце. Профессор Дейнека занялся этим видом хирургической деятельности. Но хирург он был далеко не блестящий. Послеоперационная смертность в его клинике была очень высока, в связи с чем институт прекратил направлять больных к нему для оперативного вмешательства. Больные, страдающие тяжёлыми формами туберкулёза и нуждающиеся в оперативном лечении, по указанию профессора Меерсона направлялись в другие лечебные учреждения.

Это привело Дейнеку в ярость. На научной конференции он стал предъявлять профессору Меерсону претензии за то, что он не направляет больных в его клинику. Дарий Львович попросил слово, встал за трибуну, и в присутствии сотен научных работников сказал: «Иван Яковлевич, да будет вам известно, что у нас клиника, а не бойня. В вашей клинике послеоперационная смертность достигла немыслимых величин. Научитесь, прежде всего, оперировать, а потом будете предъявлять мне требования. А пока я не направлю к вам ни одного больного».

Надо было обладать большим мужеством, чтобы в присутствии всех обвинить Дейнеку в бездарности, в его профессиональной некомпетентности. Дейнека - директор института, обладал властью, был очень злопамятен и ненавидел евреев. Указание на профессиональную несостоятельность воспринималось очень болезненно. И, тем не менее, никаких репрессивных мер по отношению к профессору Меерсону не было применено, он продолжал работать заведующим кафедрой в Институте туберкулёза.

Их конфликт весьма болезненно отразился на моей дальнейшей судьбе, о чём будет рассказано позже.

В кровавых деяниях Советской власти особое место занимает так называемое «дело врачей-отравителей», которое отличалось особой жестокостью и цинизмом. Дело было целиком и полностью срежиссировано Сталиным и направлено против всего еврейского населения Советского Союза. Эта провокация больно ударила и по нам, студентам-медикам еврейского происхождения.

Однажды, в холодный, зимний день пришла с рынка тётя Соня и бледная, с трясущимися руками, передала мне газету «Правда» от 9 января 1953 года. Там было сообщение об аресте группы врачей, которые неправильным лечением по заданию сионистских служб планировали убить руководителей партии и государства. Они уже привели к гибели Жданова, Щербакова и других.

Прочитав фамилии обвиняемых врачей, я не мог прийти в себя от изумления. Речь шла об учёных с мировыми именами, медицинских светилах. Они были нашими учителями, мы учились по их учебникам. Не было научного доклада, при котором не ссылались на блестящие работы профессоров Вовси М.С., Когана Б.Б., Когана М.Б., Этингера Я.Г. и других. Обвинять этих врачей в попытках умерщвления пациентов можно было только в горячечном бреду. Арест их стал сигналом массовых антисемитских кампаний, при которых особенно страдали медики еврейской национальности.

В городе появились слухи, что в лечебных учреждениях Одессы врачи и медсёстры евреи под видом прививок отравляют детей. Утверждали, что в трамваях еврейские врачи специальными шприцами вводят через одежду раковые клетки. В аптеках, где подавляющее число сотрудников были евреи, отказывались получать лекарства из-за опасения, что они отравлены. Над городом повис

мрак средневековья и мракобесия. В многострадальной истории еврейского народа уже не раз бывали подобные кровавые наветы. Так, в 1610 году медицинский факультет Венского университета официально заявил, что еврейский закон предписывает убивать одного из десяти христианских пациентов.

В связи с «делом врачей» антисемитские настроения достигли такого накала, что стало опасно евреям показываться на улицах из-за угрозы подвергнуться насилию.

На собраниях и митингах, которые устраивались без всякого принуждения властей(!), участники с редким единодушием и с большим воодушевлением требовали для «врачей – убийц в белых халатах» смертной казни. Ходили упорные и, увы, небеспочвенные слухи, что готовятся казнить их через повешение прилюдно, на площадях Москвы и других крупных городов страны. Жгли книги, где упоминались имена «врачей-убийц». Книг было очень много, так как редкая монография или статья писались без ссылок на труды этих учёных.

Для приобретения этих книг мы занимали в магазине очередь с ночи. Из-за большого спроса не всегда удавалось купить эти книги. В нашем институте почти еженедельно устраивались собрания, на которых при большом стечении студентов и преподавателей подвергались жестокой критике отдельные студенты-евреи за малейшую провинность. При этом никто не желал садиться рядом с еврейским студентом. Можно было наблюдать картину, когда при огромном стечении людей и нехватки мест оставалось свободное место рядом с евреем. Я с тоской думал, как мало нужно, чтобы превратить человека в подонка.

Особенно мучительна была мысль, что где-то в мрачных застенках КГБ солдафоны с кретинообразными

лицами подвергают мучительным пыткам еврейских учёных - цвет мировой науки.

В конце февраля 1953 года сообщили по радио, что у Сталина случился инсульт, который сопровождался мерцательной аритмией и дыханием Чейн-Стокса. Мы поняли, что дни диктатора сочтены. 5 марта он умер.

Моя тётя Соня горько рыдала, ломала в отчаянии руки и повторяла: «Сталин умер, и теперь мы пропали. Кто нас сейчас защитит?» Я смотрел на неё и думал о парадоксах жизни – в ответ на террор, преследования и убийства толпа ответила кровавому палачу покорностью и любовью.

Спустя месяц арестованных врачей освободили, было опубликовано сообщение об их невиновности и о применении к ним недозволённых методов дознания.

Юдофобы были весьма разочарованы. Помню, как наш студент по фамилии Татаревич (русский) из богатой и интеллигентной семьи громко выражал своё негодование: «Конечно, Сталин не брал взятки, а после его смерти евреи откупились, у них есть много золота. И теперь врачи-убийцы будут продолжать совершать свои чёрные дела». Характерно, что эти высказывания он выражал не в частной беседе, а прилюдно, в аудитории, где находилось множество студентов и преподавателей. И никто, ни один из присутствующих, не остановил его и не сказал, что он несёт полную чушь! Такие провокационные и подстрекательские высказывания можно было слышать повсеместно.

Однажды мы с ребятами гуляли в городе вечером. Нам встретился один пьяный тип, который громко кричал, что христианам наступил конец, так как умер Сталин, и некому будет их защитить от жидов. Правда, с этим пьяным антисемитом мы разобрались без промедления. В нашей компании находился спортсмен, у него был высокий разряд по боксу. Он подошёл к этому подонку и

нокаутировал его так, что через мгновение тот лежал, распластавшись на асфальте.

Поистине, Сталин умер, но дело его продолжалось. Так после смерти у трупа продолжается рост щетины на лице и отрастают ногти. Впрочем, это может доказывать, что дело не только и не столько в Сталине, сколько в глубоко порочной социальной и государственной системе.

На кафедре психиатрии в клинике мне довелось курировать больного, страдающего манией преследования. Это был журналист, до заболевания он работал корреспондентом в газете «Комсомольская правда». Множество его коллег было арестовано во времена «культ личности» Сталина по различным нелепым обвинениям. Мой пациент также ждал ареста и каждую ночь не спал, прислушиваясь к малейшему шороху. Такое нервно-психическое напряжение в течение длительного времени привело в конце концов к срыву, и у него развился психоз в виде бреда преследования.

Следует подчеркнуть, что кроме этого нарушения, других отклонений психической сферы у него не наблюдалось – он рассуждал вполне адекватно, прекрасно играл в шахматы (с лёгкостью обыгрывал меня, хотя у меня был разряд по шахматам). Он взялся научить меня... читать газету (газету, молодой человек, нужно читать между строк!) В общем, этот пациент научил меня, своего лечащего врача, многим полезным вещам. Естественно, что в процессе лечения я высказывал мысль, что, поскольку Сталин умер, можно уже не бояться ареста. В ответ на это мой больной, глядя на меня пронизательным взглядом, отвечал: "Сталин умер, но дело его живёт!"

Новый руководитель партии и правительства Никита Хрущёв разоблачил культ личности Сталина и осудил все его страшные преступления. Но положение евреев не улучшилось. Хрущёв в своей разоблачительной речи ни

слова не упомянул о преследованиях евреев, об убийствах работников культуры, кампаниях против «космополитов». Дискриминация евреев продолжалась – не были восстановлены культурные центры (театры, газеты), в институты по-прежнему был ограничен приём лиц еврейской национальности. Эта дискриминация самым болезненным образом отразилась на моей судьбе.

Весной 1954 года (по прошествии года после смерти Сталина!) я стал готовиться к государственным экзаменам. Перед экзаменами начала работать специальная комиссия по распределению на работу. Меня пригласил профессор Меерсон Д.Л. в свой кабинет и сказал: «Я оформил все документы, и направил их в деканат института с требованием оставить тебя в аспирантуре на моей кафедре. Надеюсь, что ты внесёшь достойный вклад в медицинскую науку. Ты останешься после меня, и я уверен, что клиника перейдёт в надёжные руки».

Бедный профессор! Он совершенно не в состоянии был оценить реальное положение вещей и витал в сфере фантазий, выдавая желаемое за действительное. Несмотря на молодость, я более трезво оценивал обстановку и выразил вполне обоснованное мнение о нереальности его плана.

Тем не менее, Дарий Львович настаивал на своём, считая, что студент, который в течение всего периода учёбы в институте получал только отличные оценки, является достойной кандидатурой в аспирантуру. Забегая вперёд, скажу, что в аспирантуре у нас не был оставлен ни один (ни один!) студент еврейской национальности, хотя были среди нас очень талантливые студенты, у которых во время учёбы в институте были опубликованы научные работы в медицинских журналах.

Все документы, которые представил на меня профессор Меерсон, в деканате даже не рассматривались и не

обсуждались (об этом мне по секрету рассказала секретарь).

В день распределения заседала комиссия, которая решала, куда направить на работу будущего врача. Согласно закону, студент, который занимался на отлично, имел право выбора. Я был лишён даже этой привилегии. На комиссии по распределению мне предложили работу врача-фтизиатра в туберкулёзном курорте «Олентуй», находящемся в Забайкалье (Читинская область). При этом я был лишён какого-либо альтернативного выбора. Главная причина столь сурового отношения ко мне была ясна. Председателем комиссии по распределению был директор института Дейнека И.Я. Между ним и профессором был конфликт, в котором Меерсон Д.Л. обвинил Дейнеку в некомпетентности. Об этом я уже писал.

Ясно, что Дейнека не упустил возможности отомстить, тем более, что в дело были вовлечены два еврея. Дейнека был патологический антисемит, очень злопамятный, и таких обид не прощал.

Я отказался подписать это направление на работу. По сути дела, оно носило издевательский характер. На Востоке страны в крупных городах было множество медицинских институтов – Новосибирск, Томск, Иркутск, Хабаровск и другие. Какой же смысл направлять в «Олентуй», кстати, находящийся недалеко от Иркутска, врача – выпускника Одесского мединститута, который расположен на расстоянии 7-8 тысяч километров от этого курорта? Я выяснил, в какие места направили остальных выпускников института еврейской национальности. В Европейской части Советского Союза не оставили почти ни одного еврея – всех направили на Восток страны. Стало совершенно ясно – проводилась скрытая депортация евреев, которую не успел осуществить кровавый диктатор Иосиф Сталин. У Сталина в последние годы его жизни

классовый геноцид постепенно трансформировался в расовый геноцид.

Целые народы (калмыки, чеченцы, крымские татары, ингуши, немцы Поволжья и другие) выслались из родных краёв в Сибирь, Северный Казахстан и другие восточные районы страны, где находились в нечеловеческих условиях. Конечно, депортацию евреев труднее осуществить в связи с отсутствием компактности их проживания, множеством смешанных браков и других факторов.

Но Сталин умер и не успел завершить свои чёрные дела. Его подельники решили «тихой сапой» закончить это гнусное дело, несмотря на осуждение «культы личности», который исподволь заменялся культом Хрущёва. Поистине, Сталин умер, но дело его жило и процветало.

Я рассказал профессору Меерсону, что меня не только не оставили в аспирантуре, но фактически отправили в ссылку. При этом пригрозили, что лишат меня диплома в случае неповиновения. Эта угроза была вполне реальной – мне предстояло сдавать государственные экзамены комиссии, председателем которой был Дейнека.

И, тем не менее, Дарий Львович решительно сказал: «Направление не подписывай! Я поговорю с влиятельными людьми и надеюсь, что мы добьёмся своего, вопреки желаниям и угрозам Дейнеки».

С моей точки зрения, это было чистейшее донкихотство, но я последовал его совету и направление не подписал.

Первый выпускной экзамен был по хирургии. Когда я вошёл в зал, Дейнека зло сказал: «Это студент, который не подписал направление. Сейчас проверим, каковы твои знания в хирургии!» На вопросы из билета я ответил полностью. Дейнека стал задавать мне дополнительные вопросы. Я прекрасно понимал, что при любом моём ответе ожидать благоприятного результата не приходи-

лось. Хотя вопросы были каверзные, я всё же отвечал на них, но вяло, без обычного воодушевления. В конце экзамена Дейнека сказал: «Сейчас мы ставим тебе оценку «хорошо», но в дальнейшем будет намного хуже. Я настоятельно советую тебе подписать направление на работу в курорте «Олентуй», иначе тебя ждут большие неприятности. Иди, и подумай об этом». Дейнека прекрасно знал, каким образом нанести болезненный удар. Ведь для меня оценка «хорошо», кстати первая за все годы учёбы в институте, означала, что я уже не получу диплом с отличием. Я молча вышел.

Узнав о результатах первого экзамена, профессор Меерсон вместе со мной поехал в институт. Он взял мою зачётку и вошёл с ней в кабинет директора института Дейнеки. Мне он велел подождать в коридоре. Через полчаса Дарий Львович вышел из кабинета. Вид его был ужасный. Он был бледен, весь какой-то сникший, с блуждающим тоскливым взором, и шептал в трансе: «Какой антисемит! Какой антисемит!» Я пытался его успокоить.

Профессор посмотрел на меня виноватым взглядом и сказал глухим голосом: «Извини меня, дорогой, я не смог выполнить своё обещание. Плетью обуха не перешибёшь. Тебе придётся подписать назначение в «Олентуй» и обязательно поехать. Дейнека - страшный человек и сделает всё, чтобы ты был осуждён в случае отказа. Но я клянусь тебе, что через год ты будешь работать на моей кафедре. Курорт находится в ведении ВЦСПС (профсоюз). Там один из руководителей – мой друг. Как только ты приедешь на место, напиши мне подробное письмо».

В это время из кабинета вышел Дейнека. Он окинул нас надменным взглядом, в котором явно сквозило злорадство и высокомерие, и сказал, обращаясь ко мне: «Пойми, здесь и без тебя много хороших врачей. Поэтому тебя направляют в отдалённый район, где имеется острая потребность в

квалифицированных специалистах».

Я молча выслушал его сентенции. Дейнека направился к выходу решительным и бодрым шагом. Я взглянул на Дария Львовича, и мне стало жалко его до слёз. Меня мучила обида за моего Учителя, который отличался невероятным благородством, высокой культурой и интеллигентностью. Эти качества резко контрастировали с хамством нашего директора Дейнеки, который торжествовал, видя унижение и бессилие своего врага.

Увы, в жизни очень нередко побеждает не добро, мудрость и благородство, а их антиподы – зло, мерзость и хамство. Я смотрел на моего профессора Дария Львовича и размышлял, как современно и актуально звучат слова, сказанные свыше 400 лет назад Шекспиром в знаменитом 66 сонете:

Я смерть зову, глядеть не в силах боле,
Как гибнет в нищете достойный муж,
А негодяй живёт в красе и холе;
Как топчется доверье чистых душ,
Как целомудрию грозят позором,
Как почести мерзавцам воздают,
Как сила никнет перед наглым взором,
Как всюду в жизни торжествует плут,
Как над искусством произвол глумится,
Как правит недомыслие умом,
Как в лапах Зла мучительно томится
Всё то, что называем мы Добром.

(Перевод О. Румера)

Направление на работу в курорт «Олентуй» я подписал, так как в случае отказа Дейнека мог потребовать показательного суда надо мной, чтоб другим неповадно было нарушать «установленный порядок», и таким образом добиться повиновения при назначении на работу врачей - выпускников института.

Остальные экзамены я сдал все на «отлично», но это не имело никакого значения. Правда, к моему удивлению, Дейнека предложил мне пересдать экзамен по хирургии, чтобы получить диплом с отличием. Но я был настолько разочарован и подавлен всем произошедшим, что не видел никакого смысла в этом, и в довольно резкой форме ответил ему отказом. Не думаю, что Дейнека очень огорчился моим отказом, хотя для института показатель количества выпускников с отличным дипломом имел определённое значение.

Вручение дипломов происходило в торжественной обстановке. Директор института Дейнека давал напутствие каждому врачу, желал успехов во врачебной деятельности и пожимал руку. Когда подошла моя очередь, я взял диплом и ушёл, оставив руку директора протянутой для рукопожатия без ответа. Этого Дейнека также мне не простил. В курорт «Олентуй» прибывало множество запросов, прибыл ли я на работу, что вызвало немалое удивление у главного врача.

Прибыв на место работы, я без промедления написал подробное письмо Дарию Львовичу. К моему удивлению и огорчению, прошло много времени, а ответа от него не было. Наконец, спустя несколько месяцев, было получено письмо, в котором профессор Меерсон писал, что перенёс тяжёлый инфаркт миокарда и ему был назначен строгий постельный режим. Профессор писал, что по-прежнему любит меня и приложит максимальные усилия, чтобы я работал на кафедре фтизиатрии и занимался научной деятельностью.

Спустя несколько дней, развернув «Медицинскую газету», я с ужасом увидел некролог, в котором выражалось глубокое соболезнование по поводу кончины профессора, заслуженного деятеля науки Меерсона Дария Львовича. Я сидел ошеломлённый, в глубокой скорби, не в

состоянии поверить, что уже никогда не увижу моего любимого Учителя, не услышу его голоса, его чудесных лекций. Я вспоминал его улыбку, его взгляд, его поистине отеческое отношение ко мне. Передо мной предстал вид его после беседы с директором института по поводу моего распределения на работу, он тогда был бледен, как стена, подавленный, руки его дрожали.

И стало мне абсолютно ясно – не умер мой Учитель, он был убит. Убит системой, основанной на лжи, фальши и лицемерии. Дейнека не простил, когда профессор разоблачил его невежество, бездарность, непрофессионализм, и жестоко отомстил ему. В эту трагедию поневоле и я был вовлечён: чем настоятельнее Дарий Львович рекомендовал меня в аспирантуру, тем наглее и циничнее Дейнека отказывал ему.

Самое страшное было то, что за деньги (большие деньги!) можно было остаться в аспирантуре, о чём мне намекали некоторые знакомые. Но средства для достижения этой заветной цели были для меня абсолютно неприемлемыми. Жениться ради денег я не мог по принципиальным соображениям. Конечно, в наш век, где материальная выгода часто является приоритетной при решении различных проблем, мои принципы могли выглядеть старомодными и неактуальными, но в этих вопросах я не допускал никаких компромиссов.

Какая странная ирония судьбы! То, что не под силу было сделать крупному учёному, профессору Меерсону Д.Л., мог сделать какой-нибудь толстосум, обладающий капиталом. Коррупция была неотъемлемой составляющей советского общества, корни которой тянулись ещё от царской России, и при советской власти умножилась многократно. Как бы то ни было, я очутился в положении, при котором все нити, ведущие в науку, были со смертью

профессора Меерсона оборваны, и передо мной захлопнулась дверь.

Забегая вперёд, скажу, что в последующем были у меня попытки поступить в аспирантуру. В 1957 году я подал документы для участия в конкурсе с целью поступления в аспирантуру. Все экзамены я сдал, но согласно заключению комиссии не прошёл по конкурсу. Мне даже не сообщили результаты экзаменов.

Когда я рассказал об этом моему другу Додику Шамракову, он ответил мне: «Послушай, ты вроде не производишь впечатления идиота и наглеца, но в твоём поведении неизвестно, чего больше – глупости или наглости. Разве неизвестно тебе, что это место аспиранта давно уже забронировано для какого-то сынка партийного руководителя, и ты выполняешь функцию статиста, для создания видимости, что этот сынок поступил по конкурсу. Твои шансы поступить в аспирантуру по конкурсу изначально были обречены на неудачу. Неужели ты, еврей, настолько оторван от реальной жизни, что не в состоянии понять эту очевидную истину?»

Мой друг, безусловно, был абсолютно прав. И, тем не менее, я через год... опять подал документы для участия в конкурсе. Результаты были совершенно ошеломляющие. За 3 дня до начала экзаменов мне вернули все документы под предлогом, что в моей автобиографии не была указана дата её составления, хотя все эпизоды моей жизни излагались в хронологическом порядке с точным указанием даты. Под этим письмом, носившим откровенно издевательский характер, стояла подпись министра здравоохранения Ковригиной. Характерно, что мои документы были возвращены перед самым началом конкурсных экзаменов, так что отправить их повторно уже не оставалось времени.

Странно, но я не испытывал в этот раз никакого

ощущения горечи и досады, а, наоборот, отнёсся к этому с чувством юмора. Очевидно, было у них уже достаточное количество «статистов» для создания видимости конкурса, и моё участие в этом спектакле стало неактуальным. Администрация института отнеслась ко мне весьма гуманно и отправила назад мои документы с опозданием, чтобы я имел возможность сэкономить время, деньги, нервы и... чувство разочарования в случае неудачи, которая была более чем вероятной.

В общем, с мечтой о научной деятельности мне пришлось распрощаться окончательно. Системе Страны Советов не нужны были ни мои знания, ни мои способности. Стране Советов я, лицо еврейской национальности, вообще не нужен был. И не место мне в аспирантуре в Одессе, а место моё в тайге, в тысячах километрах от культурных центров, поближе к Биробиджану. Это была явная, неприкрытая депортация. Советские власти пытались завершить то, что не успел закончить кровавый палач Иосиф Сталин.

Сталин умер, но дело его жило и процветало. Империя, которую создал диктатор, империя лжи, фальши и нетерпимости продолжала своё существование.

Отныне самой моей заветной мечтой было уехать из этой страны.

Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Времена меняются, и мы меняемся с ними. На стр. 172-173 мои друзья-сокурсники в студенческие годы и спустя 50 лет.

Алик Кременецкий

Я с Софой Духовной

Я с Юрой Сосновым и Ваней Сытником

Через полстолетия: стоит Юра Соснов; Софа Духовная, я, Саня Недува, Алик Кременецкий

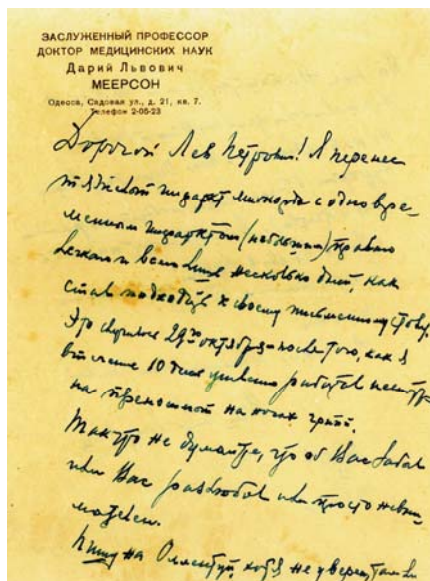
Встреча Нового 1951 года на квартире, где я проживал вместе с моим другом Аликом Кременецким. На переднем плане – наша квартирная хозяйка тётя Соня, человек невероятно доброй души и благородства. Она заботилась о нас, как мать родная. Рядом с ней – Алик.

После окончания пятого курса Медицинского института мы проходили военные сборы в качестве рядовых солдат. На сборах мы подвергались бессмысленной муштре и унижениям со стороны командиров подразделения. Пища была настолько недоброкачественной, что её невозможно было есть. Кроме того, в 40-градусную жару мы постоянно носили солдатское обмундирование, которое совершенно не соответствовало сезону. Мы были крайне истощены и измучены, в чём можно убедиться, глядя на фотографию, сделанную в конце сборов (1952 год).
На снимке: сидят – Ваня Сытник и Додик Шамраков, стоят: я, Юра Соснов и Саул Сирота.

Я на офицерских курсах в качестве капитана медицинской службы (1958 г.)

Письмо от моего Учителя профессора Меерсона Дария Львовича, в котором он пишет, что перенёс тяжёлый инфаркт, но не теряет надежды принять меня к себе в аспирантуру. «...Не думайте, что я о Вас забыл или Вас разлюбил или просто невнимателен. Пишу на Олентуй, хотя не уверен, там ли Вы ещё».

Одесский Медицинский институт. Фтизиатрический цикл. В центре – профессор Меерсон Дарий Львович. Внизу слева – я излагаю методику наложения пневмоторакса во время практических занятий. Внизу справа – я докладываю историю болезни во время обхода. 1953 год.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ

Встреча с будущей женой. Любовь с первого взгляда. Женидьба. Трудные решения. Первые дни в «Олентуе». Родословная жены Брони.

*Дом и богатство – наследие отцов,
но от Господа разумная жена.
Притчи Соломоновы, 19*

Я встретился с девушкой, которая стала моей судьбой, моей жизнью, моим самым дорогим и любимым человеком на свете.

Стройная, миловидная смуглянка, с нежными чертами лица и большими миндалевидными глазами. Настоящая еврейская красота, унаследованная от нашей праматери Сары и описанная в Кумранских свитках: *«О, как румяны её щёки, как изящен её нос и как сияет её лицо! О, как красивы груди её и незапятнанна белизна её тела! Как сладостно смотреть на её плечи и руки, полные совершенства! Как тонки и нежны её пальцы, как изящны и стройны её ступни и бедра!»*

Броня, Бронечка, Золотая Рыбка стала единственной и неповторимой в моей жизни. Кажется, только вчера произошла наша встреча. Мы сразу понравились друг другу, возникло взаимное притяжение, и казалось, что мы знакомы не менее 100 лет. Мне было хорошо, уютно, тепло с ней, и, расставаясь, я с нетерпением ждал новой встречи.

Мы гуляли в окрестностях Вапнярки, в тени деревьев рощи, которую почему-то называли Цыганским лесом. Говорили мы немного, временами молча ходили, и было наше молчание красноречивее слов.

Разумеется, это была любовь с первого взгляда, которая встречается в жизни нередко, и многократно воспета в

поэзии. Но кроме того, был ещё один немаловажный фактор, который способствовал нашему сближению. Наш социальный статус был совершенно одинаков, мы оба произошли из семей ремесленников с невысоким материальным достатком. История жизни предков Брони поразительно похожа на историю жизни моих предков. Мы оба воспитывались в еврейских семьях, соблюдавших религию, традиции и праздники еврейского народа. Мы оба закончили одновременно учебные заведения, приобрели специальность и начинали новую жизнь. И, наконец, оба мы из маленьких еврейских местечек, сохранивших обычаи и культуру еврейского народа. Можно сказать, мы - провинциалы в хорошем смысле этого слова, сохранившие скромность и целомудрие, лишённые развязности и снобизма, которые нередко свойственны городским жителям.

Попутно замечу, что в отношении интеллектуального развития мы не отставали от городских ребят. Короче говоря, мы были птенцы из одного гнезда, что способствовало нашему сближению и развитию чувства солидарности, сопереживания.

22 июля 1954 года нас расписали в поселковом Совете Вапнярки, и мы стали мужем и женой. Эту знаменательную дату мы отмечаем ежегодно, как счастливейший день нашей жизни. Много воды утекло с тех пор. Жизнь наша не была усеяна розами. Были счастливые времена, но были времена тяжёлых испытаний. Прожитые годы ещё больше сблизили нас, мы стали родными друг другу, у нас стали одинаковыми образ жизни и мыслей, привычки, вкусы...

У нас всегда сохраняются добрые отношения, которые проявляются в заботе друг о друге, внимании и в ласковых словах. Годы, увы, не щадят нас, красота юности уходит, болезни налагают свои отпечатки, появляются морщины. Но моя Бронечка, моя Рыбка, по-прежнему

любима и по-прежнему привлекательна для меня. И нет большего счастья, чем, проснувшись утром, услышать спокойное дыхание моей родной и любимой жены.

День, когда мы стали мужем и женой, был для меня радостным и счастливым. Но на ясном, солнечном горизонте была одна тучка, которая отравляла мою радость и вызывала у меня чувство острой тревоги и душевную боль.

Фактически я был направлен на работу врачом в место, которое скорее напоминало ссылку. Курорт «Олентуй» находился в тайге, далеко от населённых пунктов. Там не было ни кино, ни театра, ни парка, ни каких-либо других развлечений. А были там морозы, при которых столбик ртути опускался до 45 градусов ниже нуля, и пар от дыхания мгновенно превращался в льдинки, которые оседали вокруг рта. Летом была мошкара, тучи беспощадно жалящей мошкары, оставляющей на теле зудящие волдыри. Был страшный вой волков по ночам, которых голод гнал поближе к человеческому жилищу.

И, самое страшное, моя жена – зубной врач, должна лечить туберкулёзных больных, манипулировать в их ротовой полости и подвергать себя риску заражения.

И все эти испытания – за многие тысячи километров от родного дома, от родителей и близких. Я смотрел на свою жену, хрупкую и нежную, любимицу своих родителей, которые лелеяли и опекали её и изо всех сил старались, чтобы их доченька ни в чём не нуждалась.

Меня одолевали тяжкие думы, я чувствовал себя преступником и эгоистом, подвергающим риску свою юную и любимую жену. Смогу ли я быть опорой и защитником своей, как мне казалось, беззащитной и хрупкой супруги? Этот вопрос мучил меня и не давал мне покоя ни днём, ни ночью.

А дальше всё происходило по библейскому сценарию,

который доказывает, что всё в мире повторяется.

«...И призвали Ривку, и сказали ей: «Пойдёшь ли с человеком этим?» И она сказала: «Пойду».

Берешит, 24:58

Моя Броня безоговорочно поверила мне и выразила готовность вместе со мной преодолевать все трудности. Её решение было твёрдым и решительным, не допускающим каких-либо сомнений. Замечу, что речь шла не о какой-то перезрелой девице, использующей последний шанс выскочить замуж, и ради этого готовой на всё. Броне было всего 22 года, она расцвела, как прекрасная роза, была очень привлекательна. И не было недостатка в желающих её руки и сердца, многие сочли бы за счастье соединить свою судьбу с ней. И всё же где-то там, в неведомых нам сферах, были приняты решение и выбор. Я стал её избранником, и я должен был оправдать её доверие и быть ей опорой и защитой.

Мы вступили в новую жизнь. Что нас ожидает? Какие испытания она принесёт нам? Хватит ли сил у нас преодолеть все трудности, неизбежные в бушующем море жизни? Ответ мог быть получен только в процессе нашей совместной борьбы за достойное будущее. И здесь открылись у моей жены грани характера, граничащие с чудом. За хрупким и нежным обликом моей Брони таилась личность с твёрдой волей и сильным характером, умение принимать самостоятельные решения и осуществлять их, когда этого требовали обстоятельства. Все трудности, которые встречались на нашем жизненном пути, она переносила с мужеством и стойкостью, и за все годы нашей жизни я ни разу не слышал от неё жалоб и упрёков.

В конце августа мы отправились в дальний путь поездом «Москва – Владивосток». На московском вокзале нас провожала мама Брони, - моя тёща. Я её с первого дня называл мамой, и она действительно была моей второй

мамой. Конечно, чувство тревоги не покидало её, и она просила меня беречь и опекать свою любимую доченьку. Я заверил её, что у неё не будет повода для переживаний, и я приложу все усилия для того, чтобы быть защитой моей молодой и любимой жены.

Мы вошли в вагон, и поезд тронулся. Поездка была очень мучительной. Свыше семи суток непрерывного стука колёс вагона, паровозных гудков, угольной пыли, мелькания полей, лесов и тайги, питания в вагоне-ресторане недоброкачественной пищей, скандалов пьяных дебоширов. Несколько раз пришлось менять постель, так как через 2-3 дня она становилась чёрной от угольной пыли. Наконец к полудню мы прибыли в Читу. Была ясная, солнечная погода, и, к нашему большому удивлению, довольно жарко.

Из Читы мы автобусом отправились в город Карымское, который находился на расстоянии 30 километров. Оттуда переправились паромом через горную речку Ингода, которая в это время года была спокойной. Весной эта небольшая речушка разливалась и становилась настолько бурной, что переправа с помощью парома становилась невозможной, и связь с курортом, доставка продовольствия и предметов первой необходимости осуществлялась с помощью вертолётов.

На другом берегу речки нас уже ждал старый автобус, так как было заранее извещено о времени нашего приезда. Мы сели в автобус, и он повёз нас по грунтовой, извилистой дороге, подпрыгивая на ухабах.

Прибыли мы на место, когда стемнело, и густые сумерки окутали землю. Нас встретил человек с фонарём «летучая мышь», который отбрасывал причудливые, колеблющиеся тени от людей и деревьев. Вдали между деревьями виднелись смутные силуэты домиков с тускло светящимися окнами. Было довольно холодно, трава и

листья деревьев покрылись инеем. Такой резко континентальный климат с большой амплитудой колебаний температуры был характерен для этих географических широт.

Наш проводник повёл нас по узкой извилистой тропинке к небольшому домику. Он постучал в окно, открылась дверь, и мы вошли внутрь. В гостиной за столом сидели две женщины - мать и дочь. Как выяснилось, дочь работала врачом-фтизиатром. Женщины приняли нас довольно сухо, на наши вопросы отвечали односложно, нехотя, так, что мы не могли удовлетворить наше любопытство.

Между тем, нас очень интересовали бытовые условия, специфика и оплата труда, контингент больных и многое другое. Убедившись, что наши хозяева не склонны к откровенной беседе, мы вошли в отведенную нам для отдыха маленькую комнату. В ней находились кровать, пара табуреток и тумбочка. Длительное путешествие нас очень утомило, поэтому мы сразу легли спать и быстро уснули крепким сном. Ночью мы проснулись от громкого и продолжительного кашля молодой женщины. Это был мучительный, приступообразный кашель, сопровождающийся стоном с особым резонирующим звуком, который не оставлял сомнения в его туберкулёзном происхождении. Особый резонанс указывал на то, что происходит распад лёгких, и в них образовались пустоты (каверны). Такой кашель сопровождается выделением огромного количества туберкулёзных палочек и представляет большую опасность для окружающих. Всё это вызвало у нас острую тревогу.

До утра мы не сомкнули глаз. Утром я пошёл к директору курорта и предъявил ему ультиматум – если до полудня нам не будет выделена отдельная квартира, мы уезжаем домой. В кабинете находился секретарь партий-

ной организации, молодой худощавый мужчина, с лихорадочным румянцем на запавших щеках и особым блеском глаз. Эти симптомы не оставляли сомнений, что человек болен активным туберкулёзом. Он обрушился на меня с обвинением, что я веду себя не как советский человек, который не боится трудностей, а как трусливый обыватель. «Вы приехали сюда не к теще на блины, - кричал он в ярости, - а лечить наших советских тружеников, строителей коммунистического общества».

Я ответил, что действительно приехал лечить больных. Но я категорически отказываюсь жить в одной комнате с болеющими открытой формой туберкулёза и подвергать риску заражения мою молодую жену. Я заявил ему, что его слова не более, чем дешёвая демагогия, призванная прикрыть бездействие и разгильдяйство администрации и его лично, секретаря партийной организации. Они были осведомлены о нашем приезде, и обязаны были приготовить нам жильё согласно условиям приёма на работу молодых специалистов.

Мой решительный тон и угроза возымели своё действие. Через несколько часов нам выделили однокомнатную квартиру в большом бревенчатом доме. Там же проживали в отдельных квартирах два врача (оба больных туберкулёзом) и фельдшер со старенькой мамой. В доме отсутствовали водопровод и, разумеется, канализация. Все «удобства» находились на дворе, и пользование ими в сорокаградусные морозы вряд ли вызывало состояние комфорта. Воду для питья мы набирали из незамерзающего источника у подножия сопки. Она была минерализована, насыщена углекислым газом, содержала большое количество железа и имела красноватый оттенок. Воду для бытовых нужд нам доставляли в больших цистернах. Зимой из-за метелей возникали перебои с доставкой воды. В таких случаях мы использовали снег. По ночам нередко

с воем ветра и снежным вихрем перемешивался вой волков, которые приближались к жилищу человека и задирали овец. Во время моего дежурства Броня оставалась одна в квартире.

В комнате была выложенная из кирпича печь, которая служила для обогрева помещения и приготовления пищи. Мясо и молочные продукты мы покупали у бурятов в замороженном виде. Остальные продукты нам выписывали за деньги из склада пищеблока.

После того, как мы осмотрели квартиру и дали согласие, из склада нам завезли старую мебель – стол, стулья, шкаф и кровать. Мы были довольны тем, что добились исполнения наших требований и получили жильё. Конечно, наша квартира была очень далека от минимальных бытовых удобств, но мы понимали, что в данных условиях требовать что-либо другое, лучшее – нереально.

После уборки комнаты, которая затянулась допоздна, мы, усталые, но довольные, легли спать и мгновенно уснули. А ночью оба проснулись от страшного зуда. Когда мы зажгли свет, перед нами предстала страшная картина, которую и сейчас, по истечении многих лет, я не могу вспомнить без содрогания и чувства отвращения.

Вся постель – простыни, одеяла, подушки, была усеяна огромным количеством клопов. Целые полчища этих отвратительных насекомых кроваво-красного цвета выползали из неведомых щелей, часть падала на нас прямо с потолка. Когда их давили, они издавали отвратительный запах, и на белье оставалось красное пятно.

Мы вскочили с постели и остаток ночи провели за столом. Утром мы пошли на склад, и нам выписали литр керосина – эффективного средства борьбы с клопами. Кровать вынесли на улицу, полили кипятком и смазали керосином. По нашей просьбе все щели были тщательно зашпаклёваны, затем стены и потолок побелены изве-

стью. Все принятые нами меры дали хороший результат – в нашей квартире никогда больше не было этих отвратительных насекомых.

4 сентября 1954 года мы вышли на работу. Был ясный, солнечный день, бодрящий лёгкий морозец, деревья и трава обильно покрыты инеем. Несмотря на все перипетии первых дней пребывания на этой земле, у нас было хорошее настроение. Мы были молоды, здоровы, была у нас любовь и вера друг в друга, была у нас надежда и уверенность, что мы сумеем преодолеть все трудности на нашем жизненном пути. Мы шли, взявшись за руки, улыбались друг другу и были счастливы. Наш медовый месяц продолжался.

Здесь, на краю земли, за много тысяч километров от родных и близких, началась наша трудовая деятельность на ниве медицины, которая продолжалась без малого столетия.

...Жизненный путь моей жены и её родословная удивительно напоминают мою родословную, что свидетельствует об общности судьбы и истории еврейского народа в условиях царской России, и, в последующем, в Советском Союзе. Евреи подвергались дискриминации независимо от места рождения, материального благополучия, профессии и образа жизни.

Моя жена Бронислава, в девичестве Пинис, родилась 30 июля 1932 года в Тульчине, в небогатой семье. Родители обожали её, и она ни в чём не испытывала недостатка. Несмотря на это, она не была избалованным и капризным ребёнком. Единственным её «недостатком» в детстве – была страсть стирать вещи. Иногда ей попадало от матери, особенно в случаях, когда она пыталась стирать совершенно новые, недавно купленные вещи. Кстати, эта страсть к стирке осталась у неё и тогда, когда она стала

взрослой, и я не помню случая, когда бы у нас накапливалось грязное бельё или одежда.

Тяжёлым испытанием для неё и всей семьи, как и для всего населения Советского Союза, явилась Вторая мировая война. Положение усугублялось тем, что в семье был крошечный ребёнок. 27 мая 1941 года родилась сестра Брони – Света. Вся семья с ребёнком, которому исполнилось всего 3 недели, бежала на Восток, в глубь страны, спасаясь от нацистов. Вместе с ними эвакуировалась также бабушка Сура со стороны матери. Дедушка Аврум-Лейб наотрез отказался от эвакуации, так как не хотел оставить свою старшую дочь Хону. Муж Хоны служил в армии, и его часть была дислоцирована в Тульчине, поэтому она не желала его оставить, полагая, что немцы не дойдут до Тульчина.

А дедушка Аврум-Лейб считал, что немцы - цивилизованная нация и не будут преследовать евреев. Это мнение было чрезвычайно распространено среди пожилых евреев, у которых был опыт общения с немцами в 1918 году, во время оккупации немцами Украины. Поэтому он со спокойным сердцем распрощался со всеми и выразил полную уверенность, что в недалёком будущем все будут вместе.

Увы, действительность оказалась совсем не такой, как предполагалось. Дедушка Аврум-Лейб и его старшая дочь Хона были замучены фашистами в печально известном концлагере Печоры, и место их захоронения – неизвестно. Чудом спаслись двое маленьких детей Хоны – Эмма 3 лет и Миша 11 лет. Этих детей после войны воспитывали и опекали родители Брони – Элык и Гися.

Между тем семья Брони под непрерывными бомбёжками, сеющими смерть и разрушения, с крошечным грудным ребёнком спасалась бегством от стремительно наступающих фашистских орд. С огромным трудом им

удалось добраться до города Наманган в Узбекистане. Положение усугубилось ещё тем, что отца Брони Элыка мобилизовали в армию и отправили на фронт.

В Наманганской области они жили в небольшой комнате вместе с сестрой мамы – Маней и её детьми Ромой 10 лет и Эммой 7 лет. Позже родился у неё третий ребёнок, которого назвали Вадик. Там же, вместе с ними в комнате жила двоюродная сестра Гиси – Соня с двумя маленькими детьми. И весь этот кагал жил в одной комнате, в неимоверной тесноте, нужде и голоде.

Несмотря на скученность и трудные условия, между ними никогда не возникали ссоры или конфликты. В этом была большая заслуга мамы Брони – Гиси. Гися обладала большим организаторским талантом, умением самостоятельно принимать решения, инициативностью, трудолюбием.

Трудно сказать, какова была бы судьба всех, если бы не Гися. Она трудилась в колхозе и приносила оттуда картофель, морковь и другие овощи. Председатель колхоза побаивался её – он знал, что если к нему обращается Гися с просьбой о помощи, он вынужден будет выполнить её требование. Жена фронтовика, мать маленьких детей, неутомимая работница в колхозе знала свои права, и пользовалась ими в полной мере. Это спасло её семью и семьи родных и близких. Тяжёлые годы эвакуации не сломили и не ожесточили мою Броню, а наоборот, выработали у неё стремление к добру, милосердию и помощи нуждающимся. Она трудилась вместе с мамой и опекала сестричку Свету.

К концу войны семья Брони вернулась в Вапнярку. Их дом, как и большинство других зданий, был разрушен и разграблен. Некоторое время им пришлось жить в землянке. Они по-прежнему испытывали материальные трудности и голод. К счастью, вернулся с фронта отец

Брони, Элык, живой и невредимый, что было нечастым явлением в те лихие годы. Элык в совершенстве владел ремеслом печника и маляра. Это ремесло перешло к нему по наследству от отца – Моти. Мотя пользовался славой отличного печника. Находясь в Печорском лагере, он пользовался определёнными привилегиями - ему был выделен отдельный закуток в бараке.

Чтобы объяснить, почему простой печник пользовался такими исключительными привилегиями, необходимо знать, какое значение имели печь, плита для жителя провинции в то время. До настоящего времени слова жильё и очаг – синонимы. Печь в доме была главным средством существования. На плите готовили горячую пищу, в печи пекли хлеб не реже раза в неделю, зимой печь обогревала жилище. Для того, чтобы выложить печь с хорошей тягой, чтобы она давала много тепла при минимальном расходе топлива и чтоб не дымила, требовалось большое мастерство и даже искусство.

Такие умельцы пользовались большой популярностью, их слава гремела иногда далеко за пределами района. Секрет укладывания хорошей печи передавался из поколения в поколение и неукоснительно соблюдался. Поэтому можно предположить с большой долей вероятности, что отец Моти и дед его также были печниками. Естественно, что хороший печник зарабатывал много денег.

Отец Брони был очень трудолюбив и много работал. Поэтому спустя короткое время его семья существенно улучшила своё материальное положение. Броня и её младшая сестра Света не испытывали каких-либо ограничений в питании, одежде и других жизненных потребностях.

Их дом в Вапнярке стал настоящим оазисом, он славился исключительным гостеприимством. Очень часто

родственники, друзья, проезжающие транзитом через Вапнярку, которая являлась крупной узловой станцией, останавливались у них и всегда находили кров, стол и доброе слово. Мать Броня была искусной стряпухой и готовила очень вкусные блюда. Это искусство приготовления пищи она передала своим дочерям, которые оказались в этом отношении способными ученицами. Моя жена славится умением готовить вкусные блюда.

В 1951 году Броня закончила десять классов, поступила в Ростовскую зубоврачебную школу и через три года после её успешного завершения получила диплом зубного врача.

Броня очень хороший специалист, пациенты её просто обожали. Особенно её любили дети. Они знали, что эта «тётя доктор» лечит зубы без боли, и всегда старались попасть только к ней.

Волею судьбы, в начале нашей трудовой деятельности мы должны были лечить больных туберкулёзом. Естественно, что риск заражения зубного врача, которая производит манипуляции в ротовой полости пациента, очень велик. Поэтому я настаивал, чтоб она работала в маске. Моё требование вызвало протест администрации курорта, а также больных, которые усмотрели в этом унижение и дискриминацию. Несмотря на их протест, я настоял на своём и заявил, что если не будет разрешено ей работать в маске, она вообще не выйдет на работу. Это было воспринято как забастовка, которая в Советском Союзе считалась проявлением враждебности делу социализма. Несмотря на всю эту демагогию, мы добились своего, жена постоянно работала в маске во время приёма больных.

В последующем пациенты, которым жена оказывала стоматологическую помощь, были настолько довольны высококвалифицированным лечением, что вопрос о работе в маске вообще не возникал.

Подробности нашей жизни и врачебной деятельности на курорте «Олентуй» будут описаны в следующей главе.

Предки Брони были простые люди, зарабатывающие на хлеб насущный тяжёлым и честным трудом. Её дедушка со стороны матери Аврум-Лейб был стекольщиком и зарабатывал на жизнь тем, что отправлялся в сёла с тяжёлым ящиком, загруженным стеклом, который он нёс на плече, и стеклил окна у деревенских жителей. Аврум-Лейб был сильный, высокий, красивый мужчина. Его дети были похожи на него, и все отличались красивой внешностью, особенно Гися – мама Брони, и самая младшая дочь, которую также звали Броня. Жену Аврум-Лейба звали Сура. У Суры было очень тяжёлое детство. В шестилетнем возрасте она осталась сиротой – умерла её мать. Отец работал портным, и его материальное положение не давало возможности содержать дочь. Поэтому он отдал её на воспитание своей сестре, которая вскоре тоже умерла. И всё же Сура сумела преодолеть все жизненные невзгоды и покорила сердце красавца Аврум-Лейба. Они поженились примерно в 1906 году, и их брак был счастливым. Они любили друг друга, и у них родилось шестеро детей – 4 дочери и 2 сына.

Самая старшая, первенец, Хона родилась в 1908 году, её муж Эйвиш был военнослужащий и служил в Тульчине, где жила вся её родня. У них было двое детей. Когда началась Вторая мировая война, Эйвиша отправили на фронт в боевые части. Вскоре прибыло извещение, что он пропал без вести. В самом начале войны, когда советские войска отступали в беспорядке, была страшная паника в армии и неразбериха. Такие сообщения в первые годы войны были нередки и причиняли большие страдания родным и близким. Для властей термин - «пропал без вести» был синонимом сдачи в плен. По концепции

Сталина каждый, попавший в плен, рассматривался как предатель, независимо от того, при каких обстоятельствах это произошло. Понятно, что члены семьи этого солдата лишались пособия и часто подвергались наказанию – ссылке, увольнению с работы, выселению из коммунальной квартиры и другим репрессивным мерам.

Младший сын дедушки Аврум-Лейба – Реувен до начала войны окончил артиллерийское училище. В районе Киева он попал в окружение, но ему удалось вместе со своей частью с боями вырваться из кольца. Затем он продолжал воевать, отличался храбростью в боях, был награждён двумя орденами Красной Звезды и множеством медалей. В 1944 году он пал смертью храбрых в Эстонии и был похоронен в братской могиле в районе Нарвы.

Семья отдала в жертву Молоху войны самое дорогое – отец и дочь замучены в нацистском концлагере, сын отдал свою жизнь в боях за защиту Родины.

Старший сын Аврум-Лейба - Миша получил университетское образование на историческом факультете в 1939 году. В начале своей трудовой деятельности он увлёкся иудаизмом, работал директором еврейской школы в местечке Томашполь и преподавал историю в этой школе. Во время войны он был мобилизован в действующую армию, в его мировоззрении произошёл резкий поворот. В силу определённых обстоятельств он стал сотрудником НКВД. Я несколько раз встречался и беседовал с ним. Это был человек глубокого ума, но у меня сложилось впечатление, что он весьма далёк от иудаизма и являлся классическим примером ассимилированного еврея. Такие метаморфозы с евреями случались нередко в Советском Союзе и объяснялись не столько идеологическими мотивами, сколько попыткой приспособиться к суровым условиям советской действительности.

Самая младшая дочь, мызыныкл, Броня родилась в 1927

году. Она отличалась исключительным остроумием, всегда была душой различных увеселительных мероприятий. В 1948 году она вышла замуж. Её муж, Борис, - участник Отечественной войны от первого до последнего дня. Они очень любили друг друга. Броня (мы в шутку с моей лёгкой руки называли её тётушкой) работала медсестрой, а муж – врачом-ларингологом. У них родилась дочь Люда (Люся).

Длительное время их семья жила вместе с Гисей и Эльком, которые относились к ним с большой любовью. Эльк, папа Брони, неустанно повторял, что для него «тётушка» - родная дочь. Мы были очень близки с Борисом и Броней. Наши дети – Рома (наш сын) и их дочь Люся росли и воспитывались вместе как брат и сестра. К нашему большому прискорбию, Броня, наша дорогая «тётушка», умерла от тяжёлой болезни на 69 году жизни в 1996 году.

Смерть Брони была тяжёлым потрясением для всех нас, и особенно для Бориса, её мужа. Его горе притупилось активной трудовой деятельностью. Целый день он был занят работой. В нём раскрылся многогранный талант – он сочиняет неплохие стихи, рисует, музицирует на электронном пианино. При этом ведёт самостоятельно домашнее хозяйство, прекрасно готовит. Всё это заполняет весь день и даёт возможность отвлечься от горьких дум, а также служит профилактическим средством против депрессии – заболевания, весьма распространённого в наше беспокойное и тревожное время.

Как уже отмечалось, дедушка со стороны отца Моти был прекрасный печник, неплохо зарабатывал и скопил капиталец, который ссужал под проценты. Я встречался с ним часто, когда работал короткое время врачом в Тульчине. Он поражал меня своим острым умом, логикой, мудрыми рассуждениями. Его жена Эстер, полная,

невысокого роста женщина вела домашнее хозяйство, боготворила мужа и всегда соглашалась с его мнением. Они прожили вместе всю жизнь до глубокой старости и умерли оба с небольшим промежутком времени в 3 года. У них было 5 детей, - два сына и три дочери.

Первенец Мойше со своей молодой женой Бузей и крошечным ребёнком Лизой эмигрировал в Канаду примерно в 1919 или 1920 году. Вначале от него прибывали письма, но вскоре связь прекратилась. В условиях Советской власти родственник за границей был компрометирующим фактором.

Война также не обошла горем семью дедушки Моти. Его дочь Доня, которая жила перед войной в Донбассе, погибла вместе со своей семьёй при невыясненных обстоятельствах. В тех краях нацисты и их пособники из местных националистов особенно свирепствовали. Можно только предполагать, какой страшной смертью погибла Доня и её семья.

Дочери Мениха и Хайка (Клара) сравнительно благополучно пережили военное лихолетье, создали свои семьи и жили в Тульчине.

Отец Брони – Элык жил в Вапнярке со своей семьёй – женой Гисей и двумя дочерьми. Старшая дочь Броня, 1932 года рождения, стала моей женой. Младшая дочь Света, 1941 года рождения, вышла замуж в 1962 году. Её муж – Миллер Алик, талантливый инженер, работал на крупном военном заводе в городе Нижний Тагил. Он был способным организатором и много лет работал на этом заводе. Тем не менее, когда открылась свободная вакансия начальника отдела, он не был утверждён. На эту должность взяли посредственного инженера со стороны. Коллега Алика, который был вхож в администрацию завода, бесхитростно и без обиняков объяснил Алику: «Тебя не утвердили, потому что ты - еврей».

После этого Алик с семьёй перебрался в город Псков, где работал на заводе и занимал руководящую должность. У них родились двое детей – сын Игорь и дочь Эля, названная в честь бабушки Элька, который, к сожалению, не дожил до её рождения. Игорь – инженер, но занимается бизнесом, его жена Элла - инженер-химик. У них сын – Саша, который по своему настойчивому желанию репатрировался в Израиль и служит в настоящее время в армии. Дочь Эля - замужем, муж её Алексей - бизнесмен. У них одна дочь - Сонечка.

Элык и Гися – родители Брони жили в счастливом браке и очень любили друг друга. В последние годы Элык работал заведующим цехом безалкогольных напитков, и периодически подрабатывал на сезонных малярных работах. Но он часто болел, и Гися подменяла его на работе в цеху и одновременно вела домашнее хозяйство. Всё это требовало больших усилий, но благодаря расторопности, энергии и трудолюбию она справлялась с этой нелёгкой задачей.

Состояние здоровья отца Брони прогрессивно ухудшалось, он скончался 27 января 1974 года и похоронен на Тульчинском кладбище, где покоится вместе со своими родителями Моти и Эстер, а также со своими сёстрами – Менихой и Кларой.

Но жизнь продолжается. Их дети, внуки, правнуки живут, создают семьи, трудятся, и в этом – залог бессмертия наших отцов, да будет благословенна их светлая память.

Яблони в цвету – какое чудо!

Я с Броней и наши мамы. 1956 год

НАЧАЛО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Неудача в первый день работы. Смерть пациентки. Угрозы со стороны больных. Инцидент в столовой (курзале). Военные сборы. Забастовка. Я учу Броню языку идиш. Отпуск. Перевод на работу в Брянскую область. Рождение сына.

Божественное Провидение направило меня в этот мир следить за жизнью и здоровьем Твоих творений...И пусть при исполнении своей миссии я всегда буду руководствоваться любовью, а не погоней за богатством. В каждом пациенте дай мне видеть только страдающего человека.

Клятва Рамбама

Итак, 4 сентября 1954 года мы приступили к работе на курорте «Олентуй», который находится в Читинской области, вдали от городов и поселений - в тайге. Место для курорта было выбрано в данном районе по двум причинам. Количество солнечных дней в году составляло здесь свыше 220. Кроме того, благодаря пихтовым и кедровым деревьям воздух был весьма благотворен для больных туберкулёзом. Этот курорт обслуживал весь Дальний Восток, Чукотку, Камчатку, Сахалин и, разумеется, Забайкалье, то есть огромную территорию, и был рассчитан на 500 коек, что было совершенно недостаточно. Заболеваемость туберкулёзом в этих краях была очень высока, и мест в санатории катастрофически не хватало.

Издательством над здравым смыслом выглядело заявление Министра здравоохранения о том, что в ближайшем будущем туберкулёз в Советском Союзе будет полностью ликвидирован. Заявление вполне было в духе политики властей, которые утверждали, что скоро в стране построят коммунизм. Эти абсурдные лозунги служили

неисчерпаемым источником для анекдотов. В «Олентуй» поступали в основном больные с тяжёлыми, запущенными формами туберкулёза, который нередко сочетался с алкоголизмом. Больные годами ожидали путёвку на лечение из-за большого количества нуждающихся.

Врачебными кадрами курорт не был укомплектован. Согласно штатному расписанию было 26 врачебных ставок. Работали... 6 врачей, большинство из которых болели туберкулёзом. Они трудились с огромной нагрузкой. Практически в санатории больные получали активное медикаментозное лечение и различные лечебные процедуры, то есть наш курорт по сути дела ничем не отличался от больницы.

В первый день мне передали на лечение 100 больных, из которых больше половины страдали тяжёлыми формами туберкулёза. В вопросах диагностики и лечения у меня не возникали трудности, так как я прошёл на кафедре туберкулёза основательную подготовку под руководством профессора Дария Львовича Меерсона. Поэтому на обходе больных я проводил их обследование уверенно и без робости, столь свойственной начинающим врачам. Из всего количества моих пациентов множество больных нуждались в специальном, довольно распространённом методе лечения – в искусственном пневмотораксе. Метод заключался в том, что с помощью специального аппарата вводится воздух в плевральную полость, то есть в пространство между лёгким и плеврой. Образуется воздушная подушка, которая поджимает лёгкое. Таким образом, создаются оптимальные условия для закрытия каверны и заживления воспаления.

Техника наложения пневмоторакса довольно сложная. Для её овладения требуется знание анатомии, техники выполнения процедуры и, главное, длительная практика. Квалификация врача-фтизиатра в известной мере оценива-

лась умением производить эту манипуляцию.

Во время интернатуры в клинике кафедры туберкулёза меня очень заинтересовал этот метод лечения. Я изучил большое количество литературы на эту тему, даже выступил с рефератом и, главное, овладел практическими навыками наложения пневмоторакса. Поэтому мне казалось, что я владею в совершенстве этой процедурой.

В первый день работы после обхода больных я пригласил всех больных, которые нуждались в искусственном пневмотораксе в процедурный кабинет. Сестра вызвала первого больного и уложила на операционный стол. Я взял иглу, определил место укола, решительно ввёл в межрёберный промежуток. Но к моему удивлению и досаде манометр не показал отрицательного давления – водный столб манометра остался неподвижным. Я стал передвигать иглу глубже, это вызвало у больного боль. Он застонал. Я, как мог, успокоил его и решил прочистить иглу канюлей, полагая, что просвет иглы закупорен. Оттуда хлынула струя крови под давлением. Я немедленно извлёк иглу. Больной встал со стола и, держась рукой за бок – место, где был произведен укол, сказал со злостью: «Доктор, если вы не умеете накладывать пневмоторакс, нечего браться за это. Вы, видимо, решили, что мы подопытные кролики, и на нас можно производить эксперименты!» Он вышел, и сквозь дверь донеслись его слова: «Этот доктор ни черта не умеет!» Больные немедленно разошлись, не осталось ни одного пациента.

Я стоял растерянный и ошеломлённый, не понимая, в чём причина этой неудачи. Медсестры и два врача, которые почему-то оказались в это время в операционной, смотрели на меня полунасмешливым и полужалостливым взглядом. Этого унижения я не мог перенести, набросил прямо на халат пальто, стремительно вышел и направился к своему дому. Дома я, не снимая пальто, взял учебник и

стал лихорадочно его листать.

В конце концов, мне стала ясна причина неудачи. В плевральной полости была одна-единственная спайка (сращение), и я попал в неё иглой, хотя вероятность такого попадания была ничтожно мала. В спайку пророс кровеносный сосуд, и его повреждение иглой вызвало кровотечение. При этом следовало просто извлечь иглу и сделать прокол в другом месте. Но желание блеснуть своим искусством наложения пневмоторакса перед коллегами было столь велико, что я хотел именно с первого укола произвести эту лечебную манипуляцию.

Был нарушен главный закон врачевания, которого я придерживался все последующие годы моей трудовой деятельности: *Salus aegroti – suprema lex* (Благо больного – высший закон).

После полудня я вернулся в лечебный корпус. Медсестра сочувственно посмотрела на меня и спросила: «Как нам быть? Больные всё ещё не получили этой лечебной процедуры, а прежний лечащий врач очень занят и не может (или не хочет!) заняться этим». Я решительно сказал: «Пригласи всех больных в процедурный кабинет повторно». Медсестра с сомнением покачала головой и пошла выполнять моё указание. А я стоял около операционного стола, ждал и думал: «Придут или не придут больные?» Спустя короткое время, которое показалось мне вечностью, приоткрылась дверь кабинета и раздался робкий голос: «Доктор, можно к вам на процедуру?» Я, разумеется, разрешил. Больной лёг на операционный стол, и в течение короткого времени ему был наложен пневмоторакс. Во время его выполнения больной почти не ощущал боли.

Методика производства этой манипуляции с минимальными болевыми ощущениями была мною разработана ещё в институте. В течение двух часов всем пациентам был

наложен пневмоторакс без всяких осложнений. Больные были очень довольны, и все в один голос утверждали: так быстро и чётко, а главное безболезненно, ни один врач не выполнял эту процедуру.

Я уже закончил все манипуляции, когда дверь кабинета приоткрылась, и знакомый голос робко прозвучал: «Разрешите мне войти!» Это был мой первый пациент, которому я так неудачно пытался впервые в моей самостоятельной врачебной деятельности наложить пневмоторакс.

Разумеется, я разрешил ему войти и, как будто между нами не было никакого конфликта, наложил ему пневмоторакс быстро и без осложнений. Больной сердечно поблагодарил меня и извинился за утренний инцидент. Я, конечно, простил его за то, что он нагрубил мне, сказал, что понимаю его несдержанность и не держу на него зла. Со своей стороны я извинился перед ним за то, что причинил ему боль. В последующем мы подружились и часто обсуждали различные темы, далёкие от медицины. Он оказался очень эрудированным человеком и интересным собеседником.

Таким образом, в первый же день моей врачебной деятельности я получил три урока – не производить каких-либо манипуляций без предварительного тщательного обследования больного, умение признавать свои ошибки и, что не менее важно, не вступать с пациентами в спор. В последующем я указывал молодым врачам, что нет более удручающей картины, чем ссора между врачом и больным. Хорошие и доверительные взаимоотношения между врачом и пациентом являются основой успешного лечения. Врач, который конфликтует с больным, проявляет этим непрофессионализм и не может считаться хорошим специалистом, даже если он досконально изучил все основы медицины.

Подводя итог моей работы в первый день, можно сказать, что несмотря на неудачу в самом начале, день закончился успешно, и я имел все основания быть довольным. Особенно радовалась моя медсестра Анна - молодая женщина, бурят-монголка, опытная, грамотная в своём деле и очень добрая. Она любила больных, и те отвечали ей взаимностью.

Анна педантично и грамотно выполняла мои назначения больным. Я очень уважал её, считался с её мнением и, можно сказать, учился у неё. Она охотно делилась со мной своим богатым опытом практической работы медицинского работника. Я был очень рад, что у меня такая умная и грамотная сестра. У нас также сложились очень хорошие отношения с нашим главным врачом Тупиковой Александрой (наполовину еврейка) и её мужем Гершевичем Давидом Лазаревичем - человеком с ярко выраженной семитской внешностью.

Через два месяца после нашего приезда на работу прислали молодого врача Шерстинюка Ивана с женой. Мы подружились с ними и вместе проводили свободное время. Директором курорта был Айзенберг – еврей, крупный, красивый мужчина. Каким образом он попал в эти далёкие края, мне неизвестно, он никогда об этом не рассказывал. Судя по его манере поведения и тому, как он отдавал приказы, можно предполагать, что он в прошлом был крупным партийным функционером и направлен директором «Олентуя» в качестве наказания.

Нередко со стороны наших больных встречались выходки откровенно юдофобского характера. В марте 1955 года проходили выборы в Верховный Совет СССР. На многих бюллетенях были надписи: «Долой Шихманов и Пинисов!» Антисемитизм был вполне объясним. Ведь в эти края ссылали «врагов народа», кулаков. Естественно, что их отношение к Советской власти было негативным. А

антисоветизм часто соседствовал с антисемитизмом, так как евреи нередко участвовали в репрессивных акциях. При этом не всегда принималось во внимание, что сами евреи являлись часто жертвами властей Советского Союза и страдали больше, чем представители "титულიной" нации.

Однажды произошло событие, которое наглядно продемонстрировало: "Дело врачей" не ликвидировано, оно ждёт своего часа.

К нам поступила девушка 18 лет, по имени Эра Абаза. Она болела тяжёлой формой туберкулёза. По состоянию здоровья Эра должна была лечиться в стационаре, курортное лечение ей было противопоказано. Администрация курорта в виде исключения разрешила ей остаться в санатории, и она получала у нас лечение. Однако туберкулёзный процесс у неё неуклонно прогрессировал и осложнился туберкулёзным менингитом, воспалением мозговых оболочек – заболеванием, которое почти в 100% случаев заканчивалось смертельным исходом. Больная впала в коматозное состояние, и начались судороги.

В эту ночь дежурным врачом была моя Броня. Несмотря на то, что стоматологи и зубные врачи не обязаны дежурить, Броню всё же включили в график из-за острого дефицита врачебных кадров. Я, естественно, подключился к дежурству, чтобы помочь Броне и попытаться вывести больную из коматозного состояния. Огорчало и возмущало меня то, что и лечащий врач, и заместитель главного врача по лечебной части совершенно отстранились от участия в лечении, и в течение ночи не только не посетили тяжёлую, по сути дела агонизирующую больную, но даже не позвонили. Всё бремя неотложной медицинской помощи было возложено на меня одного. В начале моей врачебной деятельности я не очень разбирался в организации здравоохранения, чем воспользовалась администрация с тем, чтобы в случае

жалобы было на кого взвалить ответственность.

Всю ночь я отчаянно боролся за жизнь больной, давал ей антибиотики, противосудорожные препараты, даже произвёл на свой страх и риск сложную процедуру – спинномозговую пункцию с введением антибиотика в спинномозговой канал (единственный метод, который давал хотя бы минимальный шанс на спасение больной). К сожалению, все мои попытки не увенчались успехом, и в 5 часов 30 минут больная скончалась. Это была первая смерть пациентки в моей врачебной практике, и я очень тяжело воспринял это, несмотря на то, что по характеру заболевания больная была обречена, и я применил все средства для спасения её жизни.

Морга в санатории не было. Я принял решение перенести труп в клуб. В лечебном корпусе даже не оказалось носилок. Мы переносили тело с помощью одеяла. Была сильная метель, снег слепил глаза, ещё не рассвело. Мы с медсестрой с трудом шли с нашей печальной ношей, а Броня шла впереди с фонарём и освещала нам дорогу. Всю дорогу мы молчали, нам до слёз было жаль эту девушку. В клубе мы положили труп на стол и вернулись назад. Утром я доложил об этом трагическом событии главному врачу, немедленно была отправлена телеграмма, и вскоре приехали родители Эры. Родителям было известно о тяжёлом и неизлечимом заболевании их дочери, и они к нам никаких претензий не предъявляли. Я рассказал им о последних днях Эры, о том, как любили её больные и медицинский персонал.

...Прошло несколько дней. Я дежурил в санатории. На дежурстве особых происшествий не было, и я сидел в кабинете, просматривая истории болезни. Вдруг в кабинет без стука стремительно вошла медсестра, взбудораженная, бледная и дрожащая.

- Что произошло? - спросил я.

Медсестра торопливо, тревожным голосом мне сообщила, что несколько больных собрались в вестибюле лечебного корпуса, устроили дебош, пьянствуют и буянят. Такие явления встречались у нас изредка и строго пресекались – нарушителей выписывали из санатория, ставили в известность профсоюз и предупреждали, чтобы этим больным не давали больше путёвки в наш курорт. Но реакция медсестры на это событие была совершенно неадекватна. Когда я попытался пойти в вестибюль, она схватила меня за руку и умоляющим голосом сказала:

- Не идите туда, они вас убьют или изувечат! Они обвиняют вас в том, что вы убили Эру Абазу.

- Что за чушь! – возмущённо воскликнул я. - Я должен пойти туда и разобраться во всём.

С этими словами я решительно направился к вестибюлю. Там был настоящий шабаш: оружие громким голосом пьяные мужчины, истерический визг полуодетых женщин, на столе множество бутылок, пустых и полных, объедки пищи, опрокинутые стулья.

Я стал у входа. Один из участников пиршества заметил меня и пьяным голосом спросил:

- Что тебе надо здесь, жидовская морда?

Я, пытаясь сохранить спокойствие, сказал:

- Кто разрешил вам превращать лечебное заведение в бардак? Разойдитесь немедленно по палатам, а утром разберёмся с вами.

Тогда один из них с красным лицом и налитыми кровью глазами схватил пустую бутылку и завопил:

- Почему ты убил Эру Абазу? Думаешь, мы не знаем, что еврейские врачи – убийцы?!

С этими словами он швырнул в меня бутылку, которая пролетела мимо меня и со звоном разбилась позади. Медсестра со слезами на глазах обратилась ко мне со словами:

- Доктор, умоляю вас, уходите отсюда. Вы им ничего не докажете, они в невменяемом состоянии и могут вас убить!

Она почти силой вытолкнула меня из вестибюля, и я ушёл, сопровождаемый угрозами, воплями и звоном разбиваемой посуды. В кабинете я на всякий случай запер дверь и оттуда не выходил до утра. Конечно, возникает вопрос, почему я не вызвал милицию. Мы находились в глубине тайги, и до ближайшего отделения милиции было не менее 30 километров. Все органы власти находились вдали от курорта.

Для того, чтобы лучше понять, каким образом это отражалось на нашем образе жизни, приведу курьёзный пример. Я заболел ангиной, и мне нужен был больничный лист, который мог выписать только врач поликлиники. Оказывается, ближайший фельдшерский (не врачебный!) пункт находился в 15 километрах от «Олентуя», и, чтобы вызвать фельдшера на дом, необходимо послать за ним транспорт, а затем отвезти его обратно на фельдшерский пункт.

... Утром я вышел из кабинета. Была полная тишина, все спали глубоким сном. В вестибюле остались следы настоящего погрома – разбитая мебель, осколки стекла и зеркала, опрокинутая мебель и множество пустых бутылок из-под питьевого спирта, который был в свободной продаже в соседнем ларьке.

Я попросил дежурную сестру передать мне истории болезни зачинщиков ночного погрома. Ознакомившись с паспортными данными этих людей, я не мог прийти в себя от удивления. Трое дебоширов, которые вели себя наиболее агрессивно, оказались... членами Компартии и занимали руководящие посты на рудниках, где они работали; один из них был секретарь партийной организации. У всех было высшее образование!

На утренней «пятиминутке», в присутствии всего коллектива, я представил отчёт о ночном шабаше и агрессивном поведении по отношению ко мне, не забыв упомянуть со всеми подробностями о его антисемитском и погромном характере. Выслушав моё сообщение, главный врач Александра Фёдоровна пришла в ярость.

Она немедленно вызвала зачинщиков и, в присутствии всего коллектива, выразила своё негодование, обрушив на них тяжёлые обвинения. В конце своей гневной тирады она приказала: немедленно выписать их из санатория и, соответственно, снять с довольствия, а также передать дело в суд для возмещения ущерба, который был нанесён курорту во время шабаша. Это было наказание очень тяжёлое. Денег у этих негодяев не было – они израсходовали их на оргии. Питаться им было негде, гостиница в нашем районе отсутствовала, а мороз в это время года достигал 40 градусов и ниже. Не забудем, что они болели туберкулёзом.

Но на этом наш главный врач не ограничила наказание. В конце тирады она обратилась ко мне и дала указание:

- На каждого из этих нарушителей подготовьте три письма – одно в администрацию прииска, другое - в профсоюзную организацию и третье – в партийную организацию. И предупредите их, чтобы в наш курорт им больше не выдавали путёвок.

Затем после небольшой паузы она добавила:

- Также напишите письмо их жёнам, чтобы они знали, чем занимались их мужья на курорте.

Понуриив голову, все трое вышли из кабинета. Через несколько часов в дверь моего кабинета робко постучались. Получив моё разрешение, вошёл один из виновников события – секретарь партийной организации прииска. Это был крупный, вальяжный мужчина, в глазах у него стояли слёзы. Подойдя ближе к столу, он рухнул на колени и

умоляющим голосом сказал:

- Доктор, пощадите меня! Если вы сообщите моей жене и в партийную организацию, мне не останется другого выхода, кроме как повеситься. Моя жизнь – в ваших руках. Будьте милосердны, вы ведь представитель самой гуманной профессии на свете!

Я смотрел на него и вспоминал события всего лишь двухлетней давности. Перед глазами мелькали лица, искажённые ненавистью, требующие смертной казни для «убийц в белых халатах», с патологическим сладострастием и нетерпением ожидающих приведение смертного приговора публично, их повешением на площадях крупных городов. Об этом официально публиковалось в прессе. Страна, где правил подлый обыватель и хам, ждала захватывающего дух зрелища. И вдруг рухнул весь этот кровавый спектакль – умер главный режиссёр, усатый диктатор. Толпа почувствовала себя обманутой, как ребёнок, у которого отняли любимую игрушку.

Я смотрел на этого плачущего человека, который в пьяном угаре пытался реанимировать «дело врачей», и представлял себе, каково его отношение к евреям в большом коллективе, руководимом им. И какое будет положение евреев, если этот человек продвинется по службе, и количество находящихся в его подчинении людей возрастёт. Этот униженно умоляющий меня человек – представитель титульной нации, коммунист с высшим образованием и в его продвижении вверх по служебной лестнице нет никаких препятствий. Фактически подавляющее количество представителей власти состояло из таких выдвиженцев, которые начинали свою карьеру с работы простого рабочего, вступали в партию и становились руководителями властных структур.

Я смотрел на этого коленопреклонённого человека, на его умоляющий взгляд. Передо мной был типичный сим-

вол Советской власти – империи ненависти, лжи, демагогии, страха и рабства. Перед моим взором встали картины собраний, где шельмовали, клеймили выдающихся врачей, отдавших все силы своего таланта, свои знания и опыт для лечения именно тех людей, которые с перекошенными от злобы лицами требовали их смерти. Я вспомнил полное ненависти лицо этого человека с занесённой пустой бутылкой, которую он швырнул в меня. Меня охватило чувство такого гнева, такой ненависти, которых я никогда в прошлом не испытывал. О прощении не могло быть и речи.

Я ответил этому человеку:

- Если вы повеситесь, то окажете неоценимую услугу человечеству, ибо станет одним негодяем меньше.

В глазах его мелькнул злобный огонёк, он встал и вышел из кабинета. Письма я написал и отправил во все инстанции. Женам письма не были отправлены - не хотелось разрушать семью. Кроме того, в отличие от официальных писем, которые были направлены в соответствующие организации, мне казалось, что эти письма носят характер доноса.

Я часто задумывался над вопросом, не слишком ли жестоко я поступил. Ведь это были больные люди, нуждающиеся в лечении, и моя обязанность - оказывать им медицинскую помощь независимо от их морального облика. А оценку тех поступков, которые они совершили, и меру наказания - не мне решать, а соответствующим судебным инстанциям. Всё это верно. В своё оправдание могу только сказать, что все нарушители были практически здоровы, так как у них был туберкулёз неактивный, и они только нуждались в соблюдении режима – нормальном питании и правильном образе жизни.

Что же касается вмешательства судебных органов, то в

тех делах, где разбирались антисемитские действия, вряд ли можно было ожидать объективного расследования. Коррупция имела место во всех сферах жизни, и судебная система не была исключением.

И всё же я нередко задумывался над причудами жизни. В прошлом я простил полицаев, зверски избившими меня; одного из них даже лечил, но не мог простить этих негодяев, пытавшихся реанимировать «дело врачей», и испытывающих ностальгию по «вождю народов» и времени, когда можно было открыто и безнаказанно преследовать евреев. Впрочем, антисемитизм постоянно жил и процветал и после Сталина - я с ним сталкивался нередко.

Спустя 2-3 недели после описанного выше инцидента, когда я был дежурным врачом в санатории, медсестра сообщила мне, что в столовой во время обеда пьяный больной ведёт себя крайне агрессивно. Столовая (её называли курзал) представляла собой зал огромных размеров – в нём одновременно обедали свыше 500 человек. Придя в курзал, я обнаружил следующую картину. Пьяный человек с криками «Бей жидов – спасай Россию!» избивает соседа за столом. Его сосед - мой пациент, врач по профессии, на свою беду был похож на еврея, хотя был русским человеком. Когда я появился в проёме двери, пьяный заметил меня, схватил со стола вилку и, держа её в виде копья, ринулся в моём направлении с криком: «Жидовская морда, сейчас я тебе глаза выколю!»

Я оказался в довольно сложном положении. Убегать от него – значило выставить себя в смешное положение перед больными; вступить с ним в драку также был не лучший вариант. Характерно, что ни один из больных не вмешался. В их оправдание скажу, что вокруг большинство были женщины, а мужчины за этим и соседским столами страдали тяжёлыми формами туберкулёза, получали пнев-

моторакс, и любые нагрузки были им противопоказаны.

Мною был избран вариант, который иногда применялся при встрече со злой собакой. Пристально глядя на пьяного, я пошёл между рядами столов прямо на него, не отклоняясь в сторону. Когда между нами осталось расстояние не более 2-3 метров, пьяный дрогнул, опустил вилку и сделал шаг в сторону, уступая мне дорогу. Не останавливаясь, я прошёл к пищеблоку. Там работал повар, которого звали «Майорич». Это был человек огромной физической силы, по национальности еврей. В прошлом он работал поваром в московском ресторане «Метрополь». Затем за какое-то преступление был осужден, и у нас он отбывал ссылку.

Я рассказал ему о том, что произошло в курзале – он ничего не слышал из-за шума в кухне. Майорич немедленно вошёл в курзал, схватил за шиворот пьяного, приподнял его как котёнка и понёс через весь курзал к выходу. Там он вышвырнул его во двор. Понятно, что этот тип был немедленно выписан из санатория.

Подобные нарушения режима с агрессивным поведением больных и антисемитскими выходками были нередки.

В конце мая наступила весна. Снег начал таять, зажурчали ручьи. Зацвёл багульник, который местные жители называют "Забайкальская сирень", и окрасил сопки нежным сиреневым цветом. Появилась сочная, яркая зелень на лиственных деревьях. Земля покрылась зелёной травой и цветущими растениями. Запели птицы. Весна в тайге наступает поздно, но вокруг возникает красота, которая вызывает восхищение. Врачи называют это воздействие природы - «пейзажный шок», который оказывает на больных целебное действие.

...С районного военкомата мне прислали повестку с извещением, что мне предстоит пройти военные сборы в одной из военных частей, расположенных на границе с Монголией. Отказаться я не мог, и я впервые расстался с

моей Бронечкой на целый месяц. Вдоль железной дороги в Забайкалье находилось множество военных поселений, которые имели соответствующий номер. Эти поселения были ограждены колючей проволокой, и вход в них разрешался только по специальному пропуску. Там мне предстояло пройти обучение по оказанию неотложной помощи в условиях применения оружия массового поражения. На сборах мы получали специальную литературу под грифом «совершенно секретно», которую надлежало изучать самостоятельно.

Первые дни я писал письма моей жене каждый день, но почему-то не получал ответа. И вот однажды, спустя неделю после начала сборов, рано утром солдат сообщил мне, что ко мне пришли «штатские». Я был страшно удивлён: кто мог меня посетить в этом далёком краю, в месте, где вход штатских без пропуска невозможен?

Я вышел из казармы и ахнул от изумления – передо мной собственной персоной, стояла... моя любимая жена. Первый мой вопрос был: «Что случилось? Каким образом ты попала сюда?»

Броня ответила, что от меня не поступало писем, и она волновалась, не случилось ли со мной беды. Поэтому она решила посетить меня. Взяла отпуск без содержания на несколько дней, поехала поездом до 69 разъезда, где располагался военный городок. Там я проходил военные сборы. Она решительно прошла через контрольно-пропускной пункт мимо часового, который её почему-то не остановил.

Уже было отмечено, что моя хрупкая и нежная жена проявляла поразительную решительность, настойчивость и храбрость при необходимости добиться какой-либо цели. Решиться на такое путешествие мог только очень смелый человек.

Я увёл её в палисадник, подальше от казармы, где

можно было услышать лексику, которая отнюдь не ласкала слух женщины. Мы сели на скамейку и стали решать очень нелёгкий вопрос – где ей переночевать? В поселении гостиницы не было, а в казарме я жил в отдельной комнате вместе с двумя врачами, которые также проходили сборы. Вопрос казался неразрешимым, и мы решили, что жена уедет ночным поездом, хотя нам очень хотелось быть вместе подольше.

В этот момент к нам подошёл майор Шафиро, начальник медсанбата, и спросил: «Кто эта женщина? Как она оказалась на территории военного городка?»

Я сказал, что это моя жена, и объяснил причину её приезда.

- А где она будет ночевать? – спросил он.

- Она уедет ночным поездом, так как ночевать ей негде, - ответил я.

И вдруг улыбка озарила лицо майора, и он сказал: «Вопрос с ночлегом будет решён, а пока я приглашаю вас в гости ко мне».

Он познакомил нас со своей женой. Женщины остались вдвоём, а мы с майором пошли в медсанчасть.

Начальник медсанбата, майор Шафиро, - еврей (также его жена еврейка) родом из города Конотоп на Украине. Он был очень эрудированным и добрым человеком, страстный меломан, мы с ним иногда беседовали на темы, связанные с оперной музыкой, которую я также очень любил. После занятий я пришёл в дом семьи Шафиро и застал там настоящую пасторальную картину. Моя жена в домашнем халатике сидит на диване с хозяйкой и оживлённо обсуждает с ней различные кулинарные рецепты. Такое впечатление, что они знакомы много лет. Следует сказать, что моя жена очень легко сходится с чужими людьми. Меня всегда приводит в изумление, как, едва познакомившись, совершенно чужие люди раскрывают

перед ней душу, излагают такие подробности семейной жизни и взаимоотношений родных и близких, какие обычно рассказывают только очень близким родственникам. Я уже писал, что моя жена как бы излучает некую ауру, притягивающую к ней других людей. Они чувствуют в ней не только внимательного слушателя, но человека, который сочувствует и сопереживает им.

К вечеру пришли гости, был накрыт стол вкусными яствами, которые хозяйка приготовила вместе с моей женой, поставили несколько бутылок хорошего вина. Я поинтересовался, в связи с какими событиями устраивается этот банкет.

- В честь приезда твоей жены, - ответил мне хозяин квартиры.

Я недоверчиво взглянул на него, полагая, что это всего-навсего шутка. Не было никаких оснований предполагать, что наши скромные особы могут быть удостоены такой чести.

- Ты знаешь, доктор, мы – военные люди, - сказал майор Шафиро, - и часто меняем места нашего жительства. Кому, как не нам, знать цену гостеприимства и доброго отношения к новоприбывшим?

В разговор вмешался майор – заместитель начальника медчасти по политическим вопросам.

- Мы восхищаемся твоей женой, которая не побоялась пуститься в путь одна с тем, чтобы с тобой встретиться, – сказал он. - Кстати, мой друг уехал в отпуск, оставил мне ключ от квартиры. Возьми ключ и располагайся в ней на всё время пребывания здесь твоей жены.

Я произнёс тост за этих необыкновенных и благородных людей и выразил свою глубокую признательность и благодарность.

Всё это было похоже на волшебный сон. Совершенно чужих людей, которых знают всего несколько часов,

принимают сердечно, с необыкновенным радушием. Им доверяется квартира, в которой наверняка имеются ценные вещи. Но это была явь, мы несколько дней были вместе, и это были одни из счастливейших дней нашей жизни.

Однако всё в мире кончается. Промелькнули очень быстро несколько дней, и моя любимая жена уехала назад в «Олентуй».

Военные сборы продолжались. Через несколько дней мы были подняты по боевой тревоге. В связи с угрозой атомного взрыва нам было приказано срочно передислоцироваться в определённый район, соблюдая все условия маскировки. При этом мы находились в полном неведении относительно того – манёвры это или начало войны. «Холодная война» между СССР и США набирала обороты, во главе правительства Советского Союза стоял Никита Хрущёв – человек недалёкий, авантюристического склада ума и весьма непредсказуемого поведения. В его руках была атомная «дубинка», которая служила оружием угроз и шантажа против стран Запада.

Наша колонна грузовых машин двинулась на юг по направлению к границе с Монголией. Я участвовал в качестве начальника медсанбата, в моём распоряжении была одна автомашина с медицинским оборудованием и пять санитаров.

Мы ехали всю ночь по безлюдной и безводной степи, с настолько твёрдой почвой, что не было необходимости ехать по шоссе, которого, кстати, там и не было. Утром мы сделали привал. Местность производила довольно унылое впечатление. Однообразный пейзаж без единого деревца с очень скудной растительностью в виде отдельных островков травяного покрова бурого цвета. Настоящим бичом той местности является гнус, который причиняет страдания людям и скоту, особенно один из его видов – мошкара. Это мелкие насекомые из семейства комаров,

которые летают тучей в огромном количестве подобно саранче. Их укусы очень болезненные; даже при контакте их выделений с кожей образуются волдыри, сопровождающиеся зудом и жжением. Мы в тайге очень страдали от мошкары, но там была возможность укрыться в помещении.

Здесь же, в степи, мы жили в палатках, и добиться их герметичности по отношению к внешней среде не представлялось возможным. Кроме того, мы питались из полевой кухни. Как только наполнялась миска кашей или супом, на поверхности образовывался целый слой мошкары, и нам оставалось либо выбросить содержимое и остаться голодными, либо снимать верхний толстый слой из мошкары и съесть остаток. Эта процедура, разумеется, не прибавляла аппетита. Чтобы уменьшить вредоносное влияние гнуса, мы жгли костры, курили, но это не решало проблемы.

Манёвры длились 10 дней, отрабатывались очень обстоятельно все виды организации и оказания медицинской помощи при применении оружия массового поражения. Имитация взрыва атомной бомбы была настолько близка к реальной, что это ввело нас в заблуждение. Но вскоре мы с огромным облегчением убедились, что это всего-навсего учение. Наконец, сборы закончились, и я вернулся домой, измученный и похудевший.

Дома меня ждало неприятное известие, связанное с проблемой питания. Я уже писал, что мясо и молоко мы покупали у бурят-монголов. Остальные продукты нам доставляли из фондов курорта по государственным ценам. В местном магазине набор продуктов был весьма скудным. Там можно было купить питьевой спирт, спички, соль, иногда консервы низкого качества. Овощи выращивались китайцами в теплицах, и цены на них достигали астрономических размеров. Их продавали поштучно. Так,

один огурец стоил 3 рубля. Моя зарплата вместе с заработной платой моей жены составляла в месяц 250 рублей, то есть чуть больше 8 рублей в день. Таким образом, этот источник овощей был нам совершенно недоступен.

И вдруг поступил приказ из областного управления, согласно которому нам запрещалось приобретать продукты из складов курорта. Вместо этого, мы должны были питаться в так называемой рабочей столовой. Эта столовая уже существовала, она пользовалась весьма мрачной репутацией, - приготовление блюд и обслуживание проводилось в антисанитарных условиях, в зале была страшная грязь, а качество блюд и их ассортимент ниже всякой критики.

Я призвал медицинский персонал – врачей и медсестёр, не выходить на работу, пока не будет отменён этот нелепый и унижительный приказ. Кроме того, я предложил бойкотировать подписку на заём – принудительное приобретение облигаций займа, при котором сокращалась и без того скудная зарплата.

Практически речь шла о забастовке, явлении, совершенно неприемлемом в Стране Советов. Во времена Сталина за такие действия (если представить себе, что они вообще могли иметь место) следовало суровое наказание, вплоть до смертной казни. Но сейчас мы переживали период, который называли «оттепель», то есть ослабление жестокой диктатуры. И, тем не менее, начальство было очень встревожено нашей акцией. Из Карымской к нам приехала целая делегация из районного комитета партии, во главе которой стоял лично первый секретарь. У нас с ними произошла встреча, на которой мы обсудили все наши проблемы.

Я выступил с речью и обрисовал тяжёлое положение, в котором мы оказались в связи с запретом приобрести

продукты из фондов курорта. Этот приказ действовал на всей территории Советского Союза, но при этом не учитывались местные условия. На курортах Крыма, Одессы и в других регионах обслуживающий персонал мог приобретать продукты на рынке или в магазинах по приемлемым ценам. Мы же находились в совершенно иных условиях. Все наши претензии были признаны обоснованными, приняты во внимание, и этот нелепый приказ отменили. Таким образом, мы одержали полную победу в борьбе за наши права.

Работа занимала у нас много времени, но мы находили время для прогулок и встреч с нашими немногочисленными друзьями. К сожалению, круг наших друзей был весьма ограничен. Большинство врачей были гораздо старше нас, и почти все они болели туберкулёзом. Поэтому мы очень неохотно общались с ними.

Вскоре наш досуг был заполнен полностью. Я решил научить мою жену языку идиш. Разумеется, она понимала идиш, ведь в роду у неё были все евреи, и они разговаривали на этом языке. Но говорить на идиш моя Броня совершенно не умела. Я поставил перед нами цель – до нашего отпуска, то есть, в течение 3-4 месяцев, мы будем дома говорить только на идиш. Моя жена оказалась способной ученицей, спустя короткое время она довольно бегло разговаривала со мной на этом языке. Как же это пригодилось ей и облегчило её жизнь в Израиле! Кроме того, это был бесценный подарок моим родителям, которые гордились тем, что их невестка говорит на привычном для них языке. К сожалению, в те годы молодые стеснялись не только разговаривать на идиш, но даже признаваться, что они понимают этот язык.

Таким образом, в «Олентуе» был создан наш первый ульпан, я впервые стал преподавать, а моя жена стала моей первой ученицей.

В будущем я отдам много сил преподаванию иврита, и будет у меня много сотен учеников, но первый шаг в этом направлении был сделан именно здесь, в Забайкальской тайге.

Первомайский праздник мы встретили вместе с сотрудниками. Был сильный мороз, выпало много снега. Мы собрались в доме нашего главного врача. Было выпито большое количество питьевого спирта. Я попытался не ударить лицом в грязь и не отставать в этом отношении от компании. Среди населения Советского Союза бытовало (и бытует!) мнение, что одним из положительных качеств человека является умение выпивать большое количество спиртного.

"Хороший человек, и к тому же может, не пьянея, выпить одномоментно поллитра водки!" – такая характеристика личности вызывала восхищение и зависть у многих. Кроме того, отказ пить со всем коллективом рассматривался как высокомерие и нежелание поддерживать «кампанию».

Позже, работая аллергологом, мне пришлось принимать пациента с жалобами на аллергию к алкоголю. Он настоятельно просил меня излечить его от этой «болезни» и провести курс гипосенсибилизации, то есть устранить чувствительность организма к спиртному. Я заявил ему, что самым эффективным лечением является отказ от алкоголя. Реакция моего пациента была весьма бурная.

- Неужели вы не понимаете, доктор, как я из-за этого страдаю? В коллективе надо мной смеются, а многие презирают меня, как какого-то уродца! Если вы откажетесь меня лечить, я буду жаловаться на вас.

Я все же настоял на своей рекомендации. «Больной» с негодованием оставил мой кабинет. Через некоторое время мне позвонили из областного отдела здравоохранения, куда обратился с жалобой мой пациент. Я разъяснил им

ситуацию, и на этом инцидент был исчерпан. Этот случай довольно типичный, и он характеризует отношение населения к алкоголю.

Но вернёмся к моей попытке уподобиться другим в отношении умения пить спиртное. Она закончилась весьма плачевно. У меня возник коллапс, я потерял сознание. Мне была оказана медицинская помощь, и, когда я очнулся, первое, что увидел – это склонённое надо мной, залитое слезами лицо моей жены. Больше таких способов поддерживать свой «имидж» я не предпринимал.

В один из дней ко мне обратилась моя жена со смущённой улыбкой и сообщила, что вскоре ожидается прибавление в нашей семье.

Это известие вызвало у меня бурную радость и ликование. С этого момента все наши интересы вращались вокруг этого события. Мы живо обсуждали жизнь с нашим столь желанным ребёнком в будущем, гадали, кто родится – мальчик или девочка, на кого он будет похож. Тема рождения нашего ребёнка стала доминирующей в наших беседах.

Перед нами отныне встала и чисто практическая проблема – возможно ли растить и воспитывать ребёнка в тех суровых условиях, в которых мы находились? Ответ был однозначно отрицательный. Выход из создавшегося положения был один – сменить место жительства на регион с более подходящими условиями жизни. Но осуществить это было очень трудно, даже невозможно. Согласно закону, я обязан был после окончания института отработать 3 года, то есть ещё 2 года в «Олентуе». Несмотря на то, что в течение года прислали туда ещё 3 врачей, положение с кадрами было очень тяжёлое, требовалось ещё как минимум 15 врачей. Рассчитывать на увольнение по собственному желанию не было никаких оснований.

Мы приняли решение действовать через центральное

курортное управление и, в случае отказа, уехать самовольно, а там – будь, что будет!

В августе мы оформили отпуск и поехали домой к родителям. Наш путь лежал через Москву, там мы находились несколько часов. За это время мы предприняли попытку добиться приёма к руководящему лицу центрального курортного управления при ВЦСПС – (профсоюзной организации). Нам это удалось, нас принял ответственный работник этой организации. Мы ему обрисовали ситуацию, в которой оказались, и попросили перевести нас на работу в западную часть СССР. Он ответил категорическим отказом, и, надо признать, что аргументы для этого были более чем обоснованны.

Я задал нашему собеседнику наивный вопрос: «Что будет, если мы уедем самовольно?»

На это он ответил мне коротко: «Будем судить!»

Я решительно сказал ему: «Оформляйте уже сейчас дело в суд. Мы обратно туда не вернёмся. Только кажется мне, что, находясь в тюрьме, я вряд ли буду, полезен вам». Мой расчёт оказался верным.

Врачей-фтизиатров катастрофически не хватало во всех регионах, и терять ещё одного врача этого профиля было неразумно.

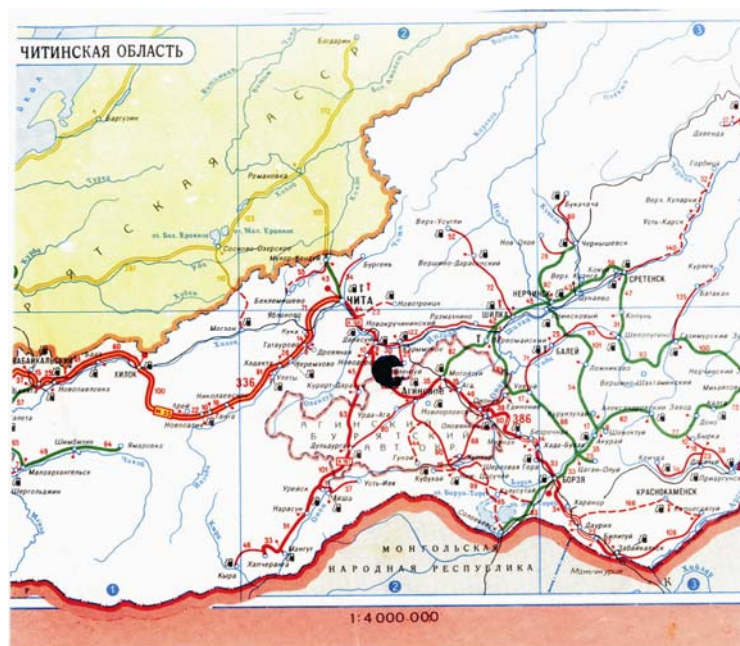
Руководитель отдела примирительно сказал: «Мы примем во внимание ваши пожелания и постараемся решить их положительно». Он взял наши координаты, чтобы связаться с нами при необходимости, и мы, окрылённые успешным завершением нашей миссии, уехали в Вапнярку, чтобы провести там, в кругу родных и близких, наш отпуск.

Через неделю прибыло письмо из Москвы. Нам предлагали работу в противотуберкулёзном санатории «Сосновый бор», который находится в Брянской области в 8 километрах от города Злынка. Брянская область

расположена на стыке 3 республик – Российской Федерации, Украины и Белоруссии. Мы тотчас ответили согласием.

Санаторий «Сосновый бор» стал следующим этапом нашей трудовой деятельности. Там мы проработали почти 3 года в условиях, несравненно более благоприятных, чем в «Олентуе».

Во время работы в санатории «Сосновый бор» произошло самое знаменательное и радостное событие в нашей жизни. У нас родился сын – Рома, наше главное сокровище и смысл нашего бытия. Отныне наш ребёнок явился центральной фигурой, вокруг которой вращались все остальные проблемы, и мы отдавали нашему сыну всё тепло наших душ и всю нашу родительскую любовь.

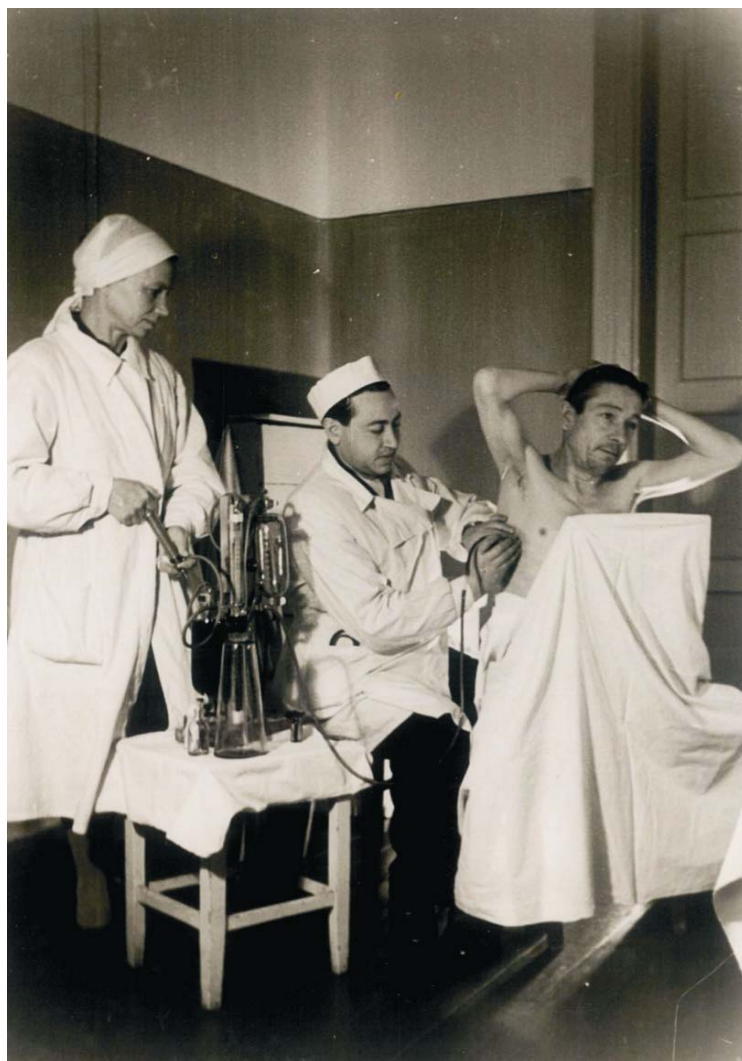

На карте обозначен район – курорт «Олентуй» Читинской области, расположенный свыше 6000 км от Москвы. Туда я был направлен (сослан?!) после успешного окончания Одесского мединститута в принудительном порядке под угрозой уголовной ответственности в случае неповиновения. Все выпускники-евреи, за редким исключением, были направлены в дальние восточные районы страны. Единичам за крупные взятки удалось получить направление на работу недалеко от Одессы. Несмотря на то, что прошло 2 года, как умер Сталин, антисемитская политика Советского государства продолжалась.

В «Олентуе» мы жили в этом доме, который по своей комфортности скорее мог называться барачком.

Курорт «Олентуй». 10.09.1954. Начало моей врачебной деятельности. Больному производится пункция плевральной полости. Мой стаж работы – 1 месяц.

«СОСНОВЫЙ БОР» (1955-1957)

Рождение сына. Меня обвиняют в рвачестве. Мы увольняемся с работы. Трудности с устройством на работу. Работа в Тульчине. Мы устраиваемся на работу в Крыжопольской районной больнице.

«В природе не существует другого бессмертия, кроме продолжения рода, при котором данное существо продолжается в существах себе подобных, то есть на место умершего индивидуума постоянно заступает новый».

Л. Фейербах

Итак, нами было получено официальное известие о переводе на работу в туберкулёзный санаторий «Сосновый бор», расположенный на расстоянии 225 километров к юго-западу от Брянска.

Заранее можно было предположить, что администрация курорта «Олентуй» категорически откажется выполнить этот приказ. Прежде всего, потому, что предварительно они не были поставлены в известность об этом. Игнорирование мнения администрации областного курортного управления болезненно ущемляло их самолюбие, хотя пресмыкательство перед вышестоящим начальством, а с другой стороны - подавление и унижение подчиненных было обычным явлением в учреждениях страны «победившего социализма». Но была ещё одна причина, более веская – дефицит врачебных кадров. Врачи в санатории работали с огромной нагрузкой, и увольнение даже одного врача приводило к резкому ухудшению качества лечения больных.

Всё это я предвидел, когда пришлось поехать в «Олентуй» для оформления документов о переводе на другую

работу. В Москве я повторно посетил центральное управление курортами при ВЦСПС и попросил дать приказ о переводе мне на руки. Моя просьба была удовлетворена, и это прибавило мне уверенности в благоприятном исходе дела.

Когда Айзенберг, директор «Олентуя», ознакомился с этим приказом, он не мог прийти в себя от изумления. Он высказал мысль, что у меня в Москве, по-видимому, есть весьма влиятельные покровители. По правде говоря, я не стал разуверять его и даже намекнул, что смогу быть ему в чём-то полезным. Для нашего директора работа в «Олентуе», как и для меня, была замаскированной ссылкой. Конечно, с моей стороны этот намёк помочь ему был настоящим блефом, но я вынужден был пойти на это, так как оправдались мои опасения: директор заявил, что не может написать приказ без согласования с областным управлением.

Я возразил ему: «Вы должны понять, что если в Москве издали этот приказ, не поставив в известность ваше начальство, очевидно, для этого были веские причины. Отказ от его выполнения может повлечь за собой неприятности для вас. Данный приказ является юридическим документом, и даёт мне право оставить работу в «Олентуе» даже при отсутствии разрешения областных руководителей».

Мои аргументы оказались убедительными, и директор курорта дал указание секретарше напечатать соответствующий приказ. Однако, для перестраховки он всё-таки позвонил в Читю областным руководителям. И здесь мне улыбнулась «госпожа удача» - все руководители находились на каком-то выездном форуме, и неизвестно было, когда они вернутся в управление. Обычно такие мероприятия завершаются банкетом, где спиртное употребляется в огромных количествах. Поэтому можно

было предположить с большой долей вероятности, что к концу форума их способность к логическому мышлению будет находиться на уровне, близком к нулю, и им не будет никакого дела до меня.

И всё же, когда секретарша печатала приказ, я со страхом поглядывал на телефон и вздрагивал при каждом звонке. Наконец, приказ был напечатан, подписан, заверен печатью, и я вздохнул с облегчением – вторая часть борьбы за отъезд из этого края завершилась удачно. Отныне вопрос об увольнении был решён окончательно, и никакие силы не могли нас удержать в «Олентуе».

Я упаковал вещи, договорился с водителем автобуса (к счастью, в это время года стояла хорошая погода, и паром бесперебойно перевозил людей на другой берег). Затем я тепло попрощался с врачами и сёстрами. При этом две девушки, молодые врачи, которых прислали не так давно, были очень огорчены. «Кто будет нас опекать сейчас, после вашего отъезда?» - говорили они сквозь слёзы. Дело в том, что я взял шефство над ними – консультировал их пациентов, учил, как правильно накладывать пневмоторакс, проводил клинический разбор больных с неясным диагнозом. В общем, я оказывал им помощь в решении вопросов, которые неизбежно возникали у молодых специалистов в начале их трудовой деятельности.

На станции Карымское меня ждали новые испытания. Билеты на поезд можно было приобрести только на следующий день, и мне пришлось провести ночь в зале ожидания вокзала. Я простудился и страдал от мучительного кашля. Меня одолевали мрачные мысли – мне казалось, что вследствие длительного контакта с больными я заболел туберкулёзом.

Всё это вызвало у меня состояние, близкое к паническому, и затмевало радость в связи с тем, что нам, наконец, удалось уволиться с работы и уехать из «Олентуя».

К составу поезда «Владивосток-Москва» не был прицеплен вагон-ресторан из-за большого наплыва пассажиров, поэтому в течение всего времени нахождения в пути, то есть свыше 7 суток, пришлось питаться всухомятку. Продукты весьма сомнительного качества покупались на перроне вокзалов во время стоянки поезда.

Домой я вернулся измученный, заросший и похудевший до неузнаваемости. При обследовании у меня не было выявлено каких-либо изменений со стороны лёгких, мучительный кашель возник вследствие бронхита. Спустя короткое время все болезненные явления прошли, и я полностью выздоровел.

Мы сделали запрос в санаторий «Сосновый бор», и вскоре был получен ответ. В соответствии с приказом из Москвы мне было гарантировано рабочее место врача-фтизиатра с предоставлением квартиры.

В начале ноября 1955 года мы с женой прибыли в санаторий. Была поздняя осень, но стояла хорошая солнечная погода. Воздух был напоен запахом хвои, слегка подмораживало. «Сосновый бор» расположен в исключительно живописной местности в сосновом лесу. Недалеко от санатория протекает речка Ипать, приток Десны, на которой находилась лодочная станция. Нас встретил главный врач Клевцов и сразу вручил ключ от квартиры, расположенной в коммунальном деревянном доме.

Там проживала также пожилая супружеская пара – врач Анатолий Гаврилович и его супруга, медицинская сестра Нина Феликсовна. Это были исключительно интеллигентные люди, чуткие и отзывчивые – остатки старого, дореволюционного поколения, чудом выжившего в огне большевистского террора. На первых порах они очень помогали нам добрыми советами, окружили нас заботой и вниманием. Кроме них там проживала зубной врач Ида Самуиловна – коллега жены. Мы с ней подружились и

часто общались.

Наша квартира состояла из маленькой кухоньки с плитой, небольшой гостиной и крошечной спальни. «Удобства», как и в «Олентуе», находились во дворе.

Большим преимуществом было то, что мы могли в неограниченном количестве и бесплатно пользоваться электроэнергией, которая поступала к нам из мощной электростанции спичечной фабрики города Злынка. Эта фабрика была основана в 1862 году и обеспечивала спичками всю Россию. Мы использовали электроэнергию не только для освещения, но и для обогрева помещения, а также для приготовления пищи. Тем не менее, главным очагом для этих целей была плита, которая отапливалась дровами.

Большим и приятным сюрпризом для нас было то, что за нашей квартирой был закреплён небольшой земельный участок. Лесная почва и относительно мягкий климат создавали исключительно благоприятные условия для выращивания овощей. Мы с удовольствием трудились на нашем участке и получали неплохой урожай свежих овощей – лука, редиски, огурцов. Это давало возможность существенно обогатить наше меню. К столу часто добавлялись свежие овощи из собственного огорода. В «Олентуе» мы не могли даже мечтать об этом, так как свежие овощи были нам недоступны.

16 ноября 1955 года я приступил к работе. Так как в санатории свободной вакансии зубного врача в тот период не было, моя жена устроилась на работу в госпиталь для инвалидов Отечественной войны.

Санаторий «Сосновый бор» был рассчитан на 250 коек. Он обслуживал население Брянской области и Москвы. Среди больных встречались нередко родственники весьма высокопоставленных особ различного ранга.

Врачебный персонал состоял из 4 врачей-ординаторов и главного врача, который больше занимался административной и хозяйственной деятельностью. Главный врач - Клевцов, крупный представительный мужчина, с приятной внешностью. У меня с самого начала установились с ним хорошие отношения. Он был отличный организатор, но страдал хроническим алкоголизмом в виде запоев. Это своеобразная форма алкоголизма, при которой человек «входит в запой», то есть периодически, через определённые промежутки времени, начинает употреблять спиртные напитки в огромных количествах. При этом развиваются явления острого алкогольного делирия (психоза).

В этом состоянии он почему-то требовал, чтобы именно я оказывал ему медицинскую помощь. Кроме медикаментозного лечения, я применял влажные, холодные обёртывания. Эта процедура давала хороший эффект, но была очень мучительна, так как вызывала потрясающий озноб. Во время её применения наш главный врач страшно ругался и угрожал мне всякими карами. Затем он погружался в глубокий сон, после чего его психические нарушения проходили, нормализовались нарушенные функции, и он приступал к исполнению своей работы. После выхода из этого состояния мы снова мирно сосуществовали вплоть до повторного запоя. И так повторялось довольно часто.

Все пациенты в санатории были довольны моим лечением. Я выписывал медицинские журналы, знакомился с современными методами диагностики и лечения туберкулёза, и старался применять их на практике в той мере, в какой позволяла особая специфика медицинского обслуживания в санаторно-курортных условиях.

Настоящим праздником для нас бывал приезд из Москвы профессора Кумака. Наш санаторий курировал московский Центральный Институт туберкулёза, в котором

работал профессор Кумак. Он был еврей, невысокого роста, полный, с намечающимся брюшком, очень подвижный, улыбчивый и остроумный. По поводу любых событий у него был припасён соответствующий анекдот или острота. Профессор читал нам лекции по актуальным вопросам санаторно-курортного лечения больных туберкулёзом, проводил клинический разбор больных, проявляя при этом глубокую эрудицию и обширные энциклопедические знания в области дифференциальной диагностики заболевания.

Единственным недостатком профессора было то, что он совершенно не терпел инакомыслия, и все свои решения выдавал за истину в последней инстанции. В этом отношении он существенно отличался от моего Учителя профессора Меерсона, который не терпел слепого повиновения и поддакивания, а требовал от студента творческого осмысления всех его высказываний.

Несмотря на неприятие профессором Кумаком критических замечаний или сомнений, я всё же нередко вмешивался в ход его логических размышлений, и у нас возникала бурная дискуссия. Понятно, что я редко выходил победителем в этих дискуссиях.

Знания и опыт профессора были совершенно несоизмеримы с моим скромным опытом. Однако эти дискуссии были для меня исключительно полезны, так как способствовали совершенствованию клинического мышления.

В нерабочее время мы дружески общались. Профессор Кумак страстно любил язык идиш. Он рассказывал мне, что дома лишён возможности разговаривать на этом языке, так как у него жена не еврейка. Такое же положение у его родного брата, также большого любителя идиш. Поэтому в выходной день они встречаются в уединённом месте и разговаривают длительное время только на идиш. Я приглашал профессора к нам домой, жена угощала его

вкусными «еврейскими блюдами» - бульоном с лапшой, кисло-сладким жаркое и другими яствами, в приготовлении которых она проявляла большое искусство. Излишне говорить, что у нас дома мы могли разговаривать на идиш, которым я владею свободно. Также моя жена, которую я научил языку идиш, получала возможность совершенствовать его.

Осень миновала. Наступила зима. В декабре выпал глубокий снег. Беременность у Брони протекала нормально, она чувствовала себя хорошо. По нашим расчётам роды должны были наступить в конце декабря или в начале января. В Злынке была районная больница, и при ней родильное отделение. Однако оснащение родильного дома и условия для родов были неудовлетворительные. Также наши бытовые условия оставляли желать лучшего. Посоветовавшись, мы решили, что наиболее оптимальный вариант - рожать в одном из родильных домов города Одессы, где у нас много родственников и друзей. У них имеются обширные связи с медицинским миром города. С их помощью была возможность получить направление в один из лучших родильных домов Одессы.

После того, как было принято окончательно это решение, моя жена уехала в Вапнярку с тем, чтобы оттуда с матерью поехать в Одессу, а я остался в «Сосновом бору», с тревогой и нетерпением ожидая вестей от моей Брони.

28 декабря 1955 года я получил долгожданную телеграмму с известием о рождении сына. От радости я буквально ошалел. Первое, что я сделал – пошёл пешком, проваливаясь в глубоком снегу, в Злынку и купил... "Сказки Андерсена".

В этот день была ясная, солнечная погода. Снег искрился под солнцем. Я шёл и думал о сыне, как он выглядит. У меня почему-то возникла ассоциация образа моего сына с изображением Пушкина в детстве. Он пред-

ставлялся мне смуглым, курчавым, и таковым снился мне каждую ночь до нашей встречи. При этом он постоянно протягивал ручки ко мне. Почему возникали именно такие ассоциации, вряд ли можно объяснить.

Я оформил отпуск без содержания и собрался поехать на свидание с моим сыном. Желание поскорее встретиться с ним было столь велико, что я нарушил основное правило: «Если торопишься – никогда не ищи новых путей, иди по старому, проторенному пути». Я по карте наметил маршрут, который по моим расчётам должен был сократить время в пути на несколько часов. Но когда я приехал на станцию Немиров, оказалось, что мой поезд на Вапнярку отправился несколько минут назад. И пришлось мне почти сутки коротать в этом городе, так как другого поезда в нужном мне направлении не было.

На следующий день я без всяких помех приехал в Вапнярку и, наконец, состоялась моя встреча с сыном.

Я склонился над ним, всматривался в его личико, и меня охватила такая любовь к нему и такая нежность, которую я до сих пор никогда не испытывал. Вот это крошечное существо властно заявило о своих правах, сразу же присвоив мне звание отца, который наделён не только правами, но и обязанностями по отношению к нему. Да, к моей великой радости, что я стал отцом, примешивались тревога и беспокойство о будущем моего сына. Я понял, что сегодня произошла существенная переоценка приоритетов, и отныне все мои поступки и действия должны рассматриваться под углом зрения влияния, положительного или отрицательного, на моего сына. Благо сына должно стать высшим законом.

Народная поговорка гласит, что в жизни своей человек должен родить сына, посадить дерево и построить дом. Справедливость поговорки не подлежит сомнению, но она не полностью отражает миссию человека на Земле.

Для рождения ребёнка не требуется больших усилий и много времени. В процессе его появления на свет участвуют трое – отец, мать и Бог. Несравнимо труднее воспитать ребёнка, сделать его порядочным человеком, добрым, милосердным, справедливым и трудолюбивым. И нет более священного призвания со стороны отца и матери, чем выполнение этой задачи, требующей огромного напряжения сил, бесконечного терпения и самоконтроля над своим собственным поведением, которое является примером для сына или дочери. Ещё одну жертву, которую родители зачастую вынуждены приносить ради блага своего ребёнка - отказ от многих жизненных благ и удовольствий.

Также не требует большого труда посадить дерево. Вырастить его, не дать ему превратиться в дичок, добиться, чтобы оно плодоносило и давало вкусные и сочные плоды – много труднее.

Построить дом нелегко, но вполне возможно. Другой вопрос – каким он будет, этот дом, какую функцию он будет выполнять. Любопытно, что на иврите слово «дом» - «байт» - имеет множество значений: дом, семья, храм, куплет (песни). В этих словах наши праотцы как бы определили предназначение дома. В нём должна обитать «шехина» - Божественное присутствие, в нём должны обитать мир и спокойствие в семье, детский смех и песни. В известной израильской песне поётся: "Когда дом пуст после развода с женой, не имеет никакого значения, прав ты или нет".

В связи с этим мне хочется выразить своё отношение к одной из самых страшных трагедий в жизни ребёнка – развод родителей.

Я далёк от морализаторства и рекомендаций в этом вопросе. Он, этот вопрос, очень непрост, и в жизни возникают самые разнообразные ситуации, порой трудно разре-

шимые или неразрешимые. На эту тему имеется обширная художественная, публицистическая и иная литература с описанием душераздирающих коллизий. Тем не менее, я дерзну высказать своё мнение.

Вряд ли требуются доказательства одного неоспоримого и непреложного утверждения, что строить своё счастье на несчастье ближнего – безнравственно и аморально. Во стократ аморальнее достигать благополучия за счёт своего ребёнка – плоть от плоти, кость от кости своих родителей. Ребёнку отец и мать передают материальную частицу – гены, которые являются символом их бессмертия. Рождение ребёнка знаменует, что отныне свобода выбора родителей весьма ограничена. И нет таких жертв и лишений, которые считались бы чрезмерными для блага своего ребёнка.

Невероятно жалким и убогим выглядит аргумент в пользу развода – «не сошлись характером». Это ложь, которая, к сожалению, часто фигурирует в качестве оправдания развода родителей. Характер человека является категорией динамичной и формируется под влиянием большого количества внешних факторов. Мы нередко говорим, что у данного человека испортился характер – он стал раздражительным, злобным, агрессивным, грубым. Но если характер может меняться в худшую сторону, логично предположить, что могут быть изменения в лучшую сторону. И здесь должна проявиться сила воли человека, наделённого разумом – *Homo sapiens*.

В иудаизме брак приобретает статус святости. Обязанность создать семью рассматривается мудрецами, как первая из 613 заповедей Торы - «Плодитесь и размножайтесь!» При этом провозглашается, что дети – величайшая самостоятельная и непреходящая ценность. Брак без детей всегда считался трагедией, и бездетность по истечении 10 лет считался веской причиной для его рас-

торжения.

Иудаизм не отменял возможность развода и при наличии детей. Но это выглядит отвратительным в глазах Всевышнего, если родители не обращают внимания на морально-нравственные нормы, не ориентируются на чувство любви и сострадания, не думают о необходимости дать возможность своим детям расти в нормальной семье.

Для ребёнка развод родителей является тяжелейшей психотравмой. В душе его закипает обида на отца, горечь, чувство оскорбления, протест против унижения самого дорогого человека – своей матери. Все эти чувства в сочетании с сохранившейся в душе любовью к отцу создают гремучую смесь, которая в конечном итоге трансформируется в агрессивность, грубость, негативизм – стремление делать всё наперекор, чтобы доказать свою самодостаточность и способность противостоять несправедливостям жизни.

Так возникают преступность, алкоголизм, наркомания и насилие. Отец выполняет свой «долг» тем, что раз в неделю ведёт своего ребёнка в зверинец и покупает дорогую игрушку, не замечая выражения неизбывной тоски в глазах сына (дочери) и страстного желания к постоянному общению с отцом.

Но у папы другие заботы – он должен улаживать свою новую молодую жену, которая является допингом его угасающей потенции.

Меня охватывает чувство отвращения и омерзения, когда на презентации или банкете появляется супружеская пара – муж, далеко не первой молодости, грузный, седой, и его молодая жена, длинноногая юная красавица, которая по возрасту годится своему супругу в дочери. Обращается эта юная красавица к своему супругу ласкательно: Сашенька, Мишенька, смотрит на него с любовью и

заботливо спрашивает его, не забыл ли он валидол или другое лекарство.

А счастливый супруг с умилением и восторгом смотрит на свою юную супругу (так смотрят на дорогую породистую лошадь). Окружающие цокают языком от зависти. Ну, как же не завидовать человеку, у которого имеется вилла, шикарная машина и юная жена-красавица. И раболепствуют перед ним, и пресмыкаются, хотя такому человеку, который обездолил свою жену, отдавшую ему свою молодость и, главное, лишил своего ребёнка отца, не стоит подавать руки, несмотря на то, что этот человек - выдающийся режиссёр, поэт, артист, музыкант.

Говорят, что гений и злодейство несовместимы. Ещё как совместимы! Но при оценке моральных качеств такого человека результирующий вектор всё же должен склоняться в сторону его поведения. Уголовный кодекс – для гражданина, моральный кодекс – для человека. Общество должно выразить своё отрицательное отношение к недостойным поступкам.

Разумеется, каждый человек свободен в своём выборе. Но он свободен давать оценку того или иного выбора. Иными словами, формируется общественное мнение по поводу различных поступков человека.

Брак пожилого человека с женщиной, намного моложе его, является противоестественным и не может существовать долго. При этом не только обездолены его дети и жена, обездолена и его новоиспечённая супруга. Не секрет, что в основе брака и его прочности лежат сексуальные отношения. Без особого труда можно себе представить драму, которая развёртывается ночью на супружеском ложе и которую неохотно отображают в художественной литературе.

Молодая женщина, охваченная страстью и жаждущая близости с мужчиной, и престарелый муж, в бесплодной

попытке утолить эту страсть. Конечно, юная супруга успокаивает своего «Мишеньку», и обещает, что в следующий раз «всё получится». Но неудовлетворённая страсть вызывает в её душе раздражение и горечь, смешанные с презрением и жалостью к своему незадачливому партнёру.

А вокруг столько горячих парней, бросающих многозначительные взгляды, от которых кровь бросается в голову и сердце учащённо бьётся в груди. И зреет в душе молодой женщины неприязнь к своему престарелому супругу, которая переходит в ненависть, а губы шепчут: «Когда ты, наконец, сдохнешь, старый хрыч?»

Но внешне она мило улыбается, проявляя завидную преданность. Причина понятна: речь идёт о большом наследстве, которое должно достаться юной супруге, а не его детям. Ради этого не жалко использовать любые средства, включая незаконные или не совсем законные, которые зачастую заканчиваются на скамье подсудимых. Таким образом, желание обзавестись молодой женой приводит к страданию всех без исключения действующих лиц этой драмы, вернее, этого трагического фарса. И самым печальным является то, что дети являются наиболее пострадавшими в этом неблагоприятном жизненном спектакле, который, увы, встречается нередко.

...Через несколько дней мой краткосрочный отпуск закончился, и мы решили втроём уехать домой, в Злынку. Прибыли мы домой благополучно, и отныне наша жизнь потекла по другому руслу. Наш ребёнок – Рома, Ромашка стал для нас центром вселенной, вокруг которого вращались все наши интересы и дела. Кормление (грудное), купание, сон проводились в строго определённое время. До 12 месяцев наш сын был на грудном вскармливании, что весьма положительно сказалось на его развитии и здоровье. Болезни (в основном

инфекционные) начались в трёх - четырёхлетнем возрасте, тогда, когда он стал посещать детский сад. Но к тому времени мы уже не работали в Злынке.

Когда Броня приступила к работе, возникла проблема, актуальная во все времена и у всех молодых родителей, – поиски няни для нашего Ромочки. Нам порекомендовали одну старушку, но она была настолько неопытна, что очень скоро пришлось отказаться от неё.

Проблему решили родители Брони. Они нашли деревенскую девушку примерно 16-17 лет, по имени Настя, которая согласилась оставить свой родной дом и приехать к нам с тем, чтобы нянчить нашего сына. Настя с трудом читала и писала, была очень наивна, но вместе с тем было у неё чувство юмора и здравый смысл, который приобретается жизненным опытом. По поводу любого события было у неё своё собственное мнение, почерпнутое из деревенской жизни.

Меня она критиковала за то, что я был «плохий» (с ударением на «о»). В украинских деревнях этот термин применяется по отношению к робким, несмелым, нерешительным мужчинам. Когда я просил её разъяснить смысл этого термина, Настя отвечала: «Вы плохий, потому что никогда не бьёте свою жену». В качестве неотразимого аргумента она приводила популярную в тех краях поговорку: «Жинка не быта, що ложка не мыта», то есть не битая жена подобна невымытой ложке. Таких сентенций у Насти было великое множество, и она применяла их, когда поучала нас, как нужно жить. В общем, с Настей нам не было скучно, и она через короткое время стала полноправным членом нашей семьи. Наш Ромочка очень привязался к ней, и с её рук не переходил ни к кому, что очень огорчало бабушек и дедушек.

Во время работы в санатории «Сосновый бор» наше материальное положение было неплохим, мы хорошо

зарабатывали, питались продуктами высокого качества, которые приобретались из фондов санатория по сравнительно низким ценам. Жили в лесу, где был чистый воздух, насыщенный ароматом хвои.

Ежедневно мы гуляли с нашим ребёнком. Зимой я катал его на саночках. Физическое и умственное развитие нашего сына протекало без каких-либо отклонений. У нас были все основания быть довольными жизнью.

Однако два обстоятельства омрачали наше настроение. Во-первых, нашу жизнь в Злынке можно было сравнить с пребыванием на необитаемом острове – мы были лишены всяческих культурных развлечений. О театре даже нечего было мечтать, а кино можно было посмотреть только в Злынке, находящейся в 8 километрах от нашего места жительства. Но была другая, более веская причина, которая тревожила нас и не давала покоя.

Вокруг нас находились больные с активными (открытыми) формами туберкулёза. И если мы могли как-то мириться с этим обстоятельством и предпринимать меры по предупреждению заражения, то для нашего ребёнка общение с такими больными представляло грозную опасность.

Всё это вынуждало нас искать пути, чтобы оставить эту работу и устроиться в лечебном учреждении нетуберкулёзного профиля. Такое решение ещё диктовалось тем, что я мечтал быть терапевтом, то есть специалистом более широкого профиля, чем фтизиатр. Но формально я не мог уволиться, так как не истекли три года моей работы. Вскоре произошли события, которые дали мне основание уволиться досрочно.

Согласно трудовому законодательству, врач должен работать не более шести часов в день. Это связано с тем, что работа его сопряжена с большим психоэмоциональным напряжением. Однако заработная плата врача была

настолько низкой, что не удовлетворяла даже минимальных жизненных потребностей. Для того, чтобы получить представление об уровне оплаты врачебного труда в Советском Союзе, я сопоставил её с соответствующим уровнем в Израиле.

Результат оказался ошеломляющим. Покупательная способность минимальной зарплаты врача в Израиле оказалась в 10 (десять!) раз больше, чем в стране «победившего социализма». Таким наглым и бесстыдным образом эксплуатировался труд врача в Стране Советов. Попутно замечу, что в отношении средних медицинских работников (медицинских сестёр, фельдшеров) положение было ещё хуже. Эта категория медиков получала буквально нищенскую заработную плату.

Для того, чтобы хоть как-то исправить это положение, медицинским работникам разрешалось работать на 1,5 ставках, то есть совмещать основную работу с другой - на полставки. Создалась абсурдная ситуация – врач обязан был работать не шесть часов, как предписано законодательством, а девять часов. При этом речь идёт о врачах-фтизиатрах, у которых работа связана с риском заражения. Это противоречие можно было устранить единственным способом – повысить оплату труда медицинских работников. Однако медицинское обслуживание не входило в число приоритетных направлений в финансировании. Главные средства шли на военную промышленность и освоение космоса. На здравоохранение выделялись крохи из государственного бюджета. Так на практике осуществлялся лозунг: «Всё во имя человека, всё на благо человека».

Противоречие между длительностью рабочего дня и оплатой труда медицинским работникам неожиданно решил руководящий чиновник из областного курортного управления. Он единым махом разрубил этот гордиев узел,

издав приказ, который носил чисто волонтаристский характер, то есть совершенно не учитывал реального, существующего положения. Согласно этому приказу все врачи должны быть переведены на одну ставку. Совместительство врачебного персонала отныне запретить. Врач, который не согласен работать на одной ставке, должен поставить об этом в известность Управление и будет уволен. О том, как приказ отразится на качестве лечения больных, и каково станет материальное положение врачей, чиновника меньше всего волновало.

Но меня этот приказ заинтересовал чрезвычайно, ибо передо мной возникла реальная возможность уволиться до истечения трёх лет работы.

Я немедленно написал письмо в областное курортное управление. Ссылаясь на соответствующий параграф приказа, я указал, что не согласен работать на одной врачебной ставке и прошу освободить от занимаемой должности. Через несколько дней был получен ответ. Сказать, что письмо содержало элементы раздражения и осуждения – значит, ничего не сказать. Письмо буквально источало гром и молнию. Меня обвиняли во всех смертных грехах. Главный упор делался на то, что я своим недостойным поступком компрометирую и дискредитирую принципы социалистической морали и этим лью воду на мельницу мирового империализма. Указывалось на мой низкий идейно-политический уровень и врачебские тенденции в моём поведении. Слово «рвач», видимо, очень понравилось чиновнику из-за созвучия со словом «врач», и он повторял его в тексте неоднократно. Слова осуждения были адресованы также главному врачу Клевцову. Его обвиняли в том, что в коллективе слабо проводится политико-массовая и воспитательная работа в духе идей социализма и коммунизма. Конечно, в сталинские времена эти обвинения могли стать основой жестоких репрессий,

но сейчас время было другое.

В ответ на эту демагогию я написал письмо в управление. В этом письме, прежде всего, был задан вопрос, знаком ли автор с элементарной логикой и знает ли его левая рука, что делает правая. Ведь мне было предложено ответить на конкретный вопрос, согласен ли я работать на одной ставке. Ответ мог быть либо положительный, либо отрицательный. Автор приказа, видимо, считал, что здесь возможен только один ответ – положительный.

Затем я посоветовал ему заглянуть в словарь и выяснить значение слова «рвач». Рвач – это человек, стремящийся всякими недобросовестными способами извлечь из своей работы как можно больше выгод. Я же, наоборот, желаю уволиться с работы в соответствии с условиями, изложенными в приказе. В нём совершенно недвусмысленно указано, что при отказе работать на одной ставке врач может уволиться с работы.

В завершение моего письма я отметил, что приказ управления и способ его осуществления являются весьма подходящим материалом для журнала «Крокодил» - юмористического и сатирического издания, которое пользовалось большой популярностью. Это был единственный печатный орган, которому в условиях жесточайших цензурных ограничений всё же иногда удавалось освещать нередкие проявления идиотизма среди власть предержащих. Чиновники всех мастей и рангов боялись, как огня, стать героем фельетона в этом журнале. Верно говорят: смеха боится даже тот, который ничего не боится.

С содержанием моего письма я ознакомил нашего главного врача. Он пришёл в ужас от моего «вольнодумства». Главный врач был неплохим человеком и довольно решительным, но при встрече с начальством

тушеввался и становился робким. Мне думается, что в прошлом, во время сталинского террора, он испытал какие-то неприятности, которые наложили отпечаток на его поведение. Таких людей, чудом избежавших репрессий, но находящихся в зоне «повышенного риска», то есть ощутивших их зловещее прикосновение, было немало. Их можно было узнать по особому поведению – тревога в глазах, постоянное оглядывание во время беседы, тщательный подбор «нейтральных» слов в разговоре, подбострастие перед начальством.

Я предложил главному врачу освободить меня с работы по моему собственному желанию.

При этом мною были приведены следующие аргументы. Отношения мои с областным курортным управлением вряд ли нормализуются после моего дерзкого письма, и отсюда не будет возражений против моего освобождения. Я приобрёл в их глазах дурную репутацию «правдоискателя», от таких работников всегда пытаются избавиться любыми способами. Моё заявление об освобождении с работы будет для них приятным сюрпризом. Во-вторых, после моего ухода с работы положение с врачебными кадрами в санатории достигнет критического уровня, и, если оставшихся врачей переведут на одну ставку, больные останутся без медицинской помощи.

Таким образом, у главного врача будут все основания не выполнять приказ управления, и врачи останутся на 1,5 ставках. Если же перевести их на одну ставку, начнётся массовое увольнение, и санаторий останется без врачебных кадров. Зарботная плата врачей была настолько низкой, что приходилось искать дополнительные источники доходов для удовлетворения минимальных жизненных потребностей.

Главный врач нашёл мои аргументы убедительными. Я написал заявление, и спустя несколько дней моя просьба

была удовлетворена. В трудовой книжке появилась запись: «Освобождён от занимаемой должности по собственному желанию». Так досрочно завершился период моего принудительного труда. Отныне я был свободен в выборе места работы и профиля моей врачебной деятельности.

Я стал подыскивать себе подходящую работу. Но здесь меня подстерегал весьма неприятный сюрприз. Я столкнулся с большими трудностями при поиске подходящей работы. По иронии судьбы эти трудности были обусловлены такими же факторами, какие имели место во время моего увольнения из санатория «Сосновый бор», но, если можно так выразиться, с обратным знаком.

Все без исключения лечебные учреждения, которым я предлагал свои услуги, отказывали мне. Даже учреждения, где оказывалась медицинская помощь туберкулёзным больным, и в которых, по моему глубокому убеждению, была потребность во врачах-фтизиатрах, не были заинтересованы в моих услугах. Я был в полной растерянности. Становилось понятным, что устроиться на работу можно лишь с помощью лица, обладающего связями с «сильными мира сего». Мы обратились за помощью к дяде Мише, который работал в торговой системе города Тульчин и занимал там руководящую должность. Он жил на широкую ногу и обладал обширными связями среди руководителей города.

Вскоре дядя Миша сообщил мне приятную весть. В ближайшем будущем освободится вакансия врача-терапевта в Тульчинской районной больнице, и главный врач согласен принять меня на работу при условии, что до этого я поработаю районным педиатром. Я дал своё согласие, хотя это условие выглядело более чем странным. Районный педиатр не только организатор медицинской помощи детям. Он является высококвалифицированным специалистом, оказывающим помощь в диагностике и

лечении больных детей.

Ребёнок – это не взрослый в миниатюре. Течение заболевания, механизм защитных реакций, лечебная тактика и прогноз заболевания у ребёнка и у взрослых существенно отличаются и требуют иного подхода.

Излишне говорить, что в области педиатрии мои познания были более чем скромные, и предлагать мне должность районного педиатра, даже временно, являлось полным абсурдом. Но тем не менее я дал своё согласие в надежде, что срок моего пребывания на этом посту будет максимально коротким.

Итак, 6 апреля 1957 года я оформил все документы и приступил к работе. Главный врач предложил мне ознакомиться с состоянием педиатрической службы района. Я изучил основные показатели, сравнил их с данными других районов и некоторых стран. То, что открылось моим глазам, ошеломило меня. Уровень детской смертности в Тульчинском районе был невероятно высок, он превышал даже соответствующий показатель в отсталых африканских странах. Детская смертность младенцев до года жизни характеризует уровень социального и экономического состояния страны. Было совершенно очевидно, что власти не смогут мириться с подобным положением, которое дискредитирует страну «победившего» социализма. Главный удар обрушился на медицинскую службу, которую обвиняли в некомпетентности и отсутствии чёткой организации помощи детям. Какая-то часть этих обвинений была обоснованной, но она не отражала основной причины.

В показателях уровня здоровья населения роль медицинского обслуживания не является главной. Основное значение имеет socioэкономический фактор – экология, питание, материальное состояние, санитарно-гигиенические факторы и многие другие.

Я был глубоко потрясён, когда ознакомился с условиями жизни населения в Тульчинском районе и уровнем медицинского обслуживания в сельской местности. Больницы располагались в ветхих зданиях, в некоторых из них была всего одна палата, где в тесноте и антисанитарных условиях находились вместе больные мужчины, женщины и дети. Лечили их в основном фельдшера с очень низким уровнем медицинских знаний, нередко злоупотребляющие алкоголем.

Родильные отделения находились в антисанитарном состоянии, и новорожденные дети выписывались со стафилококковой инфекцией. Уровень стафилококковой инфицированности достигал часто такой степени, что приходилось закрывать родильный дом и размещать койки для рожениц в...школе.

Бытовые условия детей производили удручающее впечатление. Дети проживали в тесных, грязных помещениях без свежего воздуха. Большинство находилось на искусственном вскармливании, так как кормящим матерям приходилось вскоре после родов возвращаться на работу, чтобы выработать обязательный минимум трудодней. О детских питательных смесях не имели никакого представления, детей кормили недоброкачественными продуктами питания, которые вызывали тяжёлую диспепсию.

Все вышеуказанные факторы являлись причиной столь высокой детской смертности. Об этом я и представил соответствующий отчёт главному врачу и высказал уверенность, что, пока не будут устранены все недостатки, не может быть и речи об уменьшении детской смертности. Главный врач грустно улыбнулся и сказал, что ему без меня ясна причина, но его власть не простирается столь далеко, чтобы он был в состоянии поменять общественно-экономический строй государства. Органы власти не хотят и не могут вникнуть в глубинную суть проблемы. Поэтому

они идут по пути, который не требует особого напряжения. Это путь тупого администрирования, волевых решений, при которых работа производится под страхом наказаний, начиная с выговора и кончая передачей дела в суд с обвинением в халатности и саботаже.

Беседуя с главным врачом, я не мог отрешиться от мысли, что он чего-то не договаривает, и постепенно у меня росло и крепло подозрение, что он использует меня для каких-то нелицеприятных дел. Вскоре мои подозрения полностью оправдались, и мне стало ясно, какая роль предназначена мне в его нечистой игре. Однажды я невольно подслушал телефонный разговор главного врача с высокопоставленным чиновником. О том, что на другом конце провода находился высокий чин, свидетельствовали заискивающий тон главного врача и его постоянное обещание, что всё будет исполнено.

При этом одна фраза меня очень заинтересовала, так как напрямую касалась меня. Главный врач сказал: «Думаю, что сейчас дело сдвинется с мёртвой точки. Мы приняли на должность районного педиатра молодого энергичного врача». Затем после того, как его собеседник высказал какое-то возражение, главный врач продолжил: «Что ж, если он не справится, мы его накажем. Думаю, что мы заставим его работать и исправить создавшееся положение».

Когда я вошёл в приёмную главного врача, он по выражению моего лица понял, что я слышал весь разговор, и миролюбиво сказал: «Ты поработай ещё немного, затем я переведу тебя на должность терапевта. В разговоре с начальством приходится быть дипломатом». Я решительно сказал, что не намерен выполнять роль «мальчика для битья», тем более быть козлом отпущения. При этом я потребовал перевести меня на должность терапевта немедленно. Когда главный врач заявил, что в настоящий

момент это не представляется возможным, я подал ему заявление об освобождении от занимаемой должности районного педиатра по собственному желанию. Главному врачу не оставалось ничего больше, как подписать это заявление. Насильно он не мог меня удержать.

Так бесславно закончилась моя «тульчинская Одиссея». Я снова стал безработным. Начались поиски работы. Опять приходилось испытывать мучительное унижение, выслушивая ответ, что в моих услугах не нуждаются. Тогда я решил попытаться счастья в поисках работы в родных краях. Я обратился в администрацию Крыжопольской районной больницы с просьбой предоставить мне работу.

В Крыжополе я вырос и закончил успешно школу с серебряной медалью. Возможно, что эти обстоятельства смогут помочь мне устроиться на работу? Но мне снова отказали. Правда, предложили работу врача в участковой больнице села Городковка, находящейся на расстоянии 18 километров от Крыжополя. Я отказался, и предпринял последнюю отчаянную попытку.

В райкоме партии работал сотрудник, с которым я был знаком ещё в школьные годы. Я попросил его помочь мне в устройстве на работу. Он позвонил главному врачу с просьбой решить этот вопрос.

Следует сказать, что «просьба», исходящая из этого учреждения, равнозначна приказу. Когда я обратился повторно в администрацию больницы, мне предложили временно поработать... педиатром. В ближайшем будущем освободится вакансия терапевта, и меня без всякой волокиты переведут на эту должность. Несмотря на то, что этот вариант имел место в прошлом и закончился полным фиаско, я дал своё согласие, ибо убедился, что действительно вскоре терапевт больницы должен уволиться по семейным обстоятельствам. А главное, мне не предлагали руководящую должность. Педиатрическую

службу в Крыжопольской районной больнице возглавляла прекрасный специалист - доктор Штерн. Она была врач по призванию, страстно любила детей и отдавала все силы и время для их успешного лечения. Смерть ребёнка она рассматривала как личную трагедию и плакала вместе с родителями. Мне довелось поработать с ней короткое время, и я многому научился у неё не только в плане повышения квалификации. Она явилась для меня образцом любви к пациенту, гуманного отношения к нему и сопереживания с больным в связи с постигшим его несчастьем. Для неё девиз: «Благо больного – высший закон» не был пустым звуком, а основополагающим принципом её врачебной деятельности.

20.08.1957 года я был официально переведен на должность врача-терапевта Крыжопольской районной больницы. Через четыре дня мне исполнилось 28 лет. Вся жизнь была впереди - с её надеждами и чаяниями, которым, увы, далеко не всем суждено было сбыться.

Мы с нашим сыном Ромой. Прекрасное время! 1956 год,
Злынка

Ладушки, ладушки... 1956 год, Злынка

На верхнем снимке
наш сын Рома. «Жизнь
прекрасна и
удивительна!» Нам
уже целых 5,5
месяцев. Июнь 1956,
Злынка

На нижнем снимке
нам уже 10,5 месяцев,
И мы вполне
довольны жизнью.
Ноябрь, 1956 год.
Злынка.

ЖИЗНЬ И ВРАЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫЖОПОЛЕ (1957-1976)

Переезд в Крыжополь. Отношения Брони с моими родителями. Рома поступает в 1 класс средней школы, затем в музыкальную школу. Меня назначают главным терапевтом района и заведующим терапевтическим отделением. «Лейб-медик». Награда орденом "Знак Почёта". Колхозные комиссии. Крушение мечты о научной деятельности. Театр абсурда. Рома поступает в политехнический институт. Главный врач сердится. Я изучаю иврит и совершенствую идиш. Эхо Шестидневной войны.

*«Сделай так, чтобы разум мой оставался
ясным при всех обстоятельствах, ибо велика и благородна наука, цель которой сохранить здоровье творений Твоих».*

Маймонид. «Молитва врача»

1 июня мы приехали в Крыжополь на постоянное место жительства. Стояла прекрасная солнечная погода. Цвела сирень, и воздух был напоен её нежным ароматом. На голубом небе – ни единого облачка. Настроение было приподнятое, и мы верили, что на новом месте нас ждёт удача, хотя понимали, что придётся преодолевать немало трудностей. Отрадно было то, что в Крыжополе проживали мои родители и с ними сестра Зина с мужем и детьми, а также много родственников и друзей. Ведь в этом небольшом, утопающем в зелени городке, прошли мои юность и детство.

Название «Крыжополь» происходит от его географического положения. По одной версии, оно происходит от слова «кряж», так как именно здесь лежит кряж, который является водоразделом между бассейнами Южного Буга и

Днестра. По другой версии, первая часть названия происходит от слова «крыж» (то есть «крест»); соответственно Крыжополь – это перекрестье, где пересекается поле. До войны преобладающую часть населения составляли евреи.

На обелиске в память погибших воинов вычеканены имена погибших во время войны, несколько сот человек, почти все евреи. Только моих однофамильцев и родственников насчитывается десять человек. Привожу их имена.

Шихман Хаим Аронович, 34 года

Шихман Арон Абрамович, 32 года

Шихман Илья Исаакович, 18 лет, мой двоюродный брат

Шихман Иосиф Леонтьевич (Мотелевич), 27 лет

Шихман Леонтий Яковлевич, 20 лет, мой двоюродный брат

Шихман Матвей Борисович, 20 лет, мой двоюродный брат

Шихман Мендель Хаимович, 23 года

Шихман Михаил Гиданович, 33 года

Шихман Михаил Ефимович, 23 года

Шихман Розалия Марковна (Мееровна), 25 лет – врач, капитан медицинской службы (моя двоюродная сестра).

Да будет благословенна их светлая память!

Насколько гнусными и подлыми выглядят инсинуации антисемитов, что евреи «воевали в Ташкенте» и что «Иван воюет в окопе, а Абрам торгует в рабкоопе»! На примере Крыжополя, маленького городка, наглядно видно, насколько активно участвовали в боях евреи и как много сыновей и дочерей еврейского народа пали смертью храбрых на поле боя.

В Крыжополе нам пришлось снять квартиру, ибо дом, в котором проживали родители, был небольшой, с ними жила сестра Зина с семьёй.

Между моими родителями и Броней установились

исключительно тёплые и дружеские отношения. Мои родители не только любили её, но и гордились ею. Я далеко не уверен, что родная дочь могла бы уделить им больше внимания, чем их невестка. Достаточно сказать, что моя Броня навещала их каждый(!) день. Она разговаривала с ними на идиш, потому что им было легче общаться на этом языке. Её внимательность, тактичность, преданность и искренность в отношениях с моими родителями вызвали ответную любовь, и мои родители считали её своей дочерью. Если принять во внимание тот факт, что конфликты между свекровью и невесткой - явления столь частые, что стали хрестоматийными, можно сказать, что отношение Брони к моим родителям поистине уникально в своём роде.

Мы сняли однокомнатную квартиру в центре, но вскоре пришлось поменять её, так как она была очень маленькая и тесная для нашей семьи. Новая квартира, в которой мы поселились, была намного больше, и там для ребёнка условия были более благоприятны. Вместе с тем, в плане комфортности она оставляла желать лучшего. Не было водопровода (как, впрочем, почти во всех домах посёлка), и нам приносила воду ежедневно за определённую плату женщина. Воду она несла на коромысле, два ведра в день.

Такова была наша суточная норма расходования воды. Правда, можно было использовать дождевую воду, а зимой – снег в качестве источника пресной воды.

Кухня размещалась в бывшей веранде, зимой в ней всё замерзало. Из-за сильного холода Броне приходилось тепло одеваться во время пребывания на кухне. Отопление печное с помощью дров и угля. Печка была старая, с плохой тягой, уголь разгорался с трудом, и в квартире было дымно и холодно. Когда наш ребёнок, сидя за столом, рисовал или писал, у него синели пальчики от

холода, и приходилось одевать перчатки.

Но особенно донимала нас грязь на улице в дождливую погоду. В посёлке были замощены всего две центральные улицы. Позже замостили ещё одну улицу, на которой жил брат секретаря райкома. Остальные улицы, в том числе наша, были не замощены, и даже после небольшого дождя земля размокала и превращалась в болото, настолько глубокое и вязкое, что пройти через него можно было только в резиновых сапогах, иначе ботинки, а тем более туфли, оставались в глубине болота, и извлечь их не представлялось возможным. Таким образом исчезли в пучине болота однажды сапожки нашего Ромочки. Чтобы этого не повторилось, приходилось переносить ребёнка на руках или на спине.

Излишне говорить, что все «удобства» находились во дворе дома. В этой квартире мы жили 7 лет. Затем, когда я уже приобрёл известность и определённый авторитет, мне выделили по распоряжению райисполкома более «комфортабельную» квартиру на втором этаже в ведомственном доме. Она была просторней и теплей, но... на этом её преимущества по сравнению с предыдущей квартирой кончаются. В ней не было ни водопровода, ни канализации.

Дом был расположен рядом с железной дорогой, и, когда проезжал поезд, всё в квартире дребезжало, что не очень способствовало приятному сну. Но спустя несколько лет, когда я стал лечащим врачом первого секретаря райкома, нам выделили квартиру, которая находилась в доме, где проживала элита города. Мы впервые стали пользоваться благами цивилизации: в доме был водопровод, канализация, в квартире даже имелась ванна. Это было в 1971 году, и такой дом был единственным в нашем городке. Правда, напор воды в кране далеко не всегда был достаточный, и временами вода текла тонким

ручейком или вообще прекращалась. Это напоминало мне известный анекдот, в котором рассказывается, что построили прекрасный бассейн, но есть в нём один недостаток – отсутствие воды.

Правда, к этому времени мой авторитет в районе возрос настолько, что при необходимости я звонил на водокачку, представлялся и просил повысить давление воды на определённое время. Как правило, моя просьба исполнялась.

В 1962 году произошло знаменательное событие – наш сын поступил в школу, в первый класс. Ему исполнилось лишь 6,5 лет, но к этому времени он свободно читал и в интеллектуальном развитии проявлял большие способности. Ромочка не обманул наших ожиданий, он занимался на «отлично» и был лучшим учеником школы. После окончания каждого класса он получал похвальную грамоту, а нам присылали открытки, где дирекция школы выражала благодарность за прекрасное воспитание сына.

Обладая отличным музыкальным слухом, наш сын поступил в музыкальную школу по классу скрипки, которую закончил через 7 лет с отличием. Во время учёбы в школе, по выходным дням, его учитель музыки приходил к нам со своей скрипкой, и они исполняли дуэты выдающихся композиторов. Мы получали огромное наслаждение от этих концертов.

Рома с успехом участвовал в музыкальных конкурсах, и в 1971 году за высокие показатели был занесён в книгу почёта Крыжопольской музыкальной школы. Кроме игры на скрипке он успешно освоил игру на фортепиано, гитаре, аккордеоне.

Успехи нашего сына в учёбе нас радовали, и мы не сомневались, что он окончит среднюю школу с золотой медалью. Фактически по своим способностям и результатам в учёбе у него не было соперников, и он являлся наиболее реальным кандидатом на медаль.

Но нас ожидало тяжёлое и горькое разочарование. Золотая медаль, предназначенная ему, и уже даже поступившая в банк, о чём поведали мне банковские работники, не нашла своего достойного кандидата, а уплыла в неизвестном направлении.

Обиднее всего было то, что мои друзья и знакомые, знающие хорошо изнанку современной жизни, предупреждали меня, что для получения медали необходимо дать взятку. Без взятки медаль не будет получена, даже если кандидат достоин её.

Я с негодованием отвергал эти предложения, считая, что они совершенно не соответствуют действительности. Мне была отвратительна и неприемлема мысль, что в сфере образования, призванного сеять «разумное, доброе, вечное», в этом священном храме науки может господствовать коррупция и столь откровенная и бесстыдная торговля медалями. Кроме того, я к тому времени пользовался известностью, у меня лечились все «сильные мира сего», и мне казалось, что они не посмеют совершить беззаконие в отношении моего сына.

Но алчность тех, от которых зависело решение этого вопроса, и, главное, устоявшаяся тенденция никому не позволяли посягнуть на «священную корову» - один из основных источников наживы этих погрязших в коррупции нечистоплотных людей.

Интересно, что в аттестате зрелости сына не было ни одной четвёрки, а только пятёрки – обстоятельство, которое ставило в тупик приёмную комиссию Политехнического института, куда были поданы документы. Тем не менее, пришлось сдать вступительные экзамены. Они были сданы блестяще, все на оценку «отлично», и наш сын стал студентом Свердловского политехнического института (его Нижнетагильского филиала). В Нижнем Тагиле жила Света - сестра Брони. Она и её муж, Алик, опекали Рому

и делали всё, чтобы облегчить его жизнь на чужбине, вдали от родителей.

После того, как я был переведен на должность терапевта Крыжопольской районной больницы, меня направили на курсы специализации по терапии в Киевский Институт усовершенствования врачей. В этом была острая необходимость. Ведь я работал до этого в течение трёх лет врачом-фтизиатром. Это врачебная специальность довольно узкого профиля. В Киевском институте я интенсивно занимался, курировал больных, изучал специальную литературу, в том числе иностранную. Моим наставником был доцент Могилевич, превосходный клиницист и педагог. Его клинические разборы больных вызывали восхищение. Я очень многому научился у него и обязан ему успехами в моей дальнейшей врачебной деятельности.

Курсы длились 5 месяцев - до конца декабря 1959 года, а с 1 января 1960 года я был назначен заведующим терапевтическим отделением и районным терапевтом. В связи с отсутствием в больнице патологоанатома, я добровольно вызвался вскрывать трупы умерших больных. Сопоставление клинического и патологоанатомического диагнозов давало возможность выявить недостатки и упущения в диагностике и лечении больных. По следам результатов патологоанатомического вскрытия проводились клинические конференции, с подробным анализом ошибок и их причин. В случаях грубых ошибок в результате халатности врача выносились административные взыскания.

Работа патологоанатома способствовала значительному росту моей квалификации и клинического мышления. Правда, условия для вскрытий умерших больных были очень тяжёлые. Они проводились в маленьком сарайчике, при отсутствии водопровода, электричества и отопления. Нередко зимой приходилось вскрывать замороженные

трупы при свете керосиновой лампы. И тем не менее я терпел все эти невероятные трудности во имя лучшего лечения живых людей. По результатам патологоанатомических вскрытий и их клинических проявлений я написал несколько научных статей, которые были опубликованы в медицинских журналах «Врачебное дело» и «Терапевтический архив».

Вскоре я организовал электрокардиографическое обследование больных. Следует подчеркнуть, что в те годы этот метод диагностики не был столь рутинным, как в наши дни. Он применялся лишь в крупных больницах. Так как скромный бюджет районной больницы не позволял приобрести столь дорогостоящий аппарат, я призвал на помощь несколько богатых колхозов. Мы заключили с ними негласное соглашение. Работникам этих колхозов будет предоставляться внеочередная медицинская помощь. Взамен нам выделили средства, на которые мы приобрели электрокардиограф. Кроме того, были приобретены магнитофон и пишущая машинка.

Из штатного расписания мне удалось выделить полставки для секретаря-машинистки. Отныне врачи имели возможность все данные о больных диктовать на магнитофон, затем секретарь перепечатывала их в историю болезни. Таким образом, создавалась возможность сэкономить время и уделить больше внимания больным. Очень важно то, что истории болезни становились более «читабельными». Почерк врачей (в том числе мой) зачастую бывал очень неразборчивым.

Использование электрокардиографа дало возможность значительно улучшить обследование больных. Я организовал курсы на базе нашей больницы, где знакомил участковых врачей с методами изучения и расшифровки электрокардиограмм. Особое внимание на занятиях я уделял изменениям ЭКГ, которые указывали на пораже-

ния сердца, требующие срочной медицинской помощи.

Вскоре меня назначили председателем врачебно-контрольной комиссии (ВКК). Эта комиссия выполняла функцию контроля и надзора за качеством обследования и лечения больных, а также определения их трудоспособности. Кроме того, я возглавил ВТЭК (врачебно-трудовая экспертиза). На этой должности я задержался ненадолго.

Я категорически не соглашался с инструкциями о предоставлении инвалидности. С моей точки зрения, они были несправедливы и жестоки. Например, больной с одной почкой признавался трудоспособным и не имел права на пособие. Я зачастую игнорировал эти draconianские законы и назначал группу инвалидности вопреки соответствующим указаниям.

Понятно, что при очередной проверке работы ВТЭК мне было строго указано на недопустимость нарушения инструкции об определении инвалидности. При этом возникали подозрения, что это делается мною не бескорыстно. Я выразил свой протест тем, что отказался продолжать эту работу.

Вскоре ко мне стали обращаться за медицинской помощью партийные и советские руководители района. Для этой категории пациентов существовала специальная больница в областном центре, которая отличалась высокой комфортностью, и была оснащена современным диагностическим оборудованием. В отличие от нашей больницы, где больных из-за отсутствия свободных коек приходилось размещать в коридоре, в этом лечебном учреждении никогда не было дефицита в больничных койках. Не было у них также недостатка в медикаментах.

Мне иногда приходилось консультировать больных в такой спецбольнице. Однажды, находясь в ординаторской, я обратил внимание на фармацевтический справочник, лежащий на столе. Он привлёк мое внимание тем, что на

нём стоял гриф «Секретно». Оказывается, это был справочник с характеристикой медикаментов, которые поступают к нам по импорту в небольших количествах и предназначены исключительно для спецбольниц. Я не мог прийти в себя от изумления и негодования.

Я не понаслышке знал об остром дефиците отечественных лекарств и об их низком качестве. Незадолго до этого на медсовете облздравотдела один из врачей подвергся резкой критике с угрозой возбудить на него уголовное дело. Его «вина» заключалась в том, что для спасения подростка он выписал дефицитное лекарство и дал рецепт на руки родителям с тем, чтобы они приобрели его на чёрном рынке. Этот препарат спас жизнь больному мальчику.

Родители горячо поблагодарили врача и... написали жалобу в Министерство здравоохранения с вполне логичными претензиями – почему жизненно важный препарат отсутствует в аптечной сети? Министерство здравоохранения оперативно отреагировало на жалобу. Был издан приказ, согласно которому запрещалось врачам выписывать дефицитные лекарства больным, находящимся на стационарном лечении. Это якобы нарушение одного из законов Конституции СССР о бесплатном лечении в нашей стране. А врача, выписавшего этот препарат стационарному больному, привлечь к уголовной ответственности.

Так органы здравоохранения «решали» все жизненно важные вопросы. И как бы в подтверждение актуальности проблемы в наше отделение поступила больная в коматозном состоянии. Она страдала болезнью Аддисона (надпочечниковая недостаточность). Её могло спасти лишь внутривенное вливание кортина. Однако этот препарат отсутствовал в нашей аптеке, и все мои отчаянные призывы в Областное и Республиканское аптекоуправление были безрезультатны. Тогда я предложил её мужу

"достать" препарат на чёрном рынке и дал ему рецепт, несмотря на то, что у меня могли быть крупные неприятности.

Каковы же были моё изумление и радость, когда через день муж принес коробку со 100 ампулами кортина. Я немедленно стал вводить больной этот препарат. Вскоре она поправилась и в хорошем состоянии была выписана из больницы. Моя пациентка горячо благодарила меня за то, что я спас ей жизнь. Однако радость мою омрачал проклятый вопрос: что это за государство, которое не в состоянии обеспечить народ жизненно важными лекарствами? Нет, такое государство не имеет право на существование!

Почему, несмотря на все блага, элита нашего района обращалась за медицинской помощью именно ко мне?

Слабым местом спецбольниц являлось отсутствие высококвалифицированных кадров, которые, как известно, решают всё. Советское государство загнало самоё себя в угол. Драгоценное здоровье руководителей партии и правительства нельзя было доверить абы кому.

Возможно, что недоброй памяти «дело врачей» оставило след в сознании элиты. Перед принятием на работу в это специальное учреждение врачи подвергались тщательной проверке. Они должны были соответствовать идеологическим критериям – принадлежность к титульной нации, рабоче-крестьянское происхождение и (самое главное) партийность. Врач, который не был коммунистом, не мог претендовать на работу в этой больнице.

А так как идеологическая составляющая далеко не всегда сочетается с высокой квалификацией врача (у меня создалось впечатление, что здесь присутствует скорее обратная пропорциональность), профессиональный уровень врачей этих больниц оставлял желать лучшего. Выручало их то, что они прибегали к консультативной

помощи врачей-специалистов (зачастую беспартийных) из других лечебных учреждений.

Когда я рекомендовал моему высокопоставленному пациенту обратиться за медицинской помощью в спецбольницу, он отказывался. «Там можно хорошо отдохнуть, но меня интересуют не ковры и мягкие кресла, - говорил он, - а качественная медицинская помощь». Постепенно я стал постоянным лечащим врачом местной элиты и их родственников. Мои друзья прозвали меня в шутку «лейб-медиком» царствующих особ. Меня часто приглашали на их банкеты и вечеринки. На них велись различные откровенные беседы в моём присутствии, так как считали меня «своим». Меня поражали их духовное убожество и узость интересов. Их запросы вращались главным образом вокруг материальных благ и жизненных наслаждений.

Вышестоящие руководители – областные или республиканские – принимались с особыми почестями. Для них была выстроена специальная гостиница, пустовавшая в их отсутствие. В лесу, вблизи села Крыкливец, недалеко от Крыжополя, на берегу озера были построены дачи (охотничьи домики).

Местность была исключительно живописна. Туда отвозили высокопоставленных гостей, которые проводили время за рыбной ловлей и охотой. Егерь и лесничий создавали для этого соответствующие условия. Излишне говорить, что готовились блюда из высококачественных продуктов и деликатесов, и не было недостатка в спиртных напитках. Когда срок их командировки заканчивался, им подсовывали заранее приготовленный акт обследования, который они, не глядя, подписывали.

В день отъезда багажники машин загружались всякой снедью и спиртным, выпивался (неоднократно) пососок на дорожку, и высокие гости отбывали восвояси.

Вскоре произошло для меня знаменательное событие.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2.12.1966 года за заслуги в области здравоохранения меня наградили весьма престижным орденом «Знак Почёта». Орден мне вручили в торжественной обстановке, я получил множество поздравительных телеграмм, в том числе из отделов здравоохранения Москвы, Киева, Винницы... Друзья и пациенты сердечно поздравляли меня с высокой наградой. По этому случаю был устроен праздничный обед. Мой портрет, написанный маслом, был вывешен на доске почёта в центре города.

Коллектив был рад моим успехам, но далеко не все. Говорят – популярный адвокат, не популярный среди адвокатов. Многие мне откровенно завидовали. В иудаизме существуют два вида зависти: белая и чёрная. Белая – «лефарген», зависть, при которой радуются успехам ближнего и стараются учиться у него, идти его путями с тем, чтобы также добиться успехов.

Совсем иное – чёрная зависть. При этом считают, что успехи ближнего обусловлены не личными качествами и упорным трудом, а просто везением или нечистоплотными манипуляциями. От этой зависти до откровенной вражды – один шаг, или они вообще синонимы; на идиш «кыны – ыз сыны» (зависть есть вражда). Вскоре я столкнулся с грубым и откровенным проявлением этой зависти.

К нам в Крыжополь прибыл новый мэр (в те времена – председатель исполкома). Его сын, Женя, болел тяжёлой формой бронхиальной астмы. Меня пригласили к нему для оказания медицинской помощи. Мальчик очень страдал, его постоянно мучили приступы удушья. У меня не возникало никаких сомнений в диагнозе, но лечение, которое он получал, было не совсем рациональным. Ко многим лекарствам у него возникли устойчивость и даже парадоксальные реакции (то есть на их фоне симптомы не облегчались а, наоборот, ухудшались).

Я подробно разъяснил родителям причину ухудшения состояния Жени, и, с учётом всех особенностей, назначил лечение. Повторный осмотр необходимо было произвести через 10 дней. Когда в назначенное время я повторно посетил моего юного пациента, меня поразила откровенная неприязнь и даже враждебность, которыми меня встретили родители Жени. Сам мальчик сидел в углу, тяжело дышал и постоянно пользовался ингалятором. Едва поздоровавшись, я задал вопрос родителям, почему они не выполнили мои рекомендации, и не дали больному назначенные лекарства. Мне было совершенно ясно, что мой пациент не принимал рекомендованных мной медикаментов.

Отец ответил мне раздражённо: «Мы не давали лекарств, которые вы выписали, потому что дорожим его здоровьем. Всё, что вы советовали нам, могло принести нашему сыну непоправимый вред. Нас посетил ваш главный врач, который ознакомился с рекомендованным вами лечением. Он заявил нам, чтобы мы ни в коем случае не давали этих лекарств. Они противопоказаны ему».

Вид разгневанного высокопоставленного родителя, тон его разоблачительной речи вызвали в памяти моей недобрые времена «дела врачей». Как живучи клевета и наветы, сопровождающие еврейский народ в течение его истории! Особенно меня поразило, с какой лёгкостью поверили эти на вид вполне интеллигентные и культурные люди сообщению, что я намеренно выписал лекарства, могущие причинить вред здоровью их сына.

Несмотря на всю абсурдность обвинений, я сохранил спокойствие и ответил: «Наш главный врач – отличный организатор и неплохой терапевт. Ему вполне можно доверять, и он, несомненно, поможет вашему сыну. Что касается различий в лечении, то существует множество схем, и врач старается выбрать оптимальный вариант. Кри-

терием того, насколько лечение действительно для данного больного, является клинический эффект. Иными словами, сам пациент является арбитром эффективности лечения».

Я встал со стула, пожелал Жене скорейшего выздоровления и направился к выходу. Но меня остановила его мать. Кстати, по своему уму она значительно превосходила своего простоватого высокопоставленного супруга.

«Скажите, доктор, - спросила она меня, - вы уверены в эффективности предлагаемого вами лечения? Можете ли дать нам гарантию, что наш сын поправится и не будет ему нанесён вред?»

Я ответил с возмущением: «Я не банк и никаких гарантий не даю. И если у вас сохранилась капля здравого смысла, вы должны понять, что я меньше всего желаю причинить вред вашему сыну».

Выслушав мою тираду, мать Жени сказала: «Прошу извинить нас за этот неприятный инцидент, я полностью доверяю вам. Пожалуйста, проверьте нашего мальчика и пересмотрите схему лечения ещё раз».

Я сухо ответил, что нет никакой необходимости в повторном осмотре Жени, а в отношении лечения, которое было ему рекомендовано мною, нечего прибавить, убавить или заменить. И очень жаль, что потеряны 10 дней, в течение которых продолжались мучения ребёнка. На прощание я назначил время повторного осмотра пациента.

Спустя указанный срок я вновь посетил его. Войдя в дом и взглянув на сияющее лицо Жени, мне стало ясно, что в его состоянии произошли коренные изменения к лучшему. Он дышал совершенно свободно, исчезли ужасные свистящие хрипы, не было у него в руках ингалятора – постоянного спутника, без которого он не мог обойтись ни на мгновение из-за удушья.

В доме царила праздничная атмосфера, стол был накрыт белоснежной скатертью. На столе было выставлено

множество блюд, вино и фрукты.

Заметив мой удивлённый взгляд, мать Жени обратилась ко мне и с волнением в голосе сказала: «Дорогой доктор, наш спаситель! Сегодня у нас праздник, и принесли этот праздник вы. Впервые за много лет наш любимый и единственный сын почувствовал себя полноценным, здоровым человеком. В нём пробудился интерес к жизни, он стал жизнерадостным, активным. Ночью он прекрасно спит, и не просыпается от мучительного удушья. Это ли не повод для праздника? Разделите его с нами, пожалуйста, и давайте выпьем за успешное лечение». Я был тронут до глубины души, хотя неоднократно слышал от моих пациентов выражение благодарности.

От вина я отказался, мотивируя это тем, что нахожусь на работе. Отпив из стакана немного минеральной воды, я попрощался и ушёл. Конечно, за Женей я установил постоянное наблюдение. Он оказался очень живым и остроумным пареньком, весьма общительным. Нередко он приходил к нам домой, делился своими успехами в учёбе, играл на пианино, которое стояло у нас в гостиной. Наш сын, помимо игры на скрипке, увлекался игрой на пианино, да и я нередко музицировал на нём, когда приходил после тяжёлого, изматывающего нервы рабочего дня.

Родители Жени были мне бесконечно благодарны. Отец, используя свою власть, выделил нам квартиру, которая по тем меркам и по меркам местечка Крыжополь, отличалась высокой комфортностью.

Наш главный врач, несомненно, окольными путями узнал об эпизоде лечения Жени. Естественно, что его отношение ко мне не становилось лучше после подобных событий.

На совещаниях и заседаниях он постоянно подвергал меня критике, часто не имея никаких оснований для этого. По сути дела, это были придирки человека с уязвлённым

самолюбием. Но все его попытки скомпрометировать меня перед руководством района терпели неудачу.

Любопытно, как реагировал мэр города, отец Жени, на отношение ко мне главного врача. Его реакция была весьма типична для того времени. В частной беседе со мной он поучал меня, что руководитель очень болезненно реагирует на тот факт, что среди его подчинённых есть люди более компетентные, чем он. Это как бы принижает их достоинство. Поэтому не надо «умничать». Наоборот, нужно давать возможность администратору проявить себя с лучшей стороны.

В то время в моде был афоризм: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак!» В повседневной речи популярными были слова «не высывайся» и «не выпендривайся», то есть, старайся не подвергать критике решения начальства. В медицинских кругах такую политику мы называли «охранительная дебилость», то есть стремление уходить от решения актуальных проблем и таким путём избегать ответственности. Всё это приводило к тому, что насаждались чиновничество, приспособленчество, беспринципность и пресмыкательство перед начальством. А в конечном итоге такая политика не могла не привести (и привела!) к развалу всей системы.

Наша больница обслуживала в основном сельское население. Кроме лечебно-профилактических мероприятий мы осуществляли экспертизу трудоспособности. Создавались так называемые «колхозные комиссии», в которых я (не по своей воле) принимал активное участие.

Политика советских властей в отношении сельского хозяйства вошла в историю как одна из позорнейших страниц. Начало было положено в 30-х годах, когда ликвидировали "кулачество как класс». Большевики уничтожили самую активную и продуктивную часть сельского населения. Были созданы коллективные

хозяйства, абсолютно неэффективные. Страну ввергли в жестокий голод. По сути дела, сельское хозяйство до наших дней оставалось наиболее отсталой отраслью народного хозяйства. Производительность труда была очень низка, в работе применялись силовые методы – принуждение, штрафные санкции. У колхозников не было стимула в результатах их труда, ибо в любом случае они получали весьма скудное вознаграждение за свой труд.

Для того, чтобы прокормить свою семью, крестьяне трудились на приусадебных участках. Но в том случае, когда колхозник не выработывал определённого минимума трудодней в колхозе, на него налагался штраф, а зачастую в качестве наказания распахивали его приусадебный участок и уничтожался весь урожай. Трудно передать эту картину – распаханное поле с остатками уничтоженных растений, варварское уничтожение результатов тяжёлого труда в течение года и, как следствие, - вся семья обречена на полуголодное существование.

Оплата трудодня производилась не деньгами, а натурой, то есть сельскохозяйственными продуктами в таком мизерном количестве, что прожить на них не было никакой возможности. Результатом такой политики был хронический дефицит продуктов питания. Страна с богатейшими плодородными землями вынуждена была импортировать зерно из Соединённых Штатов Америки и Канады, мясо из Австралии, сливочное масло из Дании.

При этом советская пропаганда бесстыдно лгала, провозглашая в средствах массовой информации о якобы больших успехах во всех отраслях народного хозяйства и о скорой победе коммунизма – общественного строя, при котором будет изобилие товаров и продуктов питания. Называлась даже конкретная дата победы коммунистического строя – 1980 год. Джордж Оруэлл мог бы написать продолжение своего знаменитого сатирического

романа – «1948».

Нелепые фантастические и абсолютно нереальные посулы являлись источниками бесконечных анекдотов. По своей сути сельское хозяйство в Стране Советов было ближе к крепостничеству.

Я излагаю столь подробно проблемы сельского хозяйства в стране, так как мы, медицинские работники, были причастны к ним самым активным образом. Мы определяли на основании медицинского осмотра состояние здоровья работников сельского хозяйства и степень их трудоспособности. С этой целью и создавались колхозные комиссии.

Ранней весной, накануне полевых сельскохозяйственных работ комиссия согласно графика выезжала в село. В это время года шли дожди, грунтовая дорога размокала и превращалась в болото. Машины часто не могли проехать по этой глубокой липкой грязи, они буксовали, и мы вынуждены были остаток пути идти пешком, с трудом передвигаясь по болоту до места назначения.

В селе нас обычно ожидала толпа колхозников до 100 человек и более, которые требовали, чтобы их освободили от полевых работ в колхозе из-за плохого состояния здоровья.

При этом речь вовсе не шла о пенсионном обеспечении этой группы населения. Колхозники вообще не получали пенсий. Освобождение от принудительного труда в колхозе давало им возможность работать на своём огороде и таким образом обеспечивать пропитанием свою семью.

Понятно, что обследование такого большого количества людей в течение нескольких часов было поверхностным, и решение о степени потери трудоспособности не всегда было обосновано. В толпе слышались недовольство, ропот, возгласы негодования.

Председатель колхоза, который, как правило,

присутствовал на комиссии, ревниво следил за тем, чтобы решения не были слишком либеральными. Он обращался с колхозниками довольно бесцеремонно. Меня поражал внешний вид колхозников, их измождённые и угрюмые лица. Женщины выглядели значительно старше своего возраста. Всё это противоречило расхожему мнению о цветущем виде и румянце на всю щеку у сельских жителей, проводящих время на свежем воздухе и питающихся экологически чистыми продуктами.

Внешний вид деревенской девушки обычно ассоциировался с образом Наталки-Полтавки – сельской красавицы с толстой косой. Увы, в колхозном селе тяжёлый подневольный труд, недоедание и плохие санитарные условия приводили к высокой заболеваемости и смертности. Усугублялось это положение алкоголизмом, который принял массовый характер.

Впрочем, одна молодая женщина, которая пришла на комиссию, выделялась своим внешним видом от остальных. Она отличалась молоджавостью, особой красотой, выглядела здоровой и цветущей. Мне председатель колхоза шепнул, что она злостно нарушает колхозный устав, отлынивает от работы, постоянно не выполняет обязательный минимум трудодней, в связи с чем неоднократно подвергалась штрафу, и даже не единожды перепахивали её огород.

При этом председатель подчеркнул, что у неё строптивый характер, она горда и упряма. Поэтому следует её признать полностью трудоспособной, разъяснить ей, что она совершенно здорова и должна работать в колхозе. При обследовании я выявил у этой молодой женщины тяжёлую форму гипертонической болезни. Понятно, что при этом заболевании полевые работы и солнечное облучение ей противопоказаны. Поэтому я дал заключение, что она подлежит освобождению от всех полевых работ.

Моё решение привело председателя колхоза в ярость, он был вне себя от негодования и заявил, что опротестует моё заключение. Я разъяснил ему, что внешний вид не всегда отражает патологические изменения в организме и их степень. В данном случае речь идёт о тяжёлом заболевании, чреватом серьёзными осложнениями, опасными для жизни. Похоже, что я не очень убедил его. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что у председателя были особые причины для конфликта с этой молодой, красивой женщиной.

Колхозная комиссия в селе иногда затягивалась до 2-3 суток. Колхозное начальство устраивало трапезы с обильной выпивкой. Отказаться от выпивки – означало нанести тяжёлое оскорбление хозяевам. Это рассматривалось как высокомерие, заносчивость и надменность со стороны гостей. Приходилось по мере возможности участвовать в этих банкетах. Я возвращался с этих колхозных комиссий измученный и опустошённый не только физически, но и морально. Трудно было отделаться от мысли, что я участвую в работоторговле. Как же можно иначе расценивать принудительный труд, оплата которого не обеспечивает минимальных жизненных потребностей?

Мечта о научной деятельности не покидала меня, и я решил участвовать в конкурсе для поступления в аспирантуру. К этому времени у меня накопился богатый клинический опыт, я опубликовал несколько статей в медицинских журналах.

В 1964 году я проходил усовершенствование с предцикловой подготовкой в течение девяти месяцев по лечебному питанию в Центральном институте усовершенствования врачей (Москва), который закончил с отличием. Во время занятий в этом институте я написал научную работу, в которой было предложено использовать определённые пищевые добавки вместо поваренной соли,

которую ограничивают при ряде заболеваний. При этом вкусовые качества пищи сохраняются, и больные получают жизненно необходимые электролиты.

На одной из научных конференций выступил молодой аспирант, который защищал диссертацию по данной теме, при этом слово в слово повторял мою статью. В кулуарах мне сообщили, что аспиранты часто используют темы, которые разрабатывают слушатели курсов, и это они вовсе не считают плагиатом. Неблаговидные дела имели место не только в школах, но и в системе высшего образования, в храме науки. В этом я мог убедиться воочию, когда я повторно подал документы на участие в конкурсе для поступления в аспирантуру.

Собственно говоря, никаких оснований для жалоб у меня не было. Меня пригласили в назначенный срок. Экзаменационная комиссия принимала у меня экзамены согласно расписанию. Меня выслушивали с каменными лицами, не выражающими никаких эмоций, не задавали дополнительных вопросов и не высказывали никаких комментариев в отношении моего ответа. Сухо говорили мне после окончания ответа: «Можете быть свободны!», и я уходил в полном неведении, удовлетворены ли члены экзаменационной комиссии моим ответом.

Потом я понял - их равнодушие диктовалось тем, что от них ровным счётом ничего не зависело. Я мог отвечать блестяще или с ошибками, это не имело никакого значения – результат был предопределён заранее. После того, как я сдал последний экзамен, председатель комиссии равнодушно сказал: «Решение конкурсной комиссии будет передано вам по почте».

Ответа я не дождался.

Повторные попытки приобщиться к науке закончились полным провалом. Государство не нуждалось в моих знаниях и в моих способностях.

Советская пропаганда постоянно внушала, что не гражданин даёт государству, а государство, как добрый дядюшка, даёт блага гражданину. Этот миф был нужен властям, чтобы добиться лояльности населения. Главное - вести себя хорошо и быть преданным партии и правительству. Тогда гражданин получит квартиру, повышение по службе, путёвку в санаторий, возможность поездки за границу и другие блага. Правил бал не закон, а волюнтаристские решения партийных руководителей. Они решали, кому «пирог и пышки» - за хорошее поведение, а кому «тумаки и шишки» - за плохое поведение. Мы жили в стране тотальной коррупции.

Руководителям государства нередко приходили в голову совершенно фантастические и абсурдные идеи, которые они пытались воплощать в жизнь одним махом, без анализа объективных данных и возможностей. Одна из таких кампаний была проведена в стране в 60-х годах. Суть её заключалась в том, что СССР должен превратиться в государство такой высокой культуры, о которой страны капиталистического лагеря не смеют мечтать. И это должно произойти не постепенно, в течение нескольких лет, а ударными, большевистскими темпами.

Идея воплощалась в жизнь, как водится, методом принуждения. Колхозам было приказано построить в каждом селе дворец культуры, разумеется, на свои средства. Формально колхозы обладали автономией, и все решения должны были решаться на общем собрании путём голосования. Но власти с такими «мелочами» не считались.

Сельские жители страдали от бездорожья; фельдшерские пункты, школы ютились в полуразрушенных помещениях; не было водопровода, канализации; очень редко имелась в селе баня. Требовались большие средства для создания инфраструктуры села, а бюджет колхоза был

весьма скудным. И всё же, несмотря на это, на последние деньги из колхозного бюджета строились роскошные и дорогостоящие дворцы культуры. Нередко, приезжая на консультацию в село, я наблюдал поистине фантазмагорическую картину: сверкающий огнями дворец культуры посреди болота и многочисленных луж, в которых отражаются огни. Вокруг – непролазная грязь. Во дворце, кроме заведующего – ни души. У крестьян всегда было работы непочатый край и времени для досуга не было. Кроме того, в селе почти не было молодёжи, многие дома стояли с заколоченными окнами, так как хозяева выбыли. Дворец культуры резко контрастировал с этим унылым рядом полуразрушенных домов и выглядел совершенно неуместно.

В кампанию по развитию культуры был вовлечён и город. Учреждения получили приказ организовать художественную самодеятельность – хор, в котором должны были участвовать все работники.

В то время я временно исполнял должность главного врача. На одном из совещаний руководителей предприятий района выступил первый секретарь райкома партии, который заявил буквально следующее: «Отныне оценка результатов вашей работы будет производиться не по деловым, а по идеологическим показателям. И трудовой коллектив, в котором нет художественной самодеятельности, будет рассматриваться, как не выполнивший производственный план со всеми вытекающими из этого последствиями».

В соответствии с этими указаниями в районной больнице создали хор, в котором участвовал весь коллектив, независимо от занимаемой должности – массовость также являлась важным показателем идеологического уровня коллектива. Вокальные данные участника хора не имели значения. Неучастие в хоре влекло за собой наказание.

Иногда возникали совершенно абсурдные ситуации – врач не принимал больных в связи с его участием в хоре.

С целью повышения «культурного уровня» трудящихся обязательной была годовая подписка на центральные газеты, в которых новости излагались тенденциозно, серым, унылым языком, расхожими штампами и абсолютно одинаково во всех изданиях. Жёсткая и жестокая цензура решительно и безапелляционно пресекала любые проявления инакомыслия.

Еженедельно перед началом работы в больнице проводились так называемые политинформации, на которых с удручающим постоянством излагались преимущества социализма перед капитализмом. Как мантра повторялась ложь, что социалистический лагерь – это оплот мира, процветания, свободы и материального благополучия, тогда как в капиталистическом обществе господствуют нищета, безработица, жестокая эксплуатация трудящихся.

Особенно злобным нападкам подвергался Израиль. Эпитеты «сионистский агрессор», «израильская военщина» пестрели во всех газетах и фактически отражали махровый антисемитизм. Проводилась настоящая промывка мозгов. Информация на политзанятиях была откровенно лживой, и ни у кого из слушателей не возникало сомнений в этом.

Я часто задавал «провокационные» вопросы. Например, какое пособие получают на Западе безработные, и насколько отличается эта сумма от заработной платы врача в нашей стране. Особенно часто у меня возникали вопросы, связанные с положением на Ближнем Востоке. Так, я, ссылаясь на труды Ленина о справедливых и несправедливых войнах, просил лектора разъяснить, к какой категории относится война, которую ведут "израильские агрессоры" и попутно ответить, правда ли, что арабские страны хотят стереть Израиль с лица Земли.

Разумеется, вопросы были риторические и по сути дела содержали в себе ответ, который совершенно не совпадал с официальной установкой советской пропаганды. Поэтому лекторы с опаской поглядывали на меня, ожидая каверзных вопросов. Я постоянно слушал "вражеские голоса" – "Кол Израэль", "Свобода", "Голос Америки", черпал оттуда объективную информацию об истинном положении вещей и на этой основе формулировал "неудобные" вопросы, которые ставили в тупик лектора.

Ещё одна невероятно абсурдная кампания проводилась идеологическими органами партии. Она поражала своей нелепостью, несуразностью и даже анекдотичностью.

В принудительном порядке распространялись билеты на спектакли. Каждому отделению больницы выделяли определённое количество билетов, которые должны были быть выкуплены независимо от того, нравится или не нравится этот спектакль, и желают ли посмотреть его. Эта унижало и компрометировало артистов и, разумеется, не стимулировало совершенствование их мастерства.

По этому поводу я заявил на одном из собраний, что эта система принудительного навязывания даёт обратный эффект. У меня было намерение посмотреть спектакль, но после того, как меня стали принуждать купить билеты, это моё желание отпало.

В общем, мы жили в условиях несвободы, полного отсутствия выбора, принуждения и навязывания образа жизни, который определялся идеологическими отделами партийного аппарата. Мы были и участниками, и зрителями настоящего театра абсурда.

В 60-х годах в стране проводилась ещё одна кампания, заслуживающая внимания. С целью приближения столь долгожданного и желанного коммунизма был введён статус "ударника коммунистического труда". Каждый работник брал на себя обязательства активно участвовать в

хоре, посещать политзанятия, выписывать партийные газеты и журналы, принимать участие в праздничных демонстрациях, в общем – быть активными строителями коммунизма.

Интересно, что в обязательствах нередко отсутствовал пункт об улучшении медицинского обслуживания больных и повышении квалификации. Я в шутку заметил, что, если через тысячу лет археологу попадётся в руки это «обязательство», он никоим образом не сумеет расшифровать, какова специальность его автора. Идеологическая обработка населения являлась приоритетной. Производительность труда, создание материальных ценностей были поставлены на второй план. Это смещение приоритетов явились одной из причин краха экономики и, в конечном итоге, краха СССР.

А между тем, антиизраильская политика, которая населением однозначно воспринималась как антисемитская, давала свои плоды. Однажды во время моего дежурства в больницу были доставлены мать и её сын, зверски избитые. Это была бедная семья, которая жила на скудную пенсию и с трудом сводила концы с концами. Мать – пожилая еврейка, и её сын, Цуня, страдающий умственным недоразвитием.

Со слов матери, к ним в дом ворвались трое молодых мужчин, стали их избивать, сопровождая избиение антисемитскими воплями, что евреи грабят христиан и накопили много золота, которое должны немедленно вернуть им. Избив несчастных до полусмерти, грабители ушли, забрав их скудную пенсию, которую Цуня и его мать получили два дня назад.

Несмотря на позднюю ночь, я позвонил начальнику милиции, с которым был хорошо знаком, так как вся его семья лечилась у меня. Я подробно рассказал об этом событии и подчеркнул, что это преступление носит явно

националистический характер и является опасным прецедентом, который, учитывая антисемитские настроения среди населения, может спровоцировать крайне нежелательные последствия. При этом я сообщил ему некоторые данные о преступниках, которые мне удалось выпытать у несчастных жертв.

На следующий день, утром, начальник милиции сообщил мне, что все преступники схвачены и уже дали признательные показания (их было три человека, все жители села Горячковка, которое славилось высокой преступностью среди населения).

В последующем я выступал в качестве свидетеля и добился, чтобы это преступление квалифицировалось по статье «насилие на националистической почве». При этом предусматривалось более строгое наказание. Я настаивал на своём, несмотря на угрозы односельчан этих бандитов расправиться со мной. В конечном итоге правосудие восторжествовало, и преступники понесли заслуженное наказание.

Весной 1964 года меня направил военкомат на военные сборы. К этому времени у меня было воинское звание «Майор медицинской службы». Согласно штатному расписанию, в военное время я должен был исполнять должность начальника госпиталя особо опасных инфекций. Учебная база для прохождения сборов находилась в Львове – центре Западного военного округа. Там находились военные госпитали и строго засекреченные, специальные научно-исследовательские лаборатории. В них мы изучали проблемы, связанные с применением страшного оружия массового поражения – бактериологического.

Нам в то время трудно было себе представить, что могут применяться такие подлые методы убийства людей, но в дальнейшем жизнь подтвердила, что у террористов

моральные критерии не имеют никакого значения. Попытки распространения таких инфекционных заболеваний, как натуральная оспа, сибирская язва, чума, стали реальностью, и некоторые бактериологи помогают осуществить эти чёрные дела. Уже немало людей пало жертвами этих террористических актов.

Среди представителей бактериологического оружия не числится, к счастью, такая страшная инфекция, как ботулизм. Микроб ботулизма выделяет токсин, который в 375000 раз превосходит по силе яд гремучей змеи. Один миллиграмм ботулотоксина может вызвать смертельный исход у 1000000 (миллиона!) человек.

При этом не существует никакого антидота (противоядия). Профилактические прививки затруднены, так как существуют 8 генотипов возбудителя. Выращивание микробов ботулизма чрезвычайно простое. Они прекрасно размножаются в анаэробной (лишённой кислорода) среде – консервах, почве, мясе и овощах. Таким образом, применение ботулотоксина может вызвать поистине катастрофические жертвы сред населения, не сравнимые даже с атомным взрывом. К счастью, яд ботулизма неустойчив во внешней среде и поэтому не может применяться (пока!) в качестве бактериологического оружия. Но в наш век - век успехов генной инженерии, кто может поручиться, что не будут созданы устойчивые штаммы микробов ботулизма, применение которых вызовет воистину апокалипсические последствия!?

В Львове жил муж моей двоюродной сестры, Лёня, - кадровый военный. Я часто общался с ним, и он познакомил меня с местной элитой. Среди местного населения города были очень сильны националистические тенденции, русских недолюбливали (мягко выражаясь), разговаривали только на украинском языке, который был для меня почти родным, так как я закончил украинскую

школу. И, тем не менее, некоторые выражения мне были непонятны. В украинском языке восточной Украины имеется большое количество русских слов. Эти «русизмы» начисто отсутствуют в языке западной Украины.

Меня поражала раскованность и откровенность моих новых знакомых, которые выражали в беседах такие крамольные мысли, как стремление к независимой, «самостоятельной» Украине. В их поведении и манерах не было раболепия и боязни, свойственных жителям восточных областей. И это – несмотря на кровавые расправы советских властей над сотнями тысяч украинцев, обвинённых в национализме. Вопреки расхожему мнению, в беседе с ними я не слышал даже намёка на антисемитизм, часто приписываемый жителям западных районов Украины.

Я уже писал, что после окончания средней школы наш сын Рома поступил в Свердловский политехнический институт, - его филиал в Нижнем Тагиле.

Рома уехал, а мы с Броней остались одни. В доме стало тихо и тоскливо. У нас всегда было шумно и весело, звучала музыка. Но нам не только стало скучно без нашего сына. Мы очень волновались, ведь Рома всегда жил с нами - «домашний» мальчик. Как он приспособится к новым условиям, какое влияние окажет на него окружающая среда - всё это нас очень беспокоило и очень тревожило.

Успокаивало нас то, что в Нижнем Тагиле жила сестра Брони – Света с мужем Аликом. Но они много работали и не могли уделять нашему сыну должного внимания. Рома не мог жить вместе с ними, так как у них была очень маленькая квартира. Кроме того, Рома уехал вместе с сыном наших знакомых. Его звали Боря, он был на несколько лет старше нашего сына.

В прошлом Боря был замешан в какую-то тёмную историю, вследствие чего его отчислили из института. Ему

удалось оформить перевод в Свердловский политехнический институт. Мы были довольны, что Рома не один. Вместе им будет легче устроить свой быт, и они не будут чувствовать себя одиноко. Смущало нас только то, что в прошлом у Бори были неприятности, причина которых оставалась для нас неизвестной.

Вместе с тем мы утешали себя мыслью, что коль скоро жизнь преподнесла ему неприятный урок, это отразится благоприятно на его дальнейшем поведении, и он станет более разборчив в средствах и в образе жизни и таким образом не будет оказывать негативного влияния на нашего сына.

К сожалению, мы ошибались. Моральный облик Бори был далёк от идеального. Он считал, что главное в жизни – получение удовольствий. По правде говоря, такая точка зрения господствовала среди большей части молодёжи. Но эту жизненную позицию он пытался передать нашему сыну, который воспитывался на совершенно иных концепциях.

Мы вовсе не отказывались от радостей жизни, но не считали их главным смыслом нашего существования. В нашей семье продолжались традиции отцов, которые во главу угла ставили труд, добрые дела, стремление к самоусовершенствованию. Они не чурались жизненных наслаждений, но отнюдь не считали их приоритетными.

Наш сын по сути дела рос в провинции. Условия города были совсем иные, полны соблазнов, перед которыми трудно устоять, особенно молодому человеку. Рома красив, привлекателен, умён, прекрасно играет на многих музыкальных инструментах. Естественно, что он всегда был душой компании и нравился девушкам. Для молодого человека – это в порядке вещей. Но нас тревожили сведения, что увлечения Ромы и его приятеля стали влиять на учебный процесс. Это было нечто совершенно неожидан-

ное для нас. Наш сын обладал чувством долга, никогда не было случая, чтобы он пошёл в школу, не выполнив домашнее задание. Влияние Бори на Рому было весьма отрицательным.

Перед нами предстала дилемма – каким образом нейтрализовать то плохое влияние, которое оказывал на нашего сына его приятель.

О том, чтобы расстаться с Борей, не могло быть и речи – Рома был привязан к нему, считал его сведущим в жизненных делах и категорически отказывался «предать» своего друга. Проблема решилась сама собой. Алика перевели на работу в Псков на руководящую должность инженера, ему сразу предоставили там квартиру. В Пскове имеется политехнический институт такого же профиля, как и в Нижнем Тагиле, и было принято решение перевести Рому в этот институт. Перевод был осуществлён сравнительно легко, так как согласно предъявленным документам Рома занимался весьма успешно, и в зачётной книжке преобладали отличные оценки.

А мы решили сменить место жительства, и вполне естественно, что выбор пал на Псков – главным образом из-за нашего желания быть вместе с сыном. Псков – областной центр, там много лечебных учреждений, Алик со Светой смогут помочь нам с благоустройством на первых порах.

К этому времени в Крыжопольской райбольнице была назначена новый главный врач – женщина с довольно ограниченным интеллектом и совершенно некомпетентная в медицине. Но она была коммунистом, представителем титульной нации и в идеологическом плане соответствовала этой должности. Меня она невзлюбила с самого начала её работы в должности главного врача. В основе её антипатии ко мне лежала причина с почти анекдотичным подтекстом. Среди населения бытовало мнение, что

хороший врач и есть главный врач. На моё имя в больницу часто прибывали письма от моих пациентов, жителей нашего района и даже жителей соседних городов и районов. На конвертах с адресом нередко писали: «главному врачу Шихману Льву Петровичу». Это приводило главного врача в исступление, она подозревала, что я претендую на её место.

Эта её навязчивая идея не имела никаких оснований. Я никогда не стремился занимать руководящие должности, несмотря на то, что такие предложения поступали ко мне неоднократно. Лечение больных было главным устремлением и смыслом моей жизни. В этом отношении я достиг определённых успехов и пользовался признанием среди населения. Ко мне нередко приезжали врачи и просили открыть секрет успешного лечения больных. Они считали, что я располагаю какими-то особыми методами эффективного лечения, но храню их в тайне от своих коллег. У меня действительно была своя методика лечения, но я никогда не делал из неё тайны. Наоборот, постоянно на своих лекциях и консультациях подробно излагал принципы этой методики.

При обследовании больных я стремился, прежде всего, выяснить причину заболевания и устранить её по мере возможности. В комплексе лечебных мероприятий именно это является главным залогом успешного лечения.

Ко мне обратился больной, страдающий язвой желудка. Он на чёрном рынке, за большие деньги приобрёл дефицитный импортный препарат для лечения этого заболевания и просил меня разъяснить, как его применять. Из расспроса выяснилось, что он работает экспедитором, не женат. Работа связана с разъездами, поэтому питается нерегулярно, часто всухомятку. Я разъяснил больному, что это лекарство не даст никакого эффекта, пока он не начнёт питаться нормально. Поэтому было рекомендовано сме-

нить работу и... жениться на женщине, которая умеет хорошо и вкусно готовить. Никаких медикаментов на данный момент не следует применять.

Ещё Гиппократ говорил, что лечит природа, а врач только помогает природе. Его лозунг был: “Non nocere!”, «Не вреди!». С моей точки зрения, этот принцип в лечении является основополагающим, и я его неукоснительно соблюдал в моей врачебной практике.

Объясню это на примерах. В процессе эволюции сам организм выработал ряд защитных механизмов, направленных на его исцеление. Иными словами – организм представляет собой саморегулирующуюся и самоисцеляющую систему, и главное в лечении - поставить пациента в условия, которые наиболее оптимально способствуют функционированию этой системы.

Повышение температуры – частый симптом различных заболеваний; нередко пугает больных, которые просят доктора: «Сбейте, пожалуйста температуру!» А между тем – это защитный симптом, который направлен на стимулирование иммунной системы.

Ещё в древности врачи обратили внимание на то, что при некоторых заболеваниях, протекающих с нормальной или незначительно повышенной температурой, осложнения встречаются гораздо чаще. В этих случаях они искусственно повышали температуру путём введения внутримышечно инородного белка (молока).

Кашель часто является защитным симптомом, так как очищает лёгкие от инородных частиц. Однажды ко мне обратилась пациентка с жалобами на расстройство желудка после употребления недоброкачественной пищи. Она была несказанно удивлена, увидев, что я выписал ей слабительное, и решила, что я что-то напутал. Я ей подробно разъяснил, что организм включил свои защитные системы, но не в достаточной степени, и нужно помочь

ему. Вначале не сработал рвотный рефлекс, который должен был удалить из желудка недоброкачественную пищу, сейчас кишечник пытается освободиться от неё, но его перистальтика слабая, нужно помочь ему очиститься.

Для неё было полной неожиданностью то, что при поносах может назначаться слабительное. При любом заболевании имеются два вида признаков: симптомы защитные, которые необходимо поддерживать и даже иногда усиливать, и другая группа – симптомы «полома» организма, которые следует устранять. По сути дела, правильная интерпретация характера и природы признаков заболевания определяет профессионализм врача. Именно в этой сфере наиболее часты врачебные ошибки.

Но есть ещё одно обстоятельство, очень часто приводящее к неудаче в лечении. Речь идёт о проблемах нравственного характера. Дело в том, что больной страдает именно от симптомов заболевания, и их устранение создаёт иллюзию выздоровления. Неблагоприятные последствия этого могут проявиться спустя много месяцев, когда больной уже забыл об остром периоде заболевания.

В самом деле, мне было намного легче выписать пациентке лекарство против поноса, и больная была бы довольна лечением. Вот это и есть нарушение принципа «Не вреди!» Больной не в состоянии правильно оценить лечебную тактику, более того, он доволен, что исчезли симптомы, причинявшие ему неприятные ощущения: повышенная температура, кашель и другие. Погоня за сиюминутным эффектом дорого обходится больному, но зато создаёт врачу имидж хорошего врача. У меня было немало недоброжелателей и даже врагов из-за того, что при рецензировании истории болезни я отмечал именно эти врачебные ошибки, которые в конечном итоге приводили к инвалидизации и даже смерти больных.

Ещё одной «тайной» успешного лечения, которая

нередко игнорируется врачами, является индивидуальным подход в лечении больных. Врач обязан лечить не болезнь, а больного, у которого имеется целый «букет» заболеваний, взаимодействующих между собой и создающих особую реактивность организма, требующих нестандартного лечения. Иногда ко мне обращался больной с вопросом, почему я не назначаю ему такое же лечение, какое получает больной Х., страдающий точно таким заболеванием, и у которого лечение дало отличный эффект. Я терпеливо разъяснял ему, что, подобно тому, как нет людей, абсолютно похожих друг на друга, нет заболеваний с одним и тем же диагнозом, которые бы протекали одинаково.

Течение болезни, защитные реакции организма, переносимость и эффективность лекарств у каждого больного различны и требуют соответственно индивидуального подхода в лечении. Решить вопрос о рациональной терапии, с учётом всех этих нюансов, бывает чрезвычайно трудно. Поэтому мы прибегаем к методу «проб и ошибок». Метод этот малопочтенный, но иногда у нас нет ему альтернативы. Заключается он в том, что мы судим о правильности лечения по результатам.

Только наблюдение за больным и динамика его заболевания дают нам ответ, находимся ли мы на правильном пути, или есть необходимость в коррекции лечения. Это, в общем-то, элементарная истина, и вряд ли требуется доказывать её целесообразность. Но для этого необходимы как минимум три условия, которые далеко не всегда соблюдаются.

Прежде всего, за пациентом должен наблюдать один и тот же врач, который сможет определить течение заболевания и эффективность применяемого лечения. Мне было искренне жаль больных, которые тратили много средств и усилий, добиваясь консультации у какого-нибудь светила,

который поставит диагноз и назначит лечение.

Но он не в состоянии дать ответ, насколько это лечение эффективно. Только динамическое наблюдение может не только дать возможность скорректировать лечение, но и уточнить диагноз заболевания. Однако инициатива лечащего врача скована тем, что он не может изменить диагноз или лечение, назначенное "светилом".

Ко мне обратилась жена тяжело больного с просьбой обследовать его. Диагноз не вызывал никаких сомнений. Он был недавно выписан из областной больницы. Согласно выписке из истории болезни у больного был рак поджелудочной железы, диагностированный на операции и, что устраняло последние сомнения, подтверждённый биопсией. Перед моими глазами предстал крайне исхудавший, бледный и измученный человек; опухоль в брюшной полости видна была при внешнем осмотре – ad oculus.

Казалось, что осмотр больного совершенно излишен. И всё же я его обследовал и при этом обратил внимание на некоторые особенности опухоли, не совсем характерные для злокачественного новообразования. Больному была назначена массивная противовоспалительная терапия. Затем он куда-то выехал и исчез с моего поля зрения. Спустя несколько месяцев, когда я шёл по тротуару, вдруг какой-то человек с противоположной стороны улицы окликнул меня и, когда я остановился, он перебежал через дорогу на мою сторону, игнорируя отчаянные гудки проезжающих автомашин, стал против меня и... упал на колени. «Мой доктор, вы мой спаситель, благодаря вам я живу на свете», - сказал он. Я узнал этого человека. Это был больной, которому в областной больнице поставили диагноз рак поджелудочной железы, подтверждённый биопсией, и, тем не менее, оказавшийся ошибочным.

Я пригласил его для повторного обследования. Ока-

залось, что у моего пациента редкая форма заболевания поджелудочной железы, так называемая воспалительная опухоль, при которой даже биопсия может симулировать злокачественное новообразование.

После этого в Крыжополе прошёл слух, что я успешно излечиваю рак. Мне стоило немало трудов убедить население в обратном.

Важным условием успешного лечения является отсутствие у врача амбициозности. Некоторые врачи считают ниже своего достоинства принимать во внимание точку зрения других специалистов, стоящих рангом ниже. Я всегда считался с мнением фельдшера, медсестры или пациента, которые могли дать ценные сведения о симптомах, исчезнувших к моменту обследования.

Однажды на утренней пятиминутке дежурный врач со смехом сообщил о поступлении больной, которой фельдшер поставил диагноз «аппендицит», тогда как на самом деле у неё оказался банальный цистит (воспаление мочевого пузыря). Я хорошо знал этого фельдшера как опытного и вдумчивого медика и предположил, что он наблюдал симптомы, которые свидетельствовали об аппендиците. Но к моменту поступления в больницу эти симптомы исчезли или стали значительно менее выражены.

Я осмотрел больную и пришёл к выводу, что фельдшер оказался прав. Мне удалось доказать нашему хирургу, что больная нуждается в срочной операции для спасения жизни. Во время операции был обнаружен перитонит, как следствие прободного аппендицита. С большим трудом удалось спасти жизнь женщины.

Ещё в начале моей врачебной деятельности я был приглашён к больной, у которой был приступ стенокардии. К моменту осмотра боли прошли, и все жизненные показатели оказались нормальными.

Я успокоил больную, выписал ей лекарство и собрался уходить. Но больная вдруг обратилась ко мне: «Доктор, я хочу дать телеграмму моему сыну, чтобы он срочно приехал. Правда, он живёт очень далеко, почти сутки езды поездом, но я надеюсь, что я ещё успею повидать его перед смертью».

Я заверил больную, что этого не следует делать, так как её жизни не угрожает опасность. Больная судорожно вздохнула, посмотрела на меня тоскливым взглядом и сказала: «Хорошо, доктор, я последую вашему совету».

Ночью меня срочно вызвали к этой больной в связи с катастрофическим ухудшением её состояния. Несмотря на отчаянные меры по её спасению, больная скончалась. Я тяжело переживал этот трагический случай и винил себя в том, что в оценке её состояния основывался лишь на объективных показателях организма – артериальное давление, пульс, дыхание, температура, и совершенно не принял во внимание интуицию больной, которая каким-то шестым чувством предвидела трагическую развязку. Я вспоминал выражение её глаз, в которых таился страх, граничащий с ужасом, и упрекал себя в том, что не принял во внимание этот симптом. В последующем я научился по выражению глаз и поведению больного оценивать его состояние и даже высказывать предположение о том, какой орган поражён у больного.

И, наконец, последний «секрет» успешного лечения больного, пожалуй, наиболее трудный. Больной должен быть убеждён, что врач приложит все усилия для его исцеления, что он сопереживает и принимает близко к сердцу его страдания. Больной должен верить, что врач обладает знаниями и применяет весь арсенал лечебных средств для его быстрого выздоровления.

Всё сказанное кажется само собой разумеющимся, но нужно принять во внимание, что врач ежедневно и ежечас-

но встречается с страдающими людьми, с больными в состоянии отчаяния. Всё это приводит с течением времени к профессиональному оупению чувств, к рутине. Врач просто не выдерживает длительных эмоциональных перегрузок. И тем не менее, профессия обязывает, и для каждого больного необходимо сохранить долю сочувствия.

Вспоминаю больного, которого я лечил в стационаре. Это был необычайно эрудированный человек, общительный, приятный собеседник. Он страдал тяжёлым неизлечимым заболеванием. У меня с ним сложились очень доверительные отношения, он верил мне безоговорочно.

Несмотря на применяемое лечение, состояние больного неуклонно ухудшалось и стало крайне тяжёлым. Ночью меня вызвали к нему. Он умирал при полном сознании, смотрел на меня укоризненно и прошептал: «Доктор, я так вам верил!» С этими словами на устах он скончался. Я вышел из палаты в состоянии крайнего смятения и сообщил его родным о кончине больного. Родственники были информированы о вероятности печального исхода, но в душе оставалась надежда, что произойдёт чудо и больной поправится.

Но чуда, увы, не произошло. Я не утешал их (какие слова утешения, могли уменьшить их горе!?), а повернулся, вошёл в свой кабинет, сел за стол, закрыл лицо руками и заплакал. Вдруг кто-то коснулся моего плеча. Это вошла дочь покойного. Она сказала: «Доктор, успокойтесь, я безмерно благодарна вам за всё, что вы сделали для моего отца».

Я тупо посмотрел на неё, мне показалось, что я ослышался. Но она продолжала: «Мы были свидетелями того, какие огромные усилия вы прилагали для спасения отца, сколько внимания вы уделяли ему, ваша совесть чиста, не отчаивайтесь!» Всё, что сказала мне дочь покойного отца, было настолько странным, что я долго не

мог прийти в себя от изумления.

Ситуация была невероятно парадоксальной. Женщина, только что перенесшая большое горе, потерю близкого и дорогого человека, не обвиняет, а успокаивает его лечащего врача.

У меня лечилась девушка по поводу тяжёлого заболевания суставов. Болезнь длилась много лет, суставы были деформированы, их изменения носили необратимый характер. Моей целью было улучшить, насколько это возможно, двигательную функцию конечностей. Это требовало много времени и большого упорства в лечении.

Больная была в очень подавленном состоянии не только из-за ограничения способности передвижения. Она ещё страдала от того, что деформированные суставы обезображивали её внешний вид, фигуру. Не раз она высказывала суицидные мысли, и я прилагал большие усилия, чтобы убедить её, что, несмотря на страдания, нужно жить, радоваться небу, солнцу, пению птиц... И приносить пользу обществу – больная была опытным агрономом, и в меру своих ограниченных возможностей, работала в земельном управлении.

Под влиянием психотерапии значительно улучшилось её настроение, больная стала активной, более жизнерадостной. Также увеличилась подвижность суставов. Я был очень доволен результатами лечения.

Но однажды моя пациентка пришла ко мне на приём в состоянии крайней депрессии. Глубокая печаль и отчаяние отражались на её лице, глаза были полны слёз.

Не дожидаясь моих расспросов о причине столь подавленного состояния, больная стала рассказывать: «Доктор, вчера у моих соседей была свадьба. Играла музыка, гости танцевали. А я смотрела на улыбающееся лицо невесты, которое выражало счастье и радость, на её стройную фигуру. Поневоле я сравнила её судьбу с моей

горькой судьбой, которая так несправедлива ко мне. Стоит ли жить мне, изуродованной болезнью, отверженной и одинокой? Нет, так жить не стоит!».

Я стал утешать её. Я говорил ей о том, что у каждого своя судьба, не нужно отчаиваться, а принимать жизнь такой, как она есть. Не думать о том, чего нет, а радоваться тому, что есть. Она слушала меня рассеянно, чувствовалось, что мысли её, витают далеко. Затем, не попрощавшись, она поспешно вышла из моего кабинета.

На следующий день я уехал в Винницу на областную научную конференцию, которая длилась два дня. По приезде в Крыжополь, мне сообщили страшную новость. Моя пациентка кончила жизнь самоубийством, бросившись под поезд. Я тяжело переживал эту трагедию и обвинял себя, что не нашёл нужных слов, которые удержали бы её от этого рокового шага, меня мучила совесть.

Эта печальная история имела своё продолжение. Через месяц после этого трагического события к нам домой пришла молодая женщина, которая представилась родной сестрой погибшей. Она заявила, что пришла ко мне выполнить последнюю волю своей несчастной сестры. С этими словами она извлекла из сумки толстую пачку денег и сказала: «В своём письме моя сестра высказала пожелание передать вам, своему лечащему врачу, эти деньги в знак признательности за то внимание, которое вы уделяли ей в тяжёлый период жизни».

Разумеется, я отказался от этих денег, заявив, что у меня нет никаких прав на них, и посоветовал сестре покойной использовать часть денег на памятник, а часть передать в детский дом.

Кстати, в отношении денежного вознаграждения за медицинские услуги, я могу сказать, что моя совесть чиста: в течение почти пятидесятилетнего периода врачевания я

никогда не требовал от моих пациентов дополнительной оплаты за медицинские услуги, например, за консультацию больных, госпитализацию, посещение на дому во внеурочное время, приём вне очереди.

Я считал крайне безнравственным и аморальным получать доходы от попавшего в беду человека. На фоне всеобщей коррупции в медицине, когда врачи беззастенчиво и без зазрения совести вымогали у больных деньги, я выглядел белой вороной. Вместе с тем, следует признать, что больные часто благодарили меня за лечение, дарили цветы, коньяк, ценные подарки, иногда деньги. Но всё это происходило после лечения. Больные испытывали чувство признательности и благодарности за успешное лечение, и пытались хоть чем-то выразить это. Отказ от подарков нередко вызывал у моих пациентов чувство обиды.

Благодаря связям с районным начальством, у меня была возможность пользоваться так называемым распределителем. Это специальный магазин для «небожителей», где за весьма умеренную плату можно было приобрести дефицитные продукты. Наше материальное положение было удовлетворительным, хотя о приобретении автомашины, хорошей квартиры мы не смели даже мечтать, и, откровенно говоря, не очень стремились к этому.

Моя жена Броня одевалась всегда скромно, хотя со вкусом, и не стремилась к шикарным нарядам. Я покупал ей ценные подарки, она воспринимала их не с точки зрения их ценности, а скорее как знак внимания и любви. Броня вела домашнее хозяйство рачительно и экономно, в доме нашем был уют, мы жили в атмосфере любви и согласия, и не стремились к богатству и роскоши.

Парадокс заключался в том, что в анонимных письмах, недостатка в которых не ощущалось, меня часто обвиняли в вымогательстве и корыстолюбии. В нашем коллективе у

меня было немало недоброжелателей среди врачей, которые совместно с главным врачом прилагали усилия для дискредитации моей деятельности.

Чем более популярным я становился среди населения, тем яростней были попытки скомпрометировать меня. Ко мне приезжали издалека больные на консультацию и обычно спрашивали «главного врача» Шихмана, что усиливало враждебное отношение ко мне главного врача. Стремление больных попасть на приём именно ко мне вызывало неприязнь со стороны некоторых коллег.

Говорят (и вполне справедливо), что врач не должен ошибаться, хотя может ошибаться. Но я не только не имел права на ошибку, которая могла принести вред больному; мне необходимо было чётко и скрупулёзно вести документацию, согласно которой обычно оценивалась работа врача. Среди врачей бытовала шутка, что врач пишет историю болезни для прокурора, и не важно, как лечат больного, а важно, как записана соответствующая документация.

Администрация больницы во главе с главным врачом всё время держали меня «под прицелом». Когда приезжал для проверки работы больницы представитель облздраводела, его в первую очередь направляли ко мне с целью выявления недостатков в моей работе. К их разочарованию, в моей врачебной деятельности никаких изъянов, как правило, не находили. Конечно, эта мышьяная возня моих недоброжелателей вызывала у меня отрицательные эмоции, но я не очень волновался, потому что по уровню врачебной квалификации я стоял на порядок выше их, а документация велась у меня аккуратно. Но главное - я был под надёжным прикрытием районного начальства. Они и их семьи постоянно лечились у меня.

И всё же в одном деле случился у меня прокол, и пришлось давать соответствующее объяснение партийным

руководителям. Это дело было связано с... Папой Римским.

В соседнем крупном селе Городковка жила большая польская община, в основном католики, во главе их стоял ксёндз (католический священник). У ксёндза обнаружили аудиокассеты с записями, носящими антисоветский характер. Это были проповеди Понтифика, которого католики боготворили, и который был для них высшим авторитетом. В то время отношения Папы Римского с Советскими властями были крайне напряжёнными, и в стране все католические священники находились под подозрением.

Городковский ксёндз был обвинён в хранении материалов антисоветского характера. Из-за волнений, связанных с допросами и угрозами, он заболел, но от госпитализации категорически отказался.

В связи с этим ко мне обратилась от имени ксёндза прихожанка костёла с просьбой лечить его на дому. Она предложила мне деньги, довольно крупную сумму по тем временам. От денег я решительно отказался, но согласился лечить его на дому. У моего пациента оказался острый инфаркт миокарда. Это заболевание лечится стационарно, так как требует не только ежедневного осмотра, но лабораторного и электрокардиологического обследования. Кроме того, некоторые лекарства вводятся внутривенно, часто с капельницей. В домашних условиях всё это осуществить трудно, иногда вообще невозможно. И, тем не менее, все мои назначения выполнялись с завидной оперативностью и чёткостью. Медикаменты, которые были очень дефицитны, и в условиях нашей районной больницы не всегда были достижимы, доставлялись пациенту по первому моему требованию.

Вскоре состояние больного значительно улучшилось. Результаты лечения превзошли все мои ожидания.

В процессе лечения я имел возможность более близко познакомиться со своим пациентом. Это был человек среднего возраста, с импозантной внешностью, стройный, с холёным лицом и умным взглядом. Он отличался глубокой эрудицией, поистине энциклопедическими знаниями и высокой культурой. Всё это противоречило расхожему мнению, поддерживаемому советской пропагандой, о невежестве и обскурантизме священнослужителей.

Мы с ним дискутировали на различные темы, главным образом о вере в Бога. В то время я находился под влиянием атеистической пропаганды советских властей, и мне казалось, что вера в Бога – признак отсталости и невежества человека. Ксёндз не разуверил меня в обратном, а рассматривал религию с точки зрения её влияния на нравственность и мораль общества. Его высказывания были настолько аргументированы и убедительны, что я ничего не мог им противопоставить.

Ксёндз был глубоким знатоком Священного Писания и подчёркивал роль еврейского народа не только в создании христианской религии и ислама. Он утверждал, что именно иудаизм заложил основы цивилизации. Греческий алфавит, по сути дела, заимствован у иврита. Так, «альфа», «бета», «гама», «дельта» - это ивритские буквы «алэф», «бэт», «гимель», «далет». Если учесть, что еврейский народ намного древнее греческого, становится ясно доминирующее влияние иудаизма, и в дальнейшем развитии человеческого общество черпало моральные и нравственные ценности от народа Книги.

Многое, о чём рассказывалось, было мне знакомо из рассказов моего отца, но ксёндз сумел значительно углубить мои скромные познания Торы, заинтересовать и сделать её привлекательной. С тех пор более основательное изучение Священного Писания стало моей мечтой,

которая осуществилась на Святой Земле – в Израиле.

Состояние моего пациента поправилось настолько, что он смог приступить к своим обязанностям, и отпала необходимость в частых посещениях на дому. Я дал ему соответствующие рекомендации в отношении дальнейшего лечения, правил соблюдения режима, дату повторного обследования, и мы тепло попрощались.

Но история моего общения с ксёндзом имела своё продолжение, не очень благоприятное для меня.

Спустя несколько дней мне сообщили, что со мной желает встретиться секретарь райкома, который ожидает меня в кабинете главного врача. Я направился туда в полной уверенности, что этот партийный деятель нуждается в моей медицинской консультации. Однако цель его встречи со мной была совсем иная. Его первый вопрос был связан с лечением ксёндза. «Насколько мне известно, - сказал он, - больные с острым инфарктом миокарда лечатся стационарно в больнице. Почему вы согласились в нарушение всех правил лечить его на дому?»

Я ответил, что сам пациент вправе выбирать, лечиться ли ему в больнице или на дому и, в отличие от тюрьмы, никто не вправе в принудительном порядке госпитализировать больного в стационар.

Но мой ответ, в котором содержалась изрядная доля иронии, не произвёл должного впечатления на моего собеседника, и он сказал с раздражением и осуждением: «Да будет вам известно, что ксёндза уличили в связях с Папой Римским, который настроен против нашей страны». «Но меня не интересует его политическая ориентация, - сказал я. - Я врач, и оказываю помощь больным, независимо от их лояльности к государству. Существуют правоохранительные органы, которые занимаются вопросами благонадёжности граждан».

Мой ответ не удовлетворил партийного босса, и он

сказал, что советский человек не может быть вне политики, он должен делать всё для блага социалистической родины, а не заниматься пустой болтовнёй с недругами советской власти. И если этого требуют интересы советской власти, больной может быть госпитализирован помимо его воли.

Это был набор избитых, дешёвых сентенций советской пропаганды, которые из-за частого употребления потеряли свою убедительность. Но в шелухе этих рутинных слов его речи мне стало совершенно понятно, что ему стало известно о содержании нашей беседы с ксёндзом. Всесильный КГБ имел повсюду своих осведомителей, в том числе и в религиозной среде, и был хорошо информирован о настроениях и идеологических взглядах служителей культа.

Но в речи партийного босса промелькнула ещё одна мысль, носящая грозный и зловещий характер. Я имею в виду его слова, что для блага государства можно госпитализировать человека в принудительном порядке. Предыстория этого вопроса раскрывает ещё одну позорнейшую страницу политики партии и правительства в Советском государстве. В то время главой государства был Никита Хрущёв. Говорят, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Думаю, что это утверждение не бесспорно, во всяком случае применительно к русскому народу, который отличается добродушием, беззлобным характером, щедростью души и... доверчивостью. Вот это последнее свойство характера делает русский народ жертвой различного рода проходимцев, которые интригами, коварством, наглостью и жестокостью пробиваются в высшие эшелоны власти и своей бездарностью, безжалостным и кровавым подавлением малейшего инакомыслия, пустыми обещаниями построения цветущего и справедливого общества причиняют

народу неисчислимые страдания. В многовековой истории Российской, а затем и Советской империи, пожалуй, трудно и даже невозможно отметить мудрого, гуманного и просвещённого правителя.

Но в ряду бездарностей, авантюристов и кровавых палачей, которые стояли во главе российского и советского народа, Хрущёв занимает особое место.

Он стоял во главе Советского государства в течение 11 лет (с сентября 1953 по октябрь 1964 года). Его политика привела страну на грань катастрофы и к полному обнищанию народа. При этом он неустанно повторял о мудрой политике партии и о скорой победе коммунизма.

Среди «перлов» его теоретических изысков особо выделяются два положения. Во-первых, поскольку марксистско-ленинское учение всесильное, потому что верное, должна быть только одна партия, коммунистическая, вооружённая этой теорией. Нет необходимости в многопартийной системе, так как другие партии будут «путаться между ногами» (дословные высказывания Хрущёва) и мешать строительству передового общества.

Во-вторых, поскольку советский народ строит самое справедливое общество, любой здравомыслящий человек должен с энтузиазмом участвовать в его строительстве. Только безумец может отрицать эту очевидную истину и мешать обществу идти вперёд к полной победе коммунизма. А безумец – это душевнобольной и, следовательно, нуждается в лечении.

Известно, что некоторые больные, страдающие психозом, представляют опасность для окружающих. Их в принудительном порядке госпитализируют в психиатрическую лечебницу, где проводят соответствующее лечение.

Вот такой вполне логический посыл и дал основание Никите Хрущёву и его подельникам считать каждого, кто

выступает против политики партии и государства, душевнобольным, представляющим социальную опасность. Естественно, что такого больного необходимо изолировать от общества.

Самым ужасным было то, что некоторые учёные-психиатры, нарушив клятву Гиппократа, поддержали эту галиматью. Пресмыкаясь перед этим никчемным и коварным руководителем, некоторые известные в стране психиатры – доктора наук, профессора и академики – в угоду властям придумали новые диагнозы: «Скрытая шизофрения с антисоциальными бредовыми комплексами», «Бессимптомная шизофрения с бредом диссидентства» и другие псевдонаучные термины.

С этими диагнозами тысячи невинных людей были насильно помещены в психиатрические лечебницы, где подвергались принудительному лечению, которое причиняло им большие страдания, влияло на состояние психики и подавляло силу воли.

Я был знаком с секретным приказом министерства здравоохранения с подробным изложением показаний к принудительной госпитализации лиц с антисоциальными и антисоветскими высказываниями. При этом подчёркивалось, что в случае неповиновения правоохранительные органы окажут врачу полное содействие.

Содержание этого драконовского приказа стало известно в странах Запада и вызвало настоящую бурю. С подобными гнусными методами борьбы с инакомыслием человечество не встречалось.

В знак протеста Международная Ассоциация врачей-психиатров решительно осудила и изгнала из своих рядов советских психиатров.

Таково было положение дел, когда в кабинете главного врача партийный руководитель строго выговаривал мне за моё непатриотическое поведение в отношении ксёндза.

Конечно, я не очень волновался за последствия этого инцидента, так как власти нуждались во мне, все они были моими пациентами и получали квалифицированное лечение, которым были довольны.

Однако в наших отношениях произошли изменения. С городской Доски Почёта был снят мой портрет, исчезла непринуждённость при общении с моими высокопоставленными пациентами.

Главный врач, заметив, что я уже не являюсь фаворитом власть предержащих, позволяла себе оскорбительные выпады в мой адрес. В качестве основного козыря она использовала мои высказывания в отношении Израиля, которые шли вразрез с оголтелой антиизраильской политикой советских властей.

Для того, чтобы воспрепятствовать репатриации в Израиль, принудительная госпитализация в психбольницу не давала ожидаемого эффекта. Поэтому власти изобрели ещё один способ, поражающий своим коварством. Был издан приказ, согласно которому руководитель будет уволен с работы, если сотрудник его учреждения подаст заявление на выезд в Израиль. Предполагалось, что в данном учреждении плохо проводятся политико-массовые мероприятия и идеологическая работа.

Этот приказ выполнялся с завидной оперативностью. Мой приятель, доктор Штерн, подал заявление на выезд в Израиль, и его шеф – главный врач областного эндокринологического диспансера, был без проволочек уволен с работы. При этом мотивы его увольнения были подробно изложены в специальном приказе, который зачитывался на собраниях лечебных учреждений области.

Наш главный врач зачитала у нас на утреннем врачебном совещании этот приказ громко и внятно, многозначительно поглядывая на меня. После прочтения приказа она обратилась ко мне со словами: «Я уверена,

что у вас есть желание репатрироваться в Израиль, поэтому вам лучше заранее уволиться с работы. Я не желаю из-за вас быть уволенной с работы». Это было произнесено с выражением невероятной злобы и ненависти. По сути, руководитель был заложником властей.

В нашем коллективе также усиливался антисемитизм, и мы, горстка евреев – врачей и медсестёр явственно ощущали это на себе.

Однажды произошёл инцидент, при котором ненависть к евреям проявилась особенно откровенно. Умер муж медсестры, украинец, страдавший от тяжёлого прогрессирующего заболевания. Жена его громко причитала и обвиняла в его смерти еврейских врачей и, в частности, меня. «Если бы на его месте лежал Хаим или Мойше, - вопила она, - его бы вылечили. Ну, а Иван пусть подыхает. Жидовским врачам плевать на здоровье христиан!» Эти обвинения были абсолютно беспочвенны. Данному больному, как и всем тяжело больным, уделялось много внимания, он получал весь имеющийся в нашем распоряжении арсенал лечения.

«Дело врачей» не кануло в Лету. И как в мрачные годы средневековья, как в годы реакции в царской России, как в кровавые годы сталинского террора, оно затаилось. Его семена при малейших благоприятствующих условиях давали ядовитые всходы.

Я попросил главного врача побеседовать с этой медсестрой. Конечно, горе её велико, и мы сочувствуем ей, но недопустимы эти подстрекательские антисемитские выпады. Они несовместимы с коммунистической моралью и идеологией.

Главный врач отреагировала на мою просьбу довольно своеобразно. Приближались Октябрьские праздники, и она отметила в приказе «заслуги» медсестры-антисемитки, вынесла ей благодарность с занесением в личное дело. Я

же был без всяких причин демонстративно вычеркнут из списка на получение благодарности, хотя ежегодно традиционно, как и все заведующие отделениями, получал её. Да, наш главный врач не просто сердилась на меня – она буквально исходила желчью от ненависти и злобы.

Между тем, мечта репатрироваться на свою историческую родину – в Израиль не покидала меня. К сожалению, в тот период это было совершенно нереально. Властям было легко сфабриковать дело на меня, они знали о том, что благодарные больные нередко делают мне подарки, которые легко можно трактовать, как взятки. С моими пациентами также легко договориться. Достаточно припугнуть их тем, что существует уголовная ответственность за дачу взяток, и некоторые будут свидетельствовать против меня.

Наш главный врач также охотно приложит все усилия, чтобы оклеветать меня. Я подробно излагаю этот адский механизм шантажа, потому что немало врачей было осуждено именно по такому сценарию. Иными словами, было совершенно ясно, что вместо репатриации в Израиль я окажусь на тюремных нарах. Мои высокопоставленные пациенты не простят мне «измены».

Несмотря на свирепость властей и жестокие расправы, среди евреев было немало настоящих героев. Они вступали в противоборство с властями за право репатриации на родину своих предков. Их изгоняли с работы, объявляли душевнобольными и насильственно помещали в психбольницы, их отправляли в ссылку в холодные и безлюдные районы страны. Чтобы не умереть с голоду, они вынуждены были работать на чёрных работах за гроши, их дети подвергались издевательствам и побоям в школе.

И, несмотря на невероятные страдания, евреи проявляли мужество и стойкость в борьбе за право репатриации в Израиль. Мы много узнавали о них из передач

радиостанций Запада, которые получали информацию от евреев, подвергавшихся огромной опасности, но, несмотря на это, находивших пути для передачи в страны свободного мира подробности о произволе и грубом нарушении советскими властями Хельсинкской декларации 1974 года о правах человека.

Эти люди (их называли отказниками) вызывали у меня чувство восхищения и гордости за свой народ. Тысячелетия проживания в странах рассеяния, где евреи подвергались унижениям и издевательствам, не сломили их страстное желание вернуться на свою историческую родину, в Землю Обетованную, и строить там своё государство.

Сознаюсь, что я завидовал отказникам. Но у меня не хватило мужества идти на конфронтацию с властями и подвергать тяжёлым испытаниям мою семью. Следует учесть, что мы жили в глубокой провинции, вдали от корпунктов иностранных государств, и власти имели возможность безнаказанно творить беззакония, без опасения быть осуждёнными мировой общественностью.

Помнится, в мрачные годы оккупации нас не только охватывал страх быть убитыми. Мысль о том, что об этом никто не узнает, и мы исчезнем бесследно, неотомщёнными, причиняла нам не меньше страданий. «На миру – и смерть красна». Кто подсчитает, сколько евреев погибло в неизвестности в лагерях ГУЛАГа за своё стремление сохранить свои национальные традиции, свою религию и желание восстановить своё государство?

Несмотря на малодушие, меня не покидала уверенность, что этот день придёт, и я буду жить в еврейском государстве. Поэтому необходимо провести соответствующую подготовку – прежде всего выучить иврит. Известно, что дискриминация евреев в Советском государстве достигла такой степени, что иврит был объявлен вне

закона, и изучающие его, а тем более преподаватели иврита, подвергались судебному преследованию. Это был, пожалуй, единственный в истории человечества случай, когда запрещалось в законодательном порядке изучать древний язык народа с тысячелетней историей. Это была ещё одна позорная страница в национальной политике СССР, вызывающая омерзение всего мирового сообщества.

Иврит изучался в тайне, с соблюдением строгой конспирации. Понятно, что словари и грамматику для изучения иврита практически невозможно было достать. Правда, мне удалось получить на несколько дней словарь иврит-русский, но практической пользы от него было мало, так как я буквы знал слабо. Поэтому я решил изучить идиш, в котором буквы, за малым исключением, идентичны ивритским.

В этом большую помощь оказала мне бабушка моей невестки Люды. Её звали Клара Израилевна. Эта женщина, несмотря на преклонный возраст, сохранила живой и ясный ум. В молодости она в еврейской школе преподавала идиш, который знала превосходно, очень любила и привила эту любовь мне и Роме. До этого я говорил на идиш довольно бегло, но читать и писать на этом языке не мог. Да и произношение было очень далеко от совершенства – это был жаргон с местным диалектом, характерным для населения восточных районов Украины.

Клара Израилевна (да будет благословенна её память) не только научила нас грамоте чтения и письма. Она доказывала, что, несмотря на обилие слов немецких, польских, украинских и других, идиш – самостоятельный и самобытный язык, в котором создана новая палитра необыкновенной красоты и мудрости.

Нам удалось достать несколько книг на идиш. Я читал их, испытывая большое удовольствие. Произведения Шо-

лом-Алейхема не только потрясли меня своей мудростью и печальным юмором. Афоризмы, идиомы, пословицы и поговорки содержали глубокий смысл и были совершенно непереводимы в столь же краткой форме на русский язык. Я сопоставлял русский текст произведений Шолом-Алейхема с оригиналом. Увы, в русском тексте терялись сочность и аромат языка. Я глубоко убеждён, что Шолом-Алейхем - классик не только еврейской, но и мировой литературы.

Читая Шолом-Алейхема, я с грустью констатировал, что далеко не всегда был способен оценить мудрость афоризмов и пословиц, которые часто применялись в разговоре моих родителей.

Поздно, слишком поздно я понял, что стеснялся того, чем должен был восхищаться и гордиться.

В начале июня 1967 года я находился на лечении в санатории Цхалтубо по поводу радикулита. Тамашние врачи тепло встретили меня, узнав, что я врач. С некоторыми из них я настолько подружился, что бывал у них дома. В то время у них отсутствовал врач по расшифровке ЭКГ, и я вызвался помочь им, так как свободно владел методикой ЭКГ-исследования.

В санатории я жил в комнате на двоих. Моим соседом был немолодой мужчина с военной выправкой. В его внешнем виде и речи угадывался кадровый военный. Он был полковник в отставке.

Общего языка с ним я не нашёл, мы перебрасывались ничего не значащими фразами. У меня создалось впечатление, что он основательно недолюбливал евреев.

Утром 5 июня по радио передали, что Израиль напал на Египет, Сирию и Иорданию. Мой сосед был в неопишущей ярости. Его лицо было перекошено от злобы. Таким я его ещё не видел.

«Вы только подумайте, - гневно кричал он, - наглости

израильских агрессоров нет предела. В эту ночь они напали одновременно на три арабских государства – Египет, Иорданию и Сирию. Ну, теперь эти еврейчики получают по носу. Государству Израиль придёт конец. И поделом им, нужно положить конец их авантюрам!»

У меня внутри всё похолодело от страха. Мне также казалось безумием и авантюрой нападение крошечной страны на три крупных арабских государства. Меня охватил ужас при мысли, что еврейское государство, наша надежда и наша гордость, может прекратить своё существование.

Мы знали, что в то время международное положение на Ближнем Востоке было взрывоопасным. Из Синая были безропотно выведены буферные войска ООН по первому требованию Насера, президента Египта, мечтавшего уничтожить Израиль. Был заблокирован Эйлатский залив, что поставило еврейское государство в тяжёлое положение. Мы понимали, что Израиль переживает сейчас тяжёлые дни, всей душой были с ним и желали ему победы над врагами.

Особенно поразили меня невероятно злобный тон по отношению к Израилю и какая-то звериная ненависть, которыми были пронизаны статьи в советских газетах. Чувствовалось, что Израиль чем-то здорово насолил Советскому Союзу. В военных сводках сообщались устрашающие цифры потерь в живой силе и технике армии обороны Израиля. В газетах публиковались карикатуры; на них Израиль изображался в виде маленького, уродливого человечка с длинным крючковатым носом, с пальцами в виде когтей, с которых стекает кровь, с фашистским знаком рядом со Звездой Давида на лбу.

В стране прокатилась инициированная правительством волна митингов, на которых велась запись «добровольцев» на борьбу с «израильскими агрессорами». Вакханалия

антисемитизма, замаскированная под лозунг антисионизма, охватила страну. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с государством Израиль.

Я тяжело переживал все эти события и был в подавленном состоянии.

На следующий день медсестра сообщила мне, что меня приглашает к себе в кабинет мой лечащий врач Романошвили. Я был удивлён, так как состояние моего здоровья не ухудшилось, и в медицинском обследовании не было никакой необходимости. Когда я вошёл в кабинет врача, он предложил мне сесть и обратился ко мне со словами: «Я пригласил вас потому, что чувствую острую потребность выговориться по поводу событий на Ближнем Востоке и о позорной политике Советского правительства в этом инциденте».

Уловив мой удивлённый взгляд, он добавил: «Я, как и вы, - еврей, и очень обеспокоен судьбой наших братьев в Израиле». Я был очень рад, что нашёлся единомышленник, с которым можно отвести душу и побеседовать на актуальные политические темы. В последующем мы часто встречались вне служебной обстановке. Мой доктор Романошвили был умный и приятный собеседник, к тому же хорошо информированный о политических событиях того периода.

Спустя несколько дней я купил газету и, развернув её, обратил внимание на карту военных действий на Ближнем Востоке. То, что было изображено на ней, привело меня в изумление, смешанное с восторгом. На этой карте были изображены территории, захваченные «сионистскими агрессорами» за эти несколько дней.

Поражала огромная площадь этих территорий, намного превосходивших площадь самого Израиля. Было совершенно очевидно, что советская пропаганда бессовестно лгала, изображая войну на Ближнем Востоке и мнимые

победы арабов. Величина захваченных территорий наглядно опровергала эту гнусную ложь.

С развёрнутой газетой в руках я вошёл в палату и обратился к находившемуся там моему соседу с просьбой прокомментировать эту карту и дать объективную оценку - что же на самом деле происходит в противостоянии израильской армии со своими многочисленными противниками.

«Насколько мне известно, - сказал я ему, - вы бывший полковник Советской Армии, и я не сомневаюсь в вашей компетенции. Пожалуйста, прокомментируйте результаты военных действий согласно тому, что изображено на этой карте!»

Полковник внимательно рассматривал карту, долго молчал, затем выразил своё мнение, в котором сквозило изумление, смешанное с восхищением.

«Должен признать, - сказал он, - что армия Израиля достигла беспрецедентных успехов. Эта война войдёт в учебники всех военных академий мира как образец блестяще проведенных военных операций. Для достижения такого успеха необходимо идеальное взаимодействие всех родов войск – авиации, танков, артиллерии, пехоты и высокое мастерство военачальников. В истории войн ещё не описаны тактика и стратегия ведения боя со столь ошеломляющим успехом!»

Слова в устах бывшего полковника, не питавшего, мягко выражаясь, симпатий к евреям и к еврейскому государству, были особенно впечатляющи. Его слова вызвали у меня ликование.

С этой газетой я поспешил к своему доктору, и мы оживлённо обсуждали это радостное событие. Вечером пошли в ресторан, чтобы отметить победу Израиля. С трудом нашли столик, ресторан был переполнен ликующей публикой, оркестр играл еврейские и израильские мело-

дии. Я даже не мог предположить, что в этом крошечном уголке Абхазии столько евреев, горячо симпатизирующих Израилю.

Значение Шестидневной войны для еврейского народа диаспоры трудно переоценить. В странах рассеяния бытовал стойкий стереотип еврея, который не умеет воевать, труслив и безропотно, не сопротивляясь, идёт на заклание. Шестидневная война развеяла этот миф и разбудила галутного еврея. Мы испытывали гордость за страну Израиль, которую считали своей родиной и в которой мы мечтали жить. Шестидневная война вселила в нас надежду, что мечта наша осуществится в недалёком будущем.

Срок моего пребывания в санатории закончился, и я, тепло попрощавшись с врачебным коллективом и со своим лечащим врачом, отбыл в Крыжополь и снова окунулся с головой в работу. Особых изменений в районной больнице не произошло. По-прежнему не хватало мест в отделении и в коридоре стояли койки с больными, не хватало медицинского оборудования, отсутствовали многие медикаменты для лечения наших пациентов.

Работа в должности заведующего терапевтическим отделением отнимала у меня много времени, сил и нервов. Однако, как говорится, утомляет не работа, а озабоченность. Мелкие придирки главного врача, завистливые взгляды некоторых моих коллег, тупые шутки, высмеивающие евреев – всё это раздражало и создавало помехи для нормальной работы.

С другой стороны – признательность и любовь со стороны моих пациентов, большое число писем с выражением благодарности от больных, хвалебные статьи в газете, стремление больных лечиться именно у меня – всё это в значительной степени нейтрализовало не-

доброжелательное отношение ко мне со стороны администрации больницы и приносило моральное удовлетворение.

Была ещё третья сторона, которая могла существенно повлиять на положение вещей в нашем коллективе. Я имею в виду партийное и советское руководство района, которое лечилось у меня и с которым отношения оставались хорошими. Но я принципиально не обращался к ним по вопросам моих взаимоотношений в коллективе, расценивая это как недостойный поступок, как донос.

Я думаю, что районное начальство было осведомлено о нездоровых явлениях в нашем коллективе, но не вмешивалось, считая их обычными склоками, довольно частыми в любом коллективе. Они ценили мой врачебный опыт и искусство врачевания, о чем свидетельствует следующий эпизод.

По случаю праздничного юбилея было решено наградить медалями группу медицинских работников. Районный комитет партии должен был утвердить представленные кандидатуры. Секретарь райкома просмотрел списки. Меня, конечно, не представили к награде. В последние годы главный врач никогда не удостоивал меня благодарности в приказах перед праздниками, я уже привык к этому и, откровенно говоря, не очень горевал по этому поводу. Но в данном случае, отсутствие в наградном списке моей фамилии вызвало возмущение секретаря райкома, и он приказал включить меня в этот список. Я был немало удивлён, когда на тожественном собрании, на котором вручали эти престижные награды, назвали моё имя и вручили мне медаль.

Хотя главврач под давлением партийного руководителя, скрепя сердце, вынуждена была отметить мои заслуги в деле здравоохранения, её ненависть ко мне нисколько не уменьшилась. Она лихорадочно искала повод унижить и

наказать меня и зорко следила за моими действиями, пытаясь выискать в них недостатки, которые явились бы предлогом для взыскания. Вскоре произошло событие, которое она использовала против меня.

Я консультировал в родильном отделении больную женщину с поздним сроком беременности. Она страдала тяжёлым заболеванием сердца. Я выписал ей лечение и заявил лечащему врачу, что женщина должна рожать в областном отделении патологии беременности и только кесаревым сечением. Роды естественным путём ей противопоказаны, так как малейшая нагрузка на сердце может вызвать катастрофические последствия.

В истории болезни я сделал соответствующую запись, но не отметил, что здесь необходимо кесарево сечение для родоразрешения, считая, что выбор методики ведения родов является прерогативой врача-акушера.

Больную женщину отправили в областную больницу и там решили, что роды возможны без применения кесарева сечения. Это была, несомненно, грубая ошибка. Произошла трагедия – женщина умерла во время родов. Родственники написали жалобу, требуя передать дело в суд.

Началось расследование, в котором принимала участие наш главный врач. Увидев запись моей консультации в истории болезни, она совместно с областным акушером-гинекологом решила полностью возложить ответственность на меня. Был организован областной медсовет, на котором меня подвергли жёсткой и совершенно несправедливой критике.

Для того, чтобы выгородить акушерскую службу, администрация не брезгала самыми грязными методами, пытаясь переложить всю вину на терапевта, то есть на меня. Это было сделано настолько грубо и безграмотно, что некоторые врачи выступили с протестом, заявляя, что

главная цель медсовета - увести от наказания истинного виновника этой трагедии. А все обвинения в адрес терапевта – беспочвенны и лишены какого-либо смысла.

Но это был глас вопиющего в пустыне; большинство врачей хранило гробовое молчание, справедливо полагая, что их протест может весьма болезненно отразиться на дальнейшем продвижении по службе. Я выступил с речью, в которой полностью отверг все обвинения в мой адрес, отметив их тенденциозный и пристрастный характер, стремление найти «козла отпущения», и даже намекнул на возможного инициатора этого судилища. Я потребовал предоставить мне все медицинские документы, касающиеся этого дела.

Было совершенно ясно, что при изучении истории болезни без особого труда можно будет выявить истинного виновника этой драмы, врача, халатность которого привела к трагедии. Грозный тон по отношению ко мне явно смягчился. Видимо, сами организаторы поняли, что все их обвинения совсем нетрудно опровергнуть, и всё дело шито белыми нитками. Вердикт моих обвинителей оказался неожиданно мягким - выговор без занесения в личное дело.

Этот эпизод несколько не отразился на моей репутации, но потрепал нервы основательно. При таких откровенно наглых придирах трудно сохранить хладнокровие. Собственно говоря, мои недоброжелатели как раз и добивались этого, прекрасно понимая, что обвинения в моей некомпетентности были абсолютно необоснованны, и любой более или менее объективный эксперт сможет легко доказать это. Цель главного врача заключалась в том, чтобы вывести меня из терпения, довести до такого состояния, когда не контролируются поступки, говорят много лишнего, из чего можно сострять дело. Она была прекрасно осведомлена обо всех моих высказываниях в

адрес политического руководства страны, о моих симпатиях к Израилю.

Было ещё одно обстоятельство, которое можно было направить против меня: я категорически отказывался вступить в коммунистическую партию, несмотря на настойчивые рекомендации нашего партсекретаря. Конечно, страшные дни сталинского террора миновали, но и в послесталинские времена отсутствие лояльности к властям предрешающим могло основательно осложнить жизнь человека и болезненно отразиться на его карьере.

И, хотя партийные руководители относились ко мне благожелательно, несмотря на все мои «грехи», и я по-прежнему пользовался их благосклонностью, так как лечил их и членов их семей, - вокруг меня создавалась атмосфера вражды и ненависти со стороны администрации.

На повестке дня встал вопрос о смене места работы. При выборе места жительства у нас не было никаких альтернатив. Псков – город, к которому мы направили наши взоры. Там жила Света со своей семьёй и, главное, наш сын Рома занимается в Псковском политехническом институте. Мы очень скучали по нём и мечтали жить вместе в одном городе.

Меня познакомили с доктором Вайсманом Петром Захаровичем, прекрасным человеком и врачом. Он много лет жил в Пскове, работал в городской больнице и занимал пост главного городского кардиолога. Доктор Вайсман был опытным врачом и пользовался огромной популярностью в городе. По его рекомендации меня приняли на работу в областную больницу врачом-кардиологом. Особое впечатление произвело на главного врача областной больницы то, что я был награждён орденом «Знак Почёта». Врачи не часто награждались орденами. Медиков - кавалеров ордена «Знак Почёта» в стране было немного. Кроме того, я представил ей мои печатные труды. Поэтому при решении

вопроса о моём трудоустройстве у главного врача областной больницы не возникало сомнений в отношении моей врачебной компетентности.

20 августа 1976 года я обратился к главврачу Крыжопольской больницы с заявлением об освобождении меня от занимаемой должности по собственному желанию. Секретарь приёмной главврача, узнав о цели моего прихода, не мог скрыть своего изумления и сказал, что это событие явится настоящей сенсацией в городе. Вместе с тем он высказал мнение, что администрация больницы не будет особенно горевать по поводу моего увольнения, тогда как для населения города это будет тяжёлым ударом.

Находящаяся в это время в кабинете моя коллега доктор Вейберман О.Л. - пожилая женщина, опытный и квалифицированный терапевт, с которой я бок о бок работал много лет, обратилась к главному врачу со словами: «Такого опытного и грамотного врача, как Шихман Лев Петрович, в Крыжополе ещё никогда не было и вряд ли будет в будущем». В ответ на реплику главврача, что незаменимых людей нет, Ольга Лазаревна ответила: «Возможно, вы правы – незаменимых людей действительно нет, но есть люди трудно заменимые, которым невозможно найти равноценную замену».

Главврач молча наложила резолюцию на моём заявлении и попросила передать ключ от квартиры, где я проживаю, администрации больницы. Других слов для меня, проработавшего в больнице без малого 20 лет, у неё не нашлось. Я ответил, что ключ от квартиры я передам тому, кому положено, и не попрощавшись, вышел из кабинета.

Мои пациенты, узнав, что я уволился с работы и покидаю Крыжополь, были очень огорчены. Ко мне началось настоящее паломничество. Больные умоляли меня остаться и продолжать врачебную деятельность.

Многие плакали. «Доктор, пожалуйста, не уезжайте, - обращались они ко мне, - одно ваше присутствие в городе вселяет нам уверенность в нашем благополучии. Мы знаем, что есть человек, который всегда придёт нам на помощь. Без вас мы пропадём!».

Мне было грустно, меня не покидало ощущение, что я их предаю. Вместе с тем, я констатировал печальный факт, насколько советская власть воспитала, вернее, выдрессировала своих граждан. Никому даже не приходила в голову мысль организовать демонстрацию протеста, хотя большинство жителей было осведомлено о той атмосфере травли, которую чинило мне руководство больницы. Рабские комплексы прочно вселились в души советских людей, которых ещё называли «совками», - презрительное прозвище, отражающее особый отрицательный тип человека.

Возникает ещё один вопрос – как же реагировали на моё решение уволиться с работы в больнице партийные и советские руководители района? Ведь все они и члены их семей успешно лечились у меня. Ответ на этот вопрос можно получить при рассмотрении политической обстановки в стране в тот период.

Набирало силу стремление еврейского населения к выезду на свою историческую родину – Израиль. Власти всеми силами и средствами противодействовали этому, по стране прокатилась волна судебных преследований тех, кого власти называли «сионистами - пособниками империализма». При этом нередко взыскания получали партийные органы района, которых обвиняли в недостатках идеологической и морально-политической работы.

Я был скомпрометирован «делом лечения ксёндза», нежеланием вступить в коммунистическую партию и, главное, своими высказываниями в защиту Израиля, о

которых партийное руководство было прекрасно осведомлено благодаря стараниям главного врача. Таким образом, с их точки зрения я был потенциальным «возмутителем спокойствия», который мог причинить им немалую головную боль. Советские руководители как огня боялись всего того, что может отрицательно повлиять на их карьеру. Уж очень тёплыми и прибыльными были посты, которые они занимали.

Поэтому малейшее посягательство на их должности или угроза их репутации вызывали яростное сопротивление, в котором не могло быть никаких компромиссов.

Спустя много лет, уже будучи в Израиле, я изучал священную Книгу нашего еврейского народа ТАНАХ и обратил внимание на высказывания мудрецов, звучащие удивительно актуально, хотя написанные тысячелетия назад. Применительно к власти предрержащим в разделе «Поучения отцов» сказано:

«Будьте осторожны в ваших отношениях с властью имущими; они кажутся друзьями, когда им это полезно, и не поддерживают человека в трудный для него час».

Поучения отцов, 2:3

Что касается населения Крыжополя, их протест вылился в довольно рутинную и весьма часто применяемую форму – в адрес районного руководства, а затем и в центральные партийные и советские органы пошёл обильный поток жалоб на то, что по вине главного врача район потерял опытного врача. Дальнейшие подробности мне рассказали мои добрые друзья врачи Гринберги – Пётр Маркович и его супруга Евгения Давыдовна, которые продолжали работать в районной больнице после моего увольнения.

На моё место районного терапевта был принят врач титульной нации (украинец), ему передали квартиру, где мы проживали. Но к великой досаде местных властей он не

оправдал возлагавшихся на него надежд. Его квалификация оставляла желать лучшего, но главным его недостатком было то, что он был горький пьяница и редко бывал на работе трезвым.

Вскоре произошёл инцидент, который закончился для него полным фиаско. У одного из начальников районного военкомата произошёл повторный инфаркт миокарда. Первичный инфаркт миокарда протекал у него очень тяжело, мне пришлось приложить огромные усилия, чтобы спасти ему жизнь. В последующем он был под моим наблюдением и чувствовал себя настолько хорошо, что вернулся к трудовой деятельности.

Новый райтерапевт, к которому он обратился, назначил лечение. Состояние больного прогрессивно ухудшалось, и вскоре он умер. Родственники отправили жалобу в Министерство здравоохранения. Специальная комиссия выявила грубые нарушения в лечении больного, и новоиспеченный райтерапевт был уволен с работы в связи с профнепригодностью.

Так как поток жалоб на недостатки в медицинском обслуживании населения не уменьшался, власти вынуждены были принять меры. Главный врач районной больницы была вызвана на пленум райкома партии по вопросу кадровой политики. Её обвинили в «разгоне врачебных кадров», её работу на посту главврача признали неудовлетворительной, и она была освобождена от занимаемой должности. В общем, произошло так, как говорится в невестёлой шутке: «Правда всегда всплывает наверх, но чаще всего вверх брюхом».

От всех этих инцидентов пострадали, как обычно бывает, простые люди. В последующем я получал от своих бывших пациентов множество писем, в которых они умоляли меня вернуться назад в Крыжополь и даже были случаи, когда они пускались в далёкий путь, приезжали ко

мне в Псков с просьбой назначить им лечение. Когда я находился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) на курсах повышения квалификации, ко мне приехал мой бывший пациент, корреспондент в прошлом, Медведь Николай Ефремович, который от имени жителей настоятельно просил меня вернуться в Крыжополь.

Меня мучили угрызения совести, было до слёз жаль моих пациентов, которые так верили в меня, почитали меня, относились ко мне с большим уважением. Скрепя сердце, я вынужден был отказаться.

...После подачи заявления главврачу Крыжопольской районной больницы с просьбой освободить меня с работы, начались дни, полные хлопот. Нужно было запаковать вещи, отправить багаж, оформить документы. В больнице мои друзья устроили прощальный вечер, было сказано много тёплых слов и добрых пожеланий.

Мне подарили дорогие часы, на которых был выгравирован памятный адрес. 24 августа мы отметили день моего рождения, было множество поздравлений. Всем было грустно в связи предстоящим расставанием. Мой пациент и бывший ученик медицинских курсов, где я преподавал терапию и фармакологию, Мясковецкий Изя сказал мне:

- Лев Петрович, мне кажется, что вам следует ехать не на Север, а на Восток, вернее, на Ближний Восток. Там ваши способности и профессионализм получают достойную и адекватную оценку. Ваше место – на Родине наших предков».

Совет был мудрый, но, к сожалению, неосуществимый. Я понимал, что моё желание репатриироваться в Израиль наткнётся на непреодолимые препятствия и принесёт много страданий. Я не был героем, я был обычный человек, переживший ужасы фашистской оккупации, которые оставили неизгладимый след в моей психике. Мне

казалось, что ещё одну катастрофу – коммунистическую, я просто не переживу. Что делать? Не каждому дано быть героем. Моя мечта жить с моим народом в Земле Обетованной осуществилась только через 14 долгих лет. Все эти годы мои помыслы были связаны с Израилем.

Я опять возвращаюсь к нашей великой Книге – Торе. При исходе из Египта в Землю Обетованную евреям пришлось преодолеть пустыню, где они испытывали голод и жажду, нестерпимый зной днём и холод ночью, приходилось сражаться с дикими племенами. В Пасхальной агаде есть слова: «В каждом поколении еврей должен смотреть на себя так, как будто он сам вышел из Египта... Не только наших предков освободил Всевышний, но и нас также вместе с ними, как сказано: «И нас Он вывел оттуда, чтобы привести нас и дать нам Землю, о которой Он клялся предкам нашим».

Напрашивается аналогия между исходом евреев из Египта и исходом евреев из Советского Союза. Евреям из СССР также приходилось преодолевать большие препятствия на пути в Израиль, унижения и издевательства советских властей. Мне иногда казалось, что все мои перемещения в стране – это не что иное, как промежуточные вехи на пути к конечной остановке – Земле Обетованной.

Трудно, очень трудно отрываться от насиженных мест и пускаться в путь, в неизвестность. И, подобно нашим далёким предкам, нужно выдавливать из себя раба и не только выходить из галута, но выводить галут из себя.

«И сказал Бог Авраму: «Уходи из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе».

Берешит, 12:1

Страна, родня, дом – это основные факторы влияния,

формирующие личность и определяющие её поведение. Человеку, даже если он не согласен с идеями и моралью общества, нелегко оставить то, к чему он привык с детства, и то, с чем он связан родственными отношениями. Для него это очень тяжёлое испытание. Всё, что произошло с нашими праотцами, впоследствии повторяется в судьбах каждого поколения еврейского народа.

Наступил день нашего отъезда из Крыжополя. Я испытывал щемящее чувство грусти, прощаясь с местами, где прошли моё детство, моя юность, моя молодость. Здесь каждая улица, каждый дом, каждый камень были мне знакомы и связаны с воспоминаниями.

Вот дом, в котором располагалась библиотека. Здесь я, босоногий шестилетний мальчишка, получал мои любимые книги, по этой дороге меня вёл папа в школу, держа мою руку в своей большой, тёплой, шершавой ладони. А вот и школа, где я учился 10 лет; это двухэтажное здание казалось мне тогда огромным, и каким же маленьким оно кажется сейчас!

В этом городе я пережил самые страшные годы моей жизни – немецко-фашистскую оккупацию, в этом здании была полиция и меня ввели туда, окровавленного, после жестоких побоев, и затем несколько полицаев избивали меня до тех пор, пока я не потерял сознание. Вот несколько зданий больничного комплекса, где я проработал врачом почти 20 лет.

В Крыжополе находятся дорогие мне могилы отца и матери.

Я смотрел на утопающий в зелени городок, и перед моими глазами мелькали как в калейдоскопе картины из моей жизни. Здесь, в этих местах, я встретил свою первую любовь, любимую женщину, которая стала спутником моей жизни. Здесь рос наш сын, и я вёл его впервые в школу по той же дороге, по которой вёл меня мой отец.

Печальные, трагические, счастливые и радостные события переплелись в моём сознании в причудливый клубок.

Здесь, в этом маленьком городке, прошла основная часть моей жизни. Здесь жили и трудились мои родители и мои родственники. В этом городке я работал врачом, и население окружало меня уважением и почётом. Конечно, можно было бы сказать, что именно здесь моя родина, это верно с точки зрения этимологии – ведь здесь, в этих краях, я родился.

Однако, при общении с местными жителями, за выражением лести, подобострастия, восторженной благодарности скрывался едва заметный нюанс, который невозможно выразить словами. Он, этот нюанс выражался интонацией, взглядом, едва заметной жестиком и расшифровывался весьма определённо: «Ты, уважаемый доктор, прекрасный человек, хотя и еврей. Я, сто процентный украинец, общаюсь с тобой на равных, хотя моя национальность в шкале государственных приоритетов стоит намного выше».

Между нами стояла прозрачная невидимая перегородка, которая не разрешала мне чувствовать себя полностью своим в народе. Во мне почитали не человека, а врача. И, если бы в силу каких-либо причин мой врачебный опыт и квалификация исчезли, испарились бы все признаки восторженной благодарности, и я превратился бы в презренного еврея. Иными словами – я был свой среди чужих. Неприязненные отношения к евреям веками скрыты в генах других народов, находятся в состоянии анабиоза (спячки) и периодически вспыхивают при определённых условиях.

Наивно и фальшиво звучат слова некоторых евреев: «Может быть, есть антисемитизм у нас, но я лично его не чувствую». Так человек перестаёт чувствовать зловоние в помещении при длительном пребывании в нём.

Сейчас я оставляю город не по своему желанию. Я не смог противостоять окружавшей меня атмосфере лжи, зависти и вражды, царящей в коллективе нашей больницы и инициированной главным врачом – невежественной и примитивной личностью, прикрывавшей своё ничтожество партийным билетом, который служил ей фиговым листком.

Мне уже 47 лет. Трудно в этом возрасте начинать всё сначала, когда адаптация к новым местам и к другим людям значительно затруднена. Люди укореняются, пускают корни в месте проживания.

Не зря сравнивают человека с деревом.

«Ибо человек подобен дереву в поле,
Как дерево – он стремится ввысь,
Как дерево он сгорает в огне,
И я не знаю, где был я, и где я буду,
Подобно дереву в поле»

Натан Хен, Израиль

(подстрочный перевод)

И подобно дереву, которое с трудом приживается при пересадке на другую почву, человек болезненно переносит смену климата, общества, окружающей обстановки. Обрываются ассоциативные связи, условно-рефлекторные комплексы, страдает психическая сфера – нередко появляется мучительная ностальгия. Не зря изгнание из страны считается тяжёлым наказанием.

Еврейский народ в своей многострадальной истории в полной мере испил горькую чашу изгнаний из насиженных мест. Но мне всего 47 лет, у меня богатый 22-летний опыт врачебной деятельности. В моём возрасте расцвет творческой деятельности достигает своего пика. Я – врач, и эта профессия является не только смыслом, но и образом моей жизни, без которого я не мыслю своего существования.

Что ждёт меня на новом месте? Сумею ли я адаптироваться в новых условиях? В каком коллективе мне

предстоит трудиться? И сумею ли я, «лицо еврейской национальности», найти своё место в этом коллективе? Вопросы, вопросы...

Пока нет у меня ответа на них. И я ещё не знаю, что впереди – путь длиною в четырнадцать долгих лет до исполнения моей заветной мечты – репатриации в Израиль.

А сейчас я прощаюсь не только со своим местечком, - я прощаюсь со своим детством, юностью и молодостью.

Во время учёбы в музыкальной школе наш сын Роман добивался больших успехов в игре на скрипке. Он неоднократно занимал призовые места на олимпиадах, выступал на концертах. За достижения в музыкальном искусстве был занесён в Книгу почёта.

Первый раз в первый класс. Наш Рома начинает свою учёбу в Крыжопольской средней школе. Ему ещё нет 7 лет, поэтому он самый маленький. Справа от него Лиля (дочь Зины), слева – Миша (сын наших друзей Гринбергов).

Наши данные в некоторой степени подтверждаются исследованиями Либетта (1953), который при хроническом напряжении гипертрофированного сердца наблюдал гиперплазию мозгового вещества надпочечников, а то время как в стадии выраженной недостаточности кровообращения при пороках сердца происходит обратное развитие мозгового вещества.

В нарушении направленности обмена восстановленных фракций у больных с выраженной недостаточностью кровообращения, наряду с другими факторами, по-видимому, некоторую роль играет и измененная (сердечная) печень, так как она считается местом наиболее интенсивного разрушения адреналина (Б. С. Сентюрин, 1931; Башко и др., 1937; М. Р. Салин, 1962).

Полученные нами данные подтверждают участие симпатoadреналовой системы в компенсаторных приспособлениях организма при недостаточности кровообращения.

УДК 616.12-008.331.1:616.634.15

МАКРОГЕМАТУРИЯ ПРИ ГИПЕРТОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ

Л. П. ШИХМАН

Терапевтическое отделение (зав.—Л. П. Шихман) Крыжопольской районной больницы Винницкой области

Тотальная макрогематурия является весьма грозным симптомом и встречается при ряде заболеваний почек и мочевых путей (опухоль, поликистоз, ангиомы и др.). В основе макрогематурии может лежать и внесочечный фактор. Иногда причиной спонтанной макрогематурии являются геморрагические диатезы (А. П. Фрумкин). Следует остановиться и на так называемых эссенциальных гематуриях, то есть гематуриях невыясненной этиологии, в основе которых часто лежат патологические изменения почек и мочевыводящих путей, не выявляемые доступными инструментальными или лабораторно-рентгенологическими исследованиями. Макрогематурия может иметь место при гипертонической болезни.

В литературе описаны легочные, носовые кровотечения, носиче характер викарных кровотечений, либо возникающие в результате гипертензии в малом кругу при гипертонической болезни (И. Д. Бондаренко).

По мнению Е. М. Тареева, совершенно несомненно значение нарушений нервной регуляции в происхождении резких гиперемий органов.

Известно, что при гипертонической болезни поражение почечных сосудов у большинства больных, особенно со второй и третьей стадиями заболевания, является закономерным, она проявляется артериосклерозом или (при злокачественном варианте) артериолекрозом.

По данным Н. А. Ратвер, при артериосклерозе почечных сосудов наблюдается постоянно умеренная гематурия, однако иногда имеет место и массивная гематурия, носящая кратковременный характер.

Мы наблюдали больного гипертонической болезнью, у которого тотальная макрогематурия протекала длительно, возникла в виде пароксизмов и, судя по клиническому течению, была связана с повышением артериального давления.

Больной П., 62 лет, маляр, в декабре 1953 года впервые заметил при мочеиспускании кроваvistую мочу. Моча была окрашена в интенсивно красный цвет и содержала червеобразные кровянистые свертки. Накануне беспокоили ноющие боли в пояснице, больше справа.

Из анамнеза выяснено, что больной страдает гипертонической болезнью, однако нигде не лечился, много работал. Отец больного подвергся операции нефрэктомии (причина неизвестна). Две сестры и брат больного болеют гипертонической болезнью.

После обследования в урологическом отделении областной больницы у больного диагностирована мочекаменная болезнь и рекомендовано оперативное вмешательство, которое, однако, в связи с отказом больного, не произведено.

Тотальная, массивная гематурия (с наличием червеобразных свертков крови) носила периодический характер, возникала раз в один-два месяца и длилась пять-семь дней.

Несмотря на обильную кровопотерю, признаков выраженной анемизации не наступало и вне приступов больной оставался трудоспособным.

В марте 1956 года больной был обследован в Украинском Республиканском онкоурологическом диспансере.

Данные хромоцистоскопии (14.III.): остаточной мочи нет. Емкость мочевого пузыря 200 мл, отмывается с трудом — отшло много мелких старых сгустков крови. Слизистая мочевого пузыря слегка гиперемирована. Устья нормальны, расположены симметрично. На дне пузыря — большой кровяной сгусток. Красочный феномен справа на 7,5 минуты удовлетворительной интенсивности, слева на 2,5 минуты хорошей интенсивности.

Правосторонняя ретроградная контрастная пневлография: лоханка расширена, де-

125

В Крыжопольской районной больнице я совмещал работу клинициста с патологоанатомическим исследованием больных. Это давало возможность сопоставлять диагноз и способствовало усовершенствованию клинического мышления. На основе изучения этих данных мною было написано несколько статей, опубликованных в медицинских научных журналах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

к главе «Моя родословная» (стр. 11). Архивные фотографии

1922 г. Слева направо: стоят тётя Чаша и дядя Колман. Сидят тётя Рося и тётя Сура (?)
Дядя Колман был активным деятелем большевистской партии, но, разочаровавшись в её политике, оставил её и эмигрировал в США.

1935 г.
Моя тётя Рося и Исаак Шихман. Молох войны отнял у Роси самое дорогое – мужа и сына

1925 г. Моя бабушка
Эстер Шихман
с дочерью Росей. Я её
очень любил. Бабушка
часто приезжала к нам,
и я всегда был рад
общению с ней.

Извещение о гибели моего двоюродного брата Ильи
Шихмана в боях Великой Отечественной войны. Он погиб
в день моего рождения – 24 августа 1942 года.

1938 г. Слева направо: моя тётя Чаша, тётя Рося и тётя Сура

1940 г. Мои двоюродные сёстры Роза (слева) и Бэла Шихман. Роза – врач, капитан медицинской службы, во время войны, в 1942 г., попала в плен к немцам и после зверских пыток расстреляна. Об этом нам поведал очевидец, который был свидетелем этого страшного преступления нацистов.

СОДЕРЖАНИЕ

Раннее детство	7
Моя родословная	11
Бракосочетание родителей. Их жизненный путь	26
Дошкольные годы	37
Школьные годы (до войны)	45
Холокост	53
После освобождения	104
Студенческие годы	131
Бракосочетание	177
Начало врачебной деятельности	197
Сосновый бор (1955 – 1957)	226
Жизнь и врачебная деятельность в Крыжополе (1957 – 1976)	254

ЛЕВ ШИХМАН

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Воспоминания и размышления

**ИЗРАИЛЬ
2011**